

U84(2F0c=K2T)
A 37

Еремей Айпин

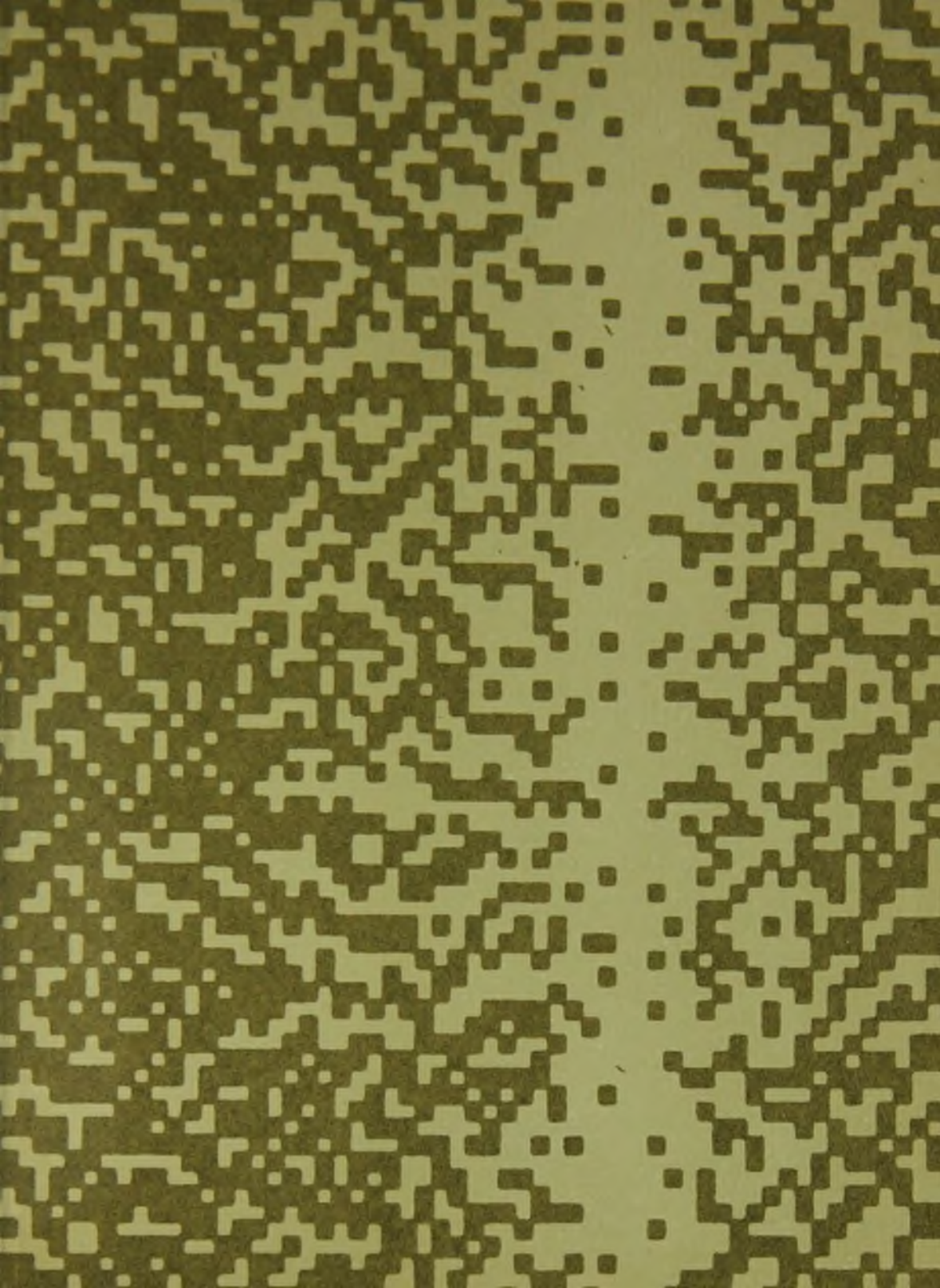

ИНЭЛ
ЛЫХЭЛ
САЙНЫ

В ТЕНИ
СТАРОГО
КЕДРА

-19504-

Еремей Айпин

ИНЭЛ
ЛЫХЭЛ
САЙНЫ

В ТЕНИ
СТАРОГО
КЕДРА

ПОВЕСТИ

На хантыйском
и русском языках

Перевод автора

- 19504 -

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство Удмуртская
1986

ОИ РУССКАЯ Библиотека

Книжный зал

ФОНД

84 (2) Рос-Хант)
Ст-Хант)
К 84 Хан-
АЭР

*Моему отцу, Даниилу Романовичу, охотнику
и следопыту, посвящаю*

Дорогой читатель!

Эта книга поведет тебя по тропам хантыйского охотника с таежным именем — Стреляющий Глухарей. Ты проплывешь по реке Вонтъёгану на его обласе. Послушаешь, о чем рассказывает его костер в тени старого кедра. Почувствуешь хвойное дыхание его тайги.

Ты познакомишься с сыном Стреляющего Глухарей, которого он научил понимать язык людей тайги: деревьев-трав, зверей-птиц, рек-озер.

Пройдешь по тропам его внука Микуля.

На страницах этой книги ждут тебя маленькие медвежата и лосиха с лосенком, вестники весны — журавли и старый мудрый медведь.

Эта книга поведаст тебе о мальчике Романе и его маме, которая чувствует боль природы и залечивает раны на теле Земли. Ты вместе с ним услышишь сказки его крестного — столетнего старца Ефрема. Побываешь в гостях у Старика Месяца, увидишь его верную спутницу Собаку. Узнаешь, почему весной старая Ворона первой прилетает на Север, отчего птички трясогузки садятся на голову. Почему олени никогда не покидают родное пастбище, кто такие Красный Малыш и Стройная Олениха.

И если ты будешь особенно внимательным — тогда, может быть, ты сумеешь постигнуть язык тайги и услышать голос Земли. Все это зависит только от тебя, дорогой читатель!

Для младшего и среднего школьного возраста

4803010102-065
А М158(03)-86 73-86

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1986. Дополн.,
оформл.

**ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ
МА МЭХИВ КОЛЫНТЭЛЭМ**

ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ

Олынгмит палык

ЛУК ЛЯКТЫ ИКИ ЛЭКИТЫ

Олынгмит ох

ВОНТ ЯВЫН ТУЙНАМ

— Муват Лук Лякты Икехи ма четчечем туй? —
Микуль ачил пыриших.

— Лув оял им вул,— ястих ачил, Вонт явын аръялтал сахет.— Лук паны па воих-кул имат валты вар туй. Цопынгпи пупи. Чу вар пытан Сардаков яхны Пупи Валты Икехи намты. Ай невремытны чут чу «пупи» домы тойта энта мустыл. Ма номыксылым, самты чулат ай мокитны Лук Лякты Икехи туй. Чены сахет атым намыл. Ницы айны олынг валмал воих лук вул. Чу попытны топ явылнел алымты кима илыт — паныши воих лэки мынлыт.

— Муват Икехи туй? Пырисхи ихилых?

— Икехи энта топ пырэс ях тойлат. Лув тулынг-
курынг воих, юх-пом, нялым цавы тунгымтых. Ар вар вуй.
Чулат памылнат энта туй. А намыл Роман-ики вул. Лув
яхкинглата им номыс-кол кий.

— Мув вар пытан яхны имат туй?

— Лув яхнам им номыснат вул, яхнам тарым вул. Чу нопытны волты вар лахэрэлта мын. Мыта ко атыманма юхитл — четчете имат варыл сор вул. Имат нявил копыкки туйтых. Жацынг ко пыхиртыты вар туй... Лув тухтыл имат инэл вул. Ар ко пумылтыхэл.

ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ

Най им суили туй. Ики тухэт пумнам умыс папы пай колыт-ясыгыт колынтых. Най нявым. Лув нявым тэм Вонт иллы, тэм явын паны нермыт иллы. Найны луваты варынты, кулны номыксыл аны инэл лыхэллынгки — най кары кучинга юхтым паны алы мыта найнам пумылтыхилты. Пумылтых нухлал-сомлал, қотлал-курлал. Най ангки луваты варынтых валь юхкин номыс. Лынаты кеврымхи их — улынг найны энта куцехин. Най лынаты энта юхитл, ос нок энта улты кунты, номлымтых Ики.

Чи валь юхкиннам лэйлтал сахет, олынг улым ныил номлахтых. Чулатны ины воих кинца рангипых. Ийчены сахет най кучингны шай еньмин умыс. Паны ай суилы кунтыхлых. Тыт самыл ай тохирсы мока кой. Найны тыхнам-тахнам талылты. Нухлал-сомлал куцда варат. Алы мыта лилынгки иты, кеврым юхитлых тахи кинцлыт. Туйнахи тухирлал архином пулэкинтит. Сам ингк курасив лахирт онгсам пусым. Чит нырны тохирсы мок алы пок сорекинтых. Тухэт унтны пант. Ином найсульхи торым вахнам мын. Юх вул — юх энтэм. Алы сор марыя — номлымтых. Тохирсы мок най ревки их. Алы понта кунты — чу ий тохирсы мок чут мувылы?! Мувылэнгки мосл? Но... тохирсы энтэм, а найны лывэм суил кулха волт. Ницы, коны ная лыпты. Вар энта най охтыны, а тухэт улым ко охтыны?..

Ит най нявым: сарны кулха ар юмлых-вотлых сувэс катл. Най алы мыта кантых колнат нявым, а Ики колынтых. Най колым нялымнат лыви. Колым — ой вуты нялмыт.

Най луват пумылтых. Пум котхэл кухет мын. Ар соип талилым, ар колып выим, ар явыл-мыталы омтыхим, ар пун явынгк варым, ар луп паны сох юх катлыхлым котхэн. Им най пум мари ундыр пумынгки тоял.

Кары най явын том палык пыхты вонт, явын, тэм палык нерым, инам ваннахи юхит-помыт, явныт-лорыт паны кантых яхкин — их паны пох — пумылтых. Кары най качинг илын волты от, илып волты ко пумылтыл.

Най нок мосты вар вармин вул. Лув шай пут нок кеврымтых, а пырны, ихсаккинцат алы мыта шай иньч. Тэхи лыхэл паны кол тухир, унцых онгк, пачир папы валь юх, най мулэм пай питым сувэс пой-сувмытыт лыптыт апыл силмахтых.

Най нявым айлыхмалт, топ колты кимны. Ики суйлых умыс. Похэл ичи. Лув ичи най суйнам колыптых. Номыснат вултых — най мыта яснгыт тоял. Мув яснгыт — чут цопасынгки энта тунгымтытых. Топ курняхлых: най мувылыет мувы нявмыл. Ихэл чит иллы пырилы кунты, ястыл: лэйла, колынта пана номыкса. Кантых коя мустыл кацынг вар лухнам тунгымтыта. Тэм вонт мых ичи тунгымтыта мустыл. Пох илын вырахтых кацынг вар лувнам варта. Ит, шай еньмин пырны, айпи коил варны ярми. Ики кансахэл цакемат попта рангипых. Пох канса энта талт. Лув лайм вый паны най кары кучингнахи лыхэллингкинам мын. Лув тыт шай варынтым кат воих кинцы яхкин лыхэла цомылтыта ихилых. Палатны воих-кул ях най каратны паны лис-явыл каратны чиминт цомыл кийты вар тойлыт. Лув лыхэла энта юхит — Икины самат вари: ал цомылтэ, цыки пырис юх. Пох ихил лахилта рангипых, кунты лув канса талтал тэрмыл. Лув лаймыт-уцыт айрыта тух, шай равы юх пурыка эkkитымал пырны, шай пут тал ингк най карыха умыт. Вултых, илып пай ошат кийта энта мустыл — юх-пом улынг пайшы панам эпты вары. Най махилты лувны мустым сахет лыптыт-помыт илы нолкимтат. И айхи ихим най сангкенг лотны вул. Лув ит помлымтых — ингкнатъя инам пай энты кичл.

Тыг Ики кансахэл аслымтых паны нявым:

— Муват най папам вархилэ?

Ма мувы най папам вархилым, номлымтых пох. Сарнам-пырхинам номыс катыхта рапгипых — муват энта мустыл... Итъя, номыса юхит, энты кеврым-сорым лунг яци, а юх лышыт-пом питым сувэс. И ехли, тавын торым, вот энтэм. Ий тухим ингк пырхинам энта тулэ. Лувны най махилтыя ыккиты. Ий ингк сáмпы пая энты пихт.

— Най имнам папам вартахы энты мустыл,— ястых Лук Лякты Ики, канса рев илы савктал сахет.

Най суй, най яснгыт-колыт, най архит-моньчит, похпынт мустымни кунтыхлат. Олынг латны кары най суй кунтыхлых.

Кимытмих ох

ВОТЭЛ КАРЫНЫ

— Нунг вуилян, кулпы меми чирл,— Микуль ачил пырипых.

— Ма топ ийпа вуим. Маки Икии колылэм, алы сечхи-кечхи сама койты вар энта тоял. Ма канык понцым латны яхимны вуем. Нинг воих, кантых ко сахет, катал нурмиш лант охтыя ымыл. Ымылмал пырны, ал охтыя лох моккин умыт папы мосылтыта вархэл. Цанц охтыны нехалтылхэл кантых ко сахет. Нялцыхэл, паны алы мыта авмилтыхэл. Лувнам муv урып мувы суилы варынтыл, алы мыта арэх. Кантых ях ясынгны чит мытты чирл.

— Лув... нунгат вуй?

— Энта. Лув чилатны, мытты, иймыталыпи энта вул паны энта колт. Исъях ясынгны, чи латны ищык тухи пумтых соцлып пан энта курняхлыл. Чулат нехалтыта энта мустыл, ири мынта мустыл. Пырны чут нунгат имнам цомы курымны энта каньхэмтыл, атыма энта варл... Не-времлал пытан иймытлыпи пырхи энта лельл. Инам цомы

ингка, пая, канты коя выхэлт. Воих уд кинцлыны, лох мокт нехалтыта энта мустыл. Олынг латны кой воих пахитлы. Виципи топ кой воих. Лох мокт инам энта нехалтылат.

ЯВЫН УНЦЫ ТАХИНЫ

Сорым лыхлынг енык кутыпа кулмыштыккин. Шай еньмин пырны мыта мари умысхин паны олынхин. Топ Ики улып нок куцимтых, похил паиыпи вуимты. Имат сари олымнат ул, юхин ийпапи энта нок варыхлыхил. Имат алынг, топ тави катл нок ат, ихилны нок нячилэкки варыхты, мулыхмин их:

— Лэйла!

Лыхлынг енык ыл оллынгны, явын сый онгнынгы колым пупи кылыпыт: анжки папы кат лох моккин. Ай суилинат анжкины ингка волты палыкнам китхилэхин. Но том яхкин, тухапи, инам кидин энтэм явына выхилта, ир сахет, ир сахет юх почнам курмексылхин. Анжкинны китлэхин, китлэхин, па латны киплыкнат, па латны каталнат нюхтылэхин. Алы мыта пыхты пунынг посхин, тыхнам-тахнам нирымтылэхин. Анжкин ий куил китты мари, комытпи куил куныл. Тухины лаихлыт.

«Читпи мувылы варынтылыт, — номлымтых Дани. — Ентыхлыт выс куты их?»

Лув улыпи ухил кем пултых паны алы тухи айхи их. Чиким ванлта паны чи арет воих ий курымны лув кулха энта вуилых. Чулат лув чиким войхитнам лейлих.

Анжкин ийлатны пытымтых: кыцалта кацэкинтых, ванны волымпи ко копкилта мыцыкат мыи. Лэлхим яккин паны тухи лухимхи ихкин, кантых ко сахет лавкинхин, омыслыхин. Лахиллыхин, мувылы ос анжкин ястыл, мувылы варта партыл.

А анжкин ингка выхил паны пунглэм сый поча пит, алы мыта рыт. Лув суй вар паны лох моккин лув охтыла неврымхин, каталтын кит палыккнии аслымтыхкин, анг-

кина китлхэн, алы мыта валых лав охтыны омысты яхкин. Ымылмин пырны, ангкин тум явын палыкнам нерхимых. Топ яхкин ай нялким сулли сечл. Туха им чены явын улты мынта. Туха чи пллы нюлнам пиявымхэн. Чурсем лынаты.

Ангкин авны ыллынам тухи паны тум явын палыка сый лойк локки ихим тахины кан. Чу тахины аны коцынг юнгилллынгки ул, чут кучинга мын. Омсым яхкин паныши пэврымхэн пан чи юнгила кухет утнам сухэмтыккин. Уты штмина нюла лужкин, коцынг еныкны пынграхлыхэлта рангипхэн. Ангкин уты кил, илы равипых, аны лыхэл тумпинам пант. Невремхэл лув пырилы вувицхэн.

Войхэт пантыт. Топ явын унцым лахилат кулха вулыт паны ингки пом лэк киит.

— Ицык сапет пытылын анта моралтыккин, — иймыта латны похил их. — Имат ангкин номлахтых!..

— Лув кинчахэл номсынг воих тэм мыхны энтэм, — нявым ихил. — Алы нецынгка чиминт тахи энта вулы. Нунг вот вуин...

Тыт похил пецхана номлымтых, ихилнам аунгрымтых:

— Пецханэ котты?

— Пецхан?! — ихил ики ухэл нок нюхтых. — Мувылы пецханнат варлын?.. Пецхан волты тахилны волт.

Кулмит ох

ИТТЭН НАЙ КУЧИНГНЫ

— Ях ястылыт, Лук Лякты четчечем ики меми оял имат им вул, ар воих выхилтыхэл? — кулмыштымин тахины Микуль ачил пырипых.

— Энты ар, энты цымыл. Мув арет луваты мустых — чу арет выхилтыхэл. Имнам чу урекки воих-кул энты нехалтых. Лув муртыл вуй, ийпа аръялым мурт.

— Кояхи аръялым?

— Мых аръялым, сангки аръялым. Лувнам аръялымал. Оял чулат виципи энта ихили, муртыл вуй.

— Энта кул-воих валты нялыкпи инам энта туй?

— Муват энта туй. Но чут кинца ипэл целыкки луваты Анмым мыхэл вул. Виципи помыксых, улынг сувэснэ-тавны морты воих суй энты курымтых, улынг явнытны-лорытны кулынг торым энты тэрым. Улынг тэм мыхны им паны чунь вици вул.. Тэм мых выле ар Ко тоял — Юхит-Помыт, Кулыт-Войхит, Явныт-Лорыт, тапырыт-помыт, кав рапыт — вах рапыт, кантых яхкинглат. Чит инам лув яхлал. Лых инам волта лапглыт. Лыхаты им папы чунь виципи мосл..

РАХПЫНГ ВОИХ КИНЦЫ КО

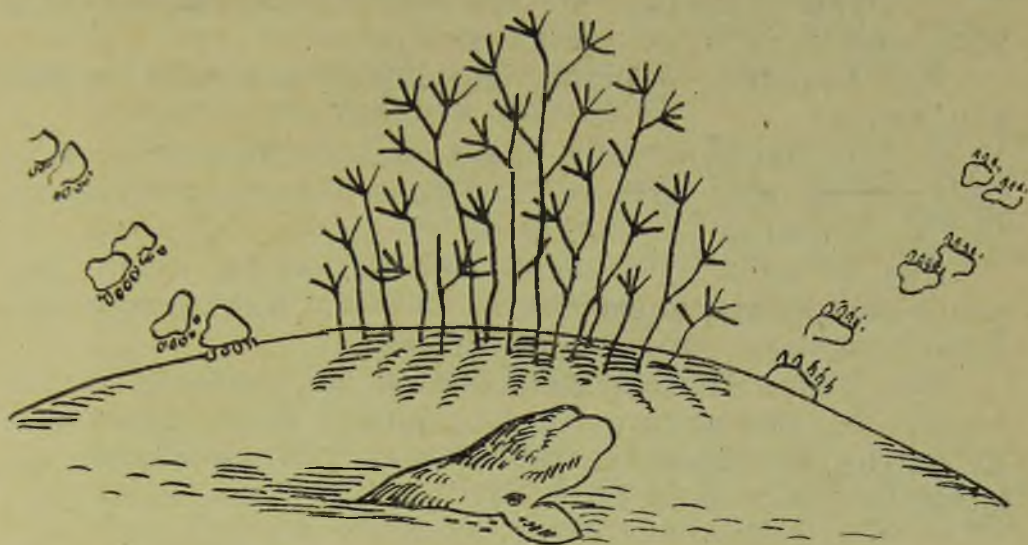
Ингки кухкуруп ко пыл нок ат. Савянг явыи сый опгынгны лахирт пуни лэкт. Утнам, лыхлынг-кулынг явын ворнам алы тыхимтым пом янгки. Чи пыл кучингны пулынг воих мунтыл. Инам тухи сайхэмыт.

Лук Лякты Икины луппат вонх нокцык нюхты. Похилны ичи лупнат пыхирты. Олынг латны лахиртла агытлых ноптых их, чут пырны пуни томрым пунглыл ат. Топ нок волты кур няви палкил энтэм. Тухапи пыхты воихны тэрмылты.

Ики уты лохислых. Кансахэл куцмылтымал пырны, похилнам аунгрымтых — тунгымтытых мувы энта. Мув ура чи ноптых их. Похил лянгкис улыка волты палыкнам кырыхлых. Лэкэт тухнам алы паптымтыт. Паны лувии, тухапи, тунгымты..

Катл яцыны ноптых палмытны атымхи вари — нихлыми, пуныл цыки вувыл. Явына выхил, топ ухил ингки нок ат: ехли паны палмытны энта канлы. Тут лув воихны оихты. Утлта ломитых паны савянг почи алы тухи котып, валхан ымылтых. Нюх утнам куц вувиных, но котлал-курлал сави унта вингкэт. А пыхты воихны ылнам наври, пушгыл палкил коси — ноптых тухи тырым. Нялким ко

ути кил, пом унтыны мыта мары умыс пиньчмш. Умыс паны самты номыксых, кулны сарнам лаихта мустыл. Куц лух вонтыны кичимшр вуккинг ко вул, ит вувыл цымил энта пхи — талыксых-талыксых ноптых кур палыкны, а уты талты вув эптэм. И сапег пытахэл ылы энта канлыххэн — мых томшия нямык. Пан воих томшия инэл — цыки лахирт. А уты имат мус: нак кары варта. Сангкият-мытлнят понта солла мавылат. Чут улынг сорха пыкем-

ты — пмат лоньчехи мынл. Лув няви пыкт ут тухины тавылчэл.

Иймыта латны, инам вувыл тэрыма, воих курняви палык нок тавылчэх. Чут пырны ноптых утыцык тыл, улынг авны энта тухи, паны нячилэкки сый вор унтнам мын. Ит лув мыта юхи мурины олал. Иттэн нок ымыл паны ос тыхнам юл. Чены кацынг катл воих няви тэрымты муцы янгкилыл. Алы имнам нак карал энта кийлытых.

Лук Лякты Ики канса чипрымтых, воих пахл волы нок кинц. Лэкэл имат инэл — нюр нирыв кур улты люньчи ким. Икины лэк самнат юх поч муцы алтылы паны нявым:

— Мых рахип, чи имет ноптых савия-туньча кырых-тых! — паны ос мыта арет левыл кол тухи пыхиртых.

Похил пыхла энта авыл. Меминам, черты, кичимпир вуккинг конам, имынг воихнам, Торым похнам — лув ий-папи ицык ир кол энта аслыхэл, а ит... Ики куты их?!

Похны тыт пырипи:

— Нунгнам вылэ ястыхлын: лув инам кацынг кантых ко кол колт. Цоцынгпи ир кол...

Ики чи латны кангимтых:

— Лувы коллытых! Ма лув кичахил нявымлым! Лувы колынтыл паны лувы нок илэмтылы!..

Ики похилнам аунгрымтых, пырны кот улык унтнам вар, ястых:

— Чит рахпынг воих кинцы ко! Рахипнат тэм воих пихт! Сары мых охтыны лув чака юта энта юхиттых. Чит энта луваты аръялым воих.

Ики ос мыта арет левыл кол пыхиртых: улынг рахпынг воих кинцы коны кунтыхлы паны имат нок илэми. Улынг пырны ос чиминт вар энта вар.

Лук Лякты Ики номыксых, имат нок левытлылы кунты, лув илэмлы паны ос энта рахиплыл. Вылэ кацынг коя ил мыхны мустымин волта мустыл. Чут тэм ингкит-мыхитны ласыкки волта ил.

Нилмит ох

ВОНТ ЯВЫН ТУЙНЫ

— Ма колмамны, Лук Лякты Ики топ сохъюхнат пыхты воихнам янгкилых?

— Сохъюх оянг вул. Кацынг ко сымыла-туила канты лыксымнат воих-кул кинцыл. Луваты вот сохъюх оянг вул. Ях инам пецханнат воих кинца рангипыт. А лув, тэм Вонт явыны янгкилтыны, пыхи рыт палыкны вици сохъюх алт. Ай воих, пут варты васых-уц, пецханнат лякл.

А пупинам нурыхтытал латны пецхан явытлы, сохъюх косиплы. Чуминт четчече Ики вул... Мув арет воих выхил-тыхэл — урыхпи палкил инам сохъюхнат. Явылнат мыта арет вул. Ма номыксылым, лув пупи ванлта лэйлта лавэнгк. Лув лавэнгк пупинат ий кимны, ванлта нюла выхилта. Кацынг тахины лув томпия цопынг колнат-варнат вул. Пылмат ут энтэм вул.

— Нунгат унлтых сохъюхнат воих кинца?

— Унлтых, топ сохъюх алымты кима ихим. Номлэм, ястыхэл: виципи сохъюх вах ирынг урыл нокнам котлмин тойлы — чут пупины энта вулы. Партынг урыл кырых-тылын кунты паныпи оихтылтых нан лавыстылтых.

— Сохъюхнат воихнам янгкилын?

— Энта. Лув кит-колым ох ким ма кинхачем охир вул паны почэл вул. Вувылпи пыты энта туй. Чуким вувып ко энтэм вул. Ма чу кимем энтэм: куц вув пона, куц сымынг вар пона. Лув пырилны сохъюхнат воих кинцым ко энтэм вул. Лув кичимпир ко вул.

ПУПИ СОХЪЮХ

Лук Лякты Икины воих вуви. Паны воих луватынам юв. Кутын ванхи ихима, пыхты ванцып ко кат конхэл туя пит паны ирнам колымин луватынам юв. Улынг нумпалыки вувым куилнам питта паны вув ицалта, кояхи нокпи питл. Икины алы чиминт мыта ав несылтым корки мох лотылыны лыхлы. Каталхэн архи нюхтым воих нумты юхтыма, лув ичахэл курым вар. Паны ванцылны воих лахирт лал кунтыхлымал латны, сохъюх, имси котнат вах конгынгы катлмин, пыхи котнат юхил кутыпи катлмин, вах, ирынг урыл нокнам, воих тур яцынам вольтытых. Вах палым латны, лув паста пырхи кутырымтых пан вай пырынг палыки луктых.

Вахпы воих пырхи тоялты. Воих паныпи сохъюх вая лук — чи вай луватынам талта вартых. Икины пыхирты, тунгислы вах, мыта сунгнам луваты мустыл мынта. Вах

пантам пырпы, Ики котхинны тунгымты — мосты тахила сохъюх юхит.

Паны алы айхи нюл ича ихкин. Тухи сарамехэн. Кояхи нокпи питл?! Кояхи — кояхи?!

Иймыта латны воих ылнам асыл папы нячхи-нячхи имси палыкнам пит. Икины сохъюх аслы.

Ики мыта мари воихнам лэйлмин люль. Чут пырны канса куцмылтата рангипых. Ийпа-китпа чипрымтымал пырны, юнгкил охтыя ымыл. Мыта цыки нелыкмал бы энтэм, имат матмал бы энтэм. Топпи котхил, воих алмилым котхил, алы мыта цымыл тухи пысымтэхэн папы лахирхицык ихкин. Лув чу пыс мынты мари ылы ымыл паны канса нок вуй. Ит котхил имхи ита ихкин.

Воих нехалых ихим пырны, лув сохъюх нок вуй. Помсыр неч, паны лыпытнат-коцнат сох юх вах нок рангита рангипых. Мустымин ар палыки илы муигыттых, сарпины помнат, чут пырны нямык улык коцнат. Сохъюх вах им вахкима нэвехи их. Чут пырны лув мыта мари тухнам лейлмин вул, алы мыта мосмин тойты лыксымылнат ай кол нявым. Ницы ястых, вот ос ий воих выхилтымын, тэм мылынга аны лыхэла цомылтылэм. А нунг осхи лохты муцы ниньча. Вара варе — ит ниньча. Паны юха тухи нок люньчимтытых, мыта раскилал явырмал паны парт сутпылал пулмал пырны.

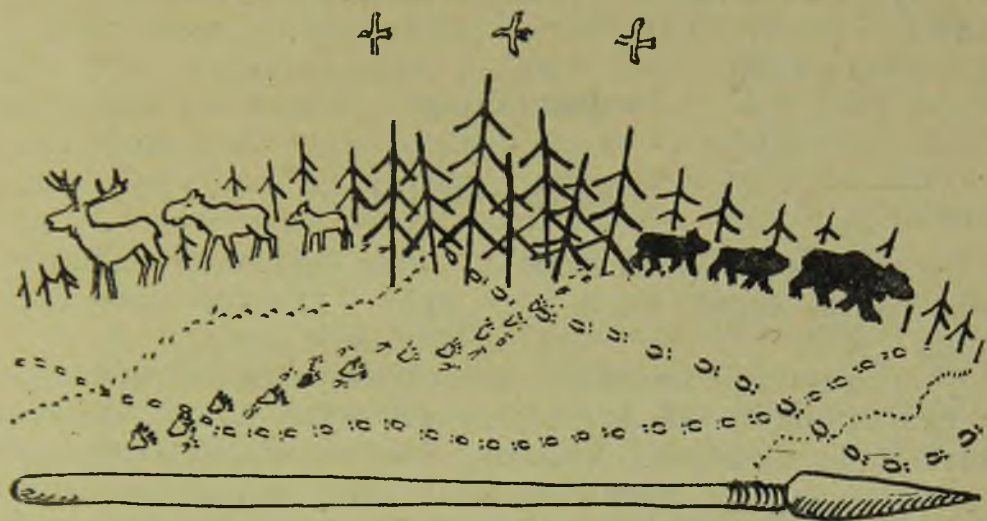
Чи лыксымыл лув алы мыта лохс куилхи туйтых. Воихнат нюла выхилты латны лув ийкимпы чулат чиким сымынг вул, тухапи вуйтых, сох юхил пыкил. Лувнам лув пыкты варил вуйтых, луват вуй, мос мувы энта мос. Сохъюх ичи пыкил. Лувнам котхил варым сохъюх, а котхил вуйхил: лын варты от мос. Улынг топ сохъюх вах пасты паны ваил сары вул. Чу вах лув котхилны лухты, мустым сахет лухты. Ях чуминт ихиллыт, чи вах ира опыт понлы кунты, паныпи кутпалы авытлы. Чуким пасты.

А сохъюх вай... Тави арисъингк латны сувмыт авыт. Катл кийпи тахины мустымин сорылтытых, улынг илы энта лангкиих. Арсъингк латны авытты юх, сорталха ки-

чимпир сары юрки ил, ицък лайимны энта канлы, алы сорым нанг юх. Сохъюх вай энта мориил кунты, воихны куты варл, номыксыл. Вах ичи мустымсахет, вах понат-уцнат лувны вая пуни. Чу сахет пуньтых, алы мыта вах паны юх нюла имылтыхил.

Вот чиминт лыксымнат, нуни сох юхнат лув воих кница янгкилых. Па лыксым выты вар энта туй.

Чу сувысны лув ос пупинам мынты помыс энта туй. Муртыл арет воих выхилтых, чут урыкки энта мустыл.

Кацинг ко вонт мыхны лув юкан туй. Воих орты ики арьялым юкан. Лув ичи чуминт юканат мыи. Чут урыкки кцил этэм вул. Лувны сохъюх инэл кутлып лыхэл пурыка луньчи, улынг ингны энта питы. Мыха канты сох юх вай олынг ылпия парт пул пон — илы энта пыкемтыта. Даңи похилнам памилтых, кулы сохъюх луньтых. Ницы Луваты мыталатны мосмыхтэл.

...Ар ол мыным пырны Микуль мокмукилны лув сохъ-юхил нок илми паны сутпил илы выи. Катпалыкки лух-тым вах лахиртла чолэкинтых. Микульны сохъюх ингыл панг пукинат нюхты — алы мыта ехлины мыны, алы мыта

кукки мыным ют нюхтых, алы мыта четчечил сымых вар оихтых, алы мыта четчечил тарым вув нюхтых. Номлым-тых, алы мари волт а лув вувыл, лув сымынг варыл, лул тарым варыл... Куц нама ар олхи их четчечил энтэмхи ихим пырны, а сохьюх молэки энта их. И нялыны энта выи! Алы мыта Лук Лякты икины топ молкатл нок лухты, парт сотыпа пулы паны инэл кутлыш лыхэл пурька, Вонт явын туй махи пытыны луньчимты. Кичимпир воих выхилтыхилмал тахия луньчимты, том выты пытан. Вуйтых, энта лувнам кунты, так похилны ницы мокмукилны вытал пытан.

Ватмит ох

МЕМИ ЛЭЖНЫ

— Ос чу сохьюхнат воихнам янгкилмалны, Лук Лякты Ики пылты варпи инам энта туй? — Микуль ачил пырипых.

— Сохьюхнат пылпыса номлымтыты ким энтэм. Ницы чу кут ванны пытан лух сохьюхнат пупи кинц. Колылэ, вонтны топ пупии ях пыллыт. Топ ий воихи. Яхны чу вар пытан пыллы, кичимпир ырап воих, ондыл имат ван. Яхны имынг паны чирты войкхи тойлы. Па латны чуминт вар варл — алы коллых илы. Па латны им унтыш, па латны атым унтыш. Ар урилнат кантых конам кырыхлыты вар тоял.

— Ницы Ики мыта пыкт сухтыпыл вуй?

— Ма сахетпамныя, номыснат кацынг вар вуй. Й пупи номыснат тунгымтых. Луваты цопынгни воихнат нарипты тахи мус. Нюл ицалты тахи: кояхи нокпи питл, кояхи энта каньчикинтэл. Кояхи сар илнам понымтыл. Вот чи вар луваты мус. Ицык вылэ, мув арет пупи выхилтыхэл, а чи воих чакэр-мыталы тавылчиты вар энта туй. Ий пулпи лулыла энта выих. Топ котны-котны пупи лолынгни кевыртым нянь чут лывилых.

— Имат сымынг ко топ самты сохъюх вул?

— Урыкки мавылхи сымынг вул. Пылмал ут энтэм вул. Иймыт — лыппи пырхи лельчи вар энта туй. Ицык воих-кул кинцы ях луватынам лэйлмин па латны сымлал атымхи плыт. Вот чуминт вул нунг Лук Лякты Ики чет-чече. Лув пырилшы ит, ях ясигыт сахет, ос чуминт воих кинцы ко энтэм вул...

ЯВЫЛ КАРЫНЫ

Вонт явын онг винсипшы, Инэл Вонт рапны Лук Лякты Ики явыл каралны пупи лыксым умыт. Яхнам ихилыл, пырхинам ютыв муцы лувы лахлыксыл. Ват катл мары явын туйнам янгкилыт паны инам чены кырыхлыт — воих энтэм. Пырхинам ютыл сахет иттэн юхин чу явыл карыха юхтыт. Сувэс атыт чуким пытыхлэмыт, ицык четъилын лельчи юх-пом энта вулы. Ванхи юхитта ихмила, Лук Лякты Ики их:

— Я, чу явыл нок лэйлты. Ницы тыт ои тойлув.

— Нунг куты ихит чит?! — нявым ысех ко.— Ос явыл сукэн пар?! Ос нелхитхи ихим воих тут омысл кунты?! Нунг волманат, пытыхлэм тахины куты варлэ?! Чехи кие, култахэл нок лэйлтэ.

— Туттыпи кунты, лув чака суй-кий тоял,— нявим Ики.— Инам имнам чака энта лукэл.

— Нелхит воих чака лукэлпи лукэл. Томинт торымны мын нунгат мув урны пыхиртылув?! Ицык кар ухил энта вулы. Кулнам лякты?!

Тыт яхны инам варлы: ал кила, чехи вылэ кие. Чака Ики мувы чу кол, уты кил. Похнам их: ма сорха, топ лэйлтэм, сукэн мувы энта. Як ях мыталыят вылэ курым-тылыт, кулны талхан юхитлы.

Похил рыт сарны пома катылмин умыс. Номлымтых, ицык пецхан энта вуй. Паварам нелхит воих тутты. Пупи нел топ сурт кинца кухемцык. Воих чуминт койлы пан нелхитхи ил. Явыл кары кучингны оихтылат муцы омысл.

Кояхины вулы, мув тахилы койлы. Чулат явыл виципи катлын лэйлты. Воих тут омысл кунты, ихил мувылы варл? Кацынг пуци сахетпал сахет лайхэл. Ий воих суй варл, а па воих алы тухи капимтыл, ко ванхи лахилт. Кояхины вулы, мув номсып воих куи. А ях явын яцыны рытлалны нявымтыл сечл:

— Энта вылэ кил.

— Лухнам-я лух, похил куты ил?

— Лувнам-я пуцины куты варлы, опта энта ий-кат вуилых.

— Пуци туттыя купты, куяхици вул, туха има энта юхитл...

— Нунг луват энта вулын, лув мувылыи кирыхлыл! Пуцины куты варлы...

Иймытлатны лыхпи суйлых мыныт.

Лув уты курмыхтымал латны, паныци пытыхлэм тахины пантымтых. Дани топ ихил курсуй кул. Мыта мари волым пырны, курсуйпи курымтых. Явын яципапи ях алы айхи ихит. Мари суй-кий энтем, ицык юх-пом энта нюхлыл. Топ пыхты пытыхлэм пан суйлых явныт-мыхит. Ихил ванны волтыни, Дани иймытлыципы пылты вар энта туй, пылписны энта юхтыхлы. Ит лувпи номсыл ар урнам янгкилта их, имнам-атымнам. Пытыхлэми пан суйлых тахни тухины их. Тухапи намын омысты ях ийтухины ихит.

Лув сахетпал имат марахи ихим пырны, мытли пыклых ихмин утнам викикитых:

— Нунг лилынг вусын?! — суй ат юхитны варынты.

Мыта мари волым пырны юх унты Ики кол юхит:

— Ины явлама юхтым. Сукынмал тахи!

— Нык юва. Алынг нок кинлы! — ысех ики викикитых.

— Сасар, ин сухим нок лейлтым. Рангахлых. Ницы куккинам энта мын, тыхи уц корых.

— Нык юва лилынгки волта ланглын кунты! — ос викикитых ысех ко.— Тэм курымны юва! Ницы энта атыл воих, па яхлал тут омыслыт!.. Коллэ?!

Юхитны варынты — коллэ! Но кол ос юх унты энтем вул. Суй-кий энтем. Намынна ях ос алы айхи ихит. Иймытлы рытны колыпих — пан ос суй энтем. Данины вулы, чумнит катхин-колым пупи ийюта янгкилты вар тойлыт. Ий ко ылы шитл кунты, мыта нелхитхи уц ил, па латны па яхлал тут омысты вар тойлыт, тухи каняхтылыт, кантых ко юхитты латны ийкуил панлта. Цопынгпи нинг воих мыта ура пл кунты, куй воихны чут виципи энта

кийлы. Лох мокил ий чу сахет энта кийлат. Чуминт воих.

Ос мыта мари волым пырны пыхты юх унты Ики кол юхит:

— Тытты...

Иймытлы рытны суйнат лалып.

— Тытты, — нявым Ики. — Малыксем, пунинг. Пупи энта лувахил... Уты кылытых, най улытых. Нялыхтыта рангиплы.

— Па мытлы тут омысты энтэм? — рыты пырипи. — Нунг-я энта нюхто, ос мынг?..

— Ювитых, ювитых, суип-киип энтем. Омсым воихпи самты маки мын. Лув ичи пылпис кантых кохи тоял. Ювитых.

Намын омсым ях уты кылыт, най ноқ улыт, воих нялыхтыта рангыпыт. Инэл воих вул — ысех ики олтыхлых паны пецхан вах понхи. Дани шай варта их.

Нялыхтыта вармал латны, пырис ики их:

— Кулха пумынг, иттэн куи. Пылпыспи инам энта тойлын — лилынгки умыс кунты?

— Вонт воих,— Лук лякты ики ихилыл.— Мувылы имнам кантых кохи вахил?.. Горым номты воих.

— Ченя чены,— топ их пырис ики.

Нялким яхны паста воих ноқ нялыхты, шай иньчит пан рытлал лылмит пырны, сарнам лавкынтит. Ат кукки мын пан ос мунхи кинца пытых-лэмхицык их: ингкит-юхит инам атны выят. Лук Лякты Ики ях сарпии явын номыс поснам лохилтых. Похил номыксых лув ыллыт, самты пытыхлэм тахины тэм вонт пан ягун вул. Кояхины вулы, ницы цопынгка лув пытыхлэмны вуй.

Кутмит ох

ВОНТ ЯВЫН ОНГ КУЧИНГНЫ

— Кулны Аган яхны четчечем вгкынг ясынг кунтыхлы? — Микуль ачил пырипых.

— Чу попытны ма кулха ай вулым,— ястых ачил.— Сургут воцнам мынтыв сахет, явын ыл оллынгны пупи кат ядиха ихув. Мыхи ко, имат почил папы вукынг ики, вув мерилтыты кары вар, юхнат талыксыта. Ар ко вул, мыта кос урыкки уц. Чу мыхи икины инам нокпи питат. Па ко ий котнат, па ко кат котхиннат. Ихим суйлых умыс, ях пыра кич. Лув чу латны аим-китым вул, яхны вукынг вархи энта вулы. Чу ях пырны, мыхи ики их: «Я, ымла, Роман! Нунг муртана их!» Яхныпи партлы: «Ымла, ымла! Куц пупи няхалтылын — Ики алышты рыкынта латны!»

Ихим куц энта лангк, ий мыта латны чу Ики ича ымыл. Юха китылхин. Вувипхин. Паны чака чу мыхи ко ийпуц охпш высны рукэкинтых! Нок ымыл, лак-пом илы равипых, их: «Ма чулкэм! Я ос ийпа!» Ихим омысл: ос кунты ис. Паны чу Ики топ ымылта тырым — кимитхи охпи высны рукэкинтых! Нок ымыл, нявым: «Олынгпи коны пихтоем! Виципы номыксым — вув маны тойлы! Ит вулэм — вув нунгны тойлы, Ромап-ики!

— Чут пырны Лук лякты ики вув энта мерилтыхил?

— Чака энта помлым. Вув лухаты воих-кул кинца мус. Илын янгкилта имат сымынг вул. Чуминт, катл вола, куц ат вола, мув мыха номлахтыл — чу мыха мынл. Юма-вота пты варпи энта туй. Кынынг вул. Пырс ангки туй, самхпл атым вулхин. Нерымны, чу ангкил рытылны алталны, охтытны ылы выхилта энта асыллытых. Чу ими рытны таллытых, чут урыкки сохит-нюрыт талт. Алы талых рыт талт. Ангкил илы выхилта итыка, нявмыл: «Кояхп нунгнат соцлтыхилт. Ымса!» Ма чуминт талых рытнат саранг лынат сам туйны тулым. Саранг юхитлым. Янгкилтамынта луваты вув мус. Чи вар пытан...

СУВЫС АТ ОЛЫМ

Икнины коллы, ими четкотта мулыхтал сечл:

— Нок кила! Юхит!..

А лувны тунгымтыта курты, чит олым пытыны мувы энта, тэм сахет. А ими ос их:

— Нок кила! Юхит!..

Лув иймытгыпи энта лихыл, луваты юхиттахи ихим мытлы энтэм. Колым катл томпины питым цохт тэм иттэн лул. Чуминт торым: энта пыхты сувыс и энта нэви тулых. Тэм муртны куяхи тыхи юхитл, лув номлымтых. Курат кух мых, а велы мурта кулха энта их. Чены номлымтых паны ос кулатты мын. Ий кулнам мын.

Немрых катл мары лангки кинцмин инэл яхим махилты-суц. Иттэн ягу юхитмала шай иньч паны олынтых.

Лув топ илмыхны суйкий колты вувыл олымнат олал, а котпы кул олымнат олты вар туй. Паны ит нок варыхлыта курт. А ими ос мулэкинтых:

— Я нок кила-ов! Коллэ, юхит!..

А лув ос номлымтых, куяхи улынг тэм кухыннахи яхимны кутыла юхит. Чу кеми имины вон палыки косипи, пыл высылнам виккытых:

— Чака нок кила-ов! Кот косл!

Кот косл, Икины тунгымты, ма луват сар!.. Нок лук, кот ий самат тухтых. Комытхи палыкны невремхил, авихил-поккил оллыхин. Лын нымпины имил юхит найнам понл: кояхи мувы найнат каньхимтыты номыс тоял. Но хохлыхпины инам лувнам яхлал вулыт. Паны лух кемнам суйлых-кийлых вувиных. Туха кемын чу хот косты мыталы. Охпи пунмал латны сам ирнат вуйтых — хот кутыпнахи нюки ир мытлины ылнам талты. Цопынг костал тахи, лув номлымтых. Кояхины пирты! — Ики атым номыса пит. Паныпи унтыл пыт вувны лангта вари. Охпи косипых — пан кем корых. Сувыс ат пытыхлэмны самхил выехин. Иймытлипи энта вул. Но пыт вувны нюки малыксымин хот махилты тухи. Пыкты ким энтэм, кунты самхин пытыхлэм тахия унлтыхин. Курым, кимыт курым, кулмыт курым... Хот най нюки высны вылпякинтых. Алы мыта имил пан невремхил чу кеми вута тырым. Но най пырны самхил ос ат пытыхлэмны выехин. «Ханты ко паны най тойты хот коста мувы мустыл?! — нявым мувы номлымтых лув.— Энта мустыл! Цомы энта мустыл!» Ос сарнам курым вар паны котхил ингки потым мытлия ихкин. «А, котхилам кута питын! — их лув.— Хот коста номлахтын?! Невремхилам каньхимтыта номлахтын?! Сар ма нунгат!..» Тыт Икины пангыт лямыскимтат, вувиных пан пунынг мытли нок котхин туя илмыхтых. Паны хоты илнам курым вар. Курым, кимыт курым, кулмыт курым... Алы торым вах котхила пит — курпытахин ийпыхр потым мыха наврымтэхин. Ос мыта арет курым вар пан тухим утыл ылнам явыттых.

Мыта ун суй вул паны ий чукуримны тукин.

Самхилны ий мушна курасив сувыс пытыхлэм. Пыхты мых. Пыхты унцхыл. Пыхты пылпгыт. Мыта мары суят колынтымин люль. Суй-кий энтэм. Котхил пычиримтых, алы люхитахплты мытли. Тых нярык кур пытахил ехлахлым вар кунтыхлых. Нярык курат кем кырымтымал тахи — ины курпялых. Хотнам курыхлых. Косым нюки ир пок тыл паны ягу лавнг.

— Кояхи тут вул? — имины пырипи.

Тувит юх найны лыты суй. Невремхил олым пытыны сылыслылхин.

Унцых нухит вотны нюхтым сечл.

— Воих вул, — Ики нявым.

— Мын плнам?

— Мын.

— Ос пырхи энта юл?

— Энта юл, — их Ики. — Ит ос энта юл.

Имил тувит юхат пон папы ёнтыксыта рангипых. Ики кансахил ийпа — китпа чыпримтых паны олынтых.

— Коллэм, иймытлы хот махилты янгкилыл, — Ими ёнтыксытал сахет нявмыл. — Олынг латны маны велпхи туп. А пырны нюки коста рангипых. Чу латны нок каньчикинтым. Нунгат варыхтыха рангипым. Кацынг воих куй кой пылт. А нынги цыкы энта кориил. Лых кацынг вар пнам вулыт...

Мыта мары суйлых умыс. Чут пырны пырипых:

— Нунг муват пецхан энта выин?! Кулны чиминт пытыхлэмны лыксымлых?!

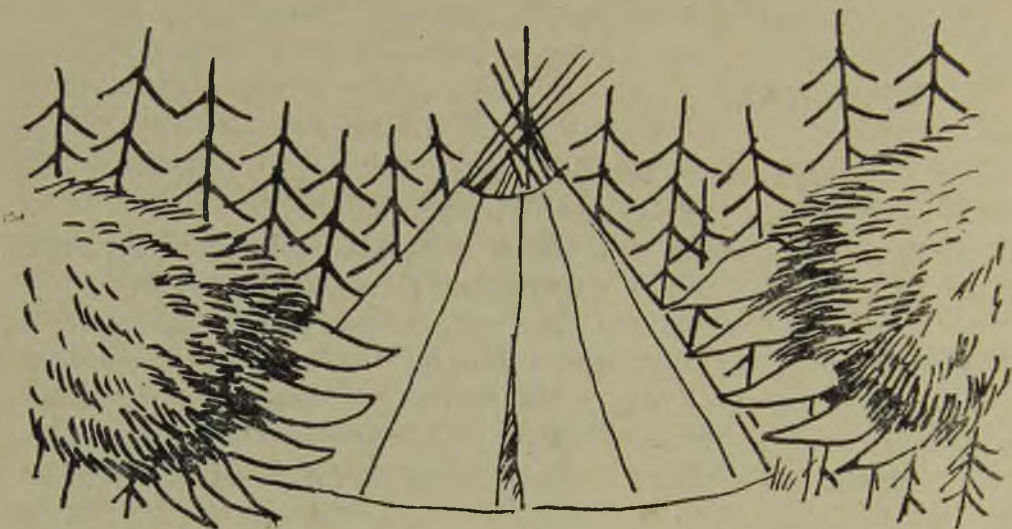
Ики кансахилнат вуимтыта вари. Олымхин-соккин кутны имил суй саранг луваты юхитл, но мув иллы нявмыл — тунгымтытых. А-а, чу пецхан тэм пытыхлэм торымам кулнам цуцци, имил колыт иллы номлымтых. Чу пецханнат куты варлы. Явынгки явныт-лорыт путат, цохт вул. Тэм латны воих лоньтылы-явынгтылы — нелны энта канлы.

Имилны самты чи вар тунгымты, нявым:

— Онтыкапа улынг коцых выин! Кояхи инам лыксым-
лых воихнам янгкилыл?!

Мувылы чу коцыхнат варлы, номыксыл Ики. Коцых-
нат кулнам — ицык наи энта пылт кунты. Кулнам чу
коцых!..

Мувылы сарнам имил нявым — энта култых, кансапат
лулылны вуимты. Юхин топ ийпа нок варыхлыхил. Пы-
тыхлэм тахины кансахил нок милымтых. Куцмылтытых.
Ийпа-китпа чипрымтымал пырны па пунгыл палыка ка-
римтых паны ос вуимты.

Алынг имил колнат ягу лавнг:

— Нунг, кимын, воих пихтын?

— Воих?

— Авлыт кунингны олат. Нок лэйлэ.

Ики хот нирхыл нок пул паны кем ат. Авыл юх-мыта-
лы варты юнгкыл охтыны пупи олат. Юхин волым цохт
суйны питы. Колхил инам явынгкты-лоньчты.

— Мув арет явынгк-лоньч тоял, — их Ики.

— Мувынат нунг пихтэ? Колнат выс куты их? —
имилны пырипи.

— Мувынат? — лувны пырхи пырини паны мыта мари суйлых волмал пырны, нявым. — Вуим ко... олым пытыны мув вар энта варл...

Алынг шай еньчмал пырны лувны воих нок нелыхты. Инам чены кыйта энта мустыл, юрыл томпия инэл. Чак-рыл, инам лакым курасхи ихим, хот ий палыка, койлых тахия понтых паны тухрынг юхат лывынгктых. Колхыл ныра нок ыхыттых. Кецых пупи тырпыл четты. Энты евыккы, энты ёнтыхлы. Чи вартал сахет номыксыл, муват Нум Торымны тэм пупи мыцци, муват муртыла ихима вонгка энты олты, муват ханты конам паны найнам киты. Мув вар пытан?! Мары номыксых тормыт-мыхит иллы, пупи иллы, вонтыт-нермыт иллы. Ий латны чиминт номысны юхты: ницы, ханты ко панам вар вар?! Ницы, ханты коны тэм воих нок килты паны энта пихты. Чи сахет кунты, ханты коны нок мыцци?! Цопынгка, ницы, ханты коны. Номыслых-коллых ут чум муы ярмым ут?! Чуминт мытлы варым вар, самты.

Тэрыммал пырны канса куцмылтых паны юнгкыл охтыя ымыл. Лух лаихмал мары, пылыгыт ира нюхлыт паны катл пукын. Кулха алынг — катл ины юх туита юхит. Чи вар оихтымала, Ики лангки кинца мын. Лув ийлып цохт охтии соцдал сахет пупинам номыксых. Хот-лых-лунгклых воих мув мары яхмыт-нермыт кухет янгки-лых. Мув арет лоньч-явынгк вуй!

Кимытмит палык

МИКУЛЬ ЛЭКИТЫ

Олынгмит ох

ШКОЛАНАМ ТУТА ВАРМАЛ ЛАТНЫ

— Мустымин унлтыхла, — ястых ачил. — Лунгтыксыта партло лунгтыкса: ий, катхин, колым... Лунгтыксыты кул вылэ вулын.

— Лунгтыксыты кул вылэ вулым, — нявым Микуль. — Мувылы ма школаны варлым?

— Нэпэк лунгытта унлтыто.

— Энта лангклым школанам. Ма илын волта лангклым, воих-кул кинца лангклым. Нунг вылэ ичи нэпэк кул энта вулын, а воих лэк нюхилты кул вулын.

— Ма ай волмам латны школа этнэм вул — кояхины унлтытом нэпэка?.. Ихим паны ангкем ичи нэпэк лунгытты кул энта...

— Вот-вот, Лук Лякты Ики ичи нэпэк канци энты вуй, а воих лэки кул лэки тарым вул, куй вуй.

— Чулатны мувылы тэм мыхны вул — лув инам вуй,

лув вулыхат вар энтэм вул. Чуминт вул, школа вул кунты — лувбы унылтыхил.

Микуль суйлых мын.

— Школа инэл пухилны, пухил нунг анмым мыхенны, а анмым мыхе нунгаты имат вута мустыл. Мустымин унлтыхла: лунгытта партло — лунгтыкса: ий, катхин, колым... Унлтыхла, ит инам невремыт унлтыхиллыт. Топ анмым мыха ал юрихла...

ПОЙ ОХТЫНЫ

Микуль пмат суйлых-кийлых пой охтыи мын. Лув имат копыкки кухил. Лув пырилы лахиртла кумыт ванцип Егорка юв. Лув ачил вели лахилмин ворык нерымны волт. Тэм юркин мыхны лув топ Микульнат сымынгки янгкылыл.

Кацынг алынг пойхи ихима лын интернаты явын ворнам янгкиллыхэн. Тэмкатл ниньчи катл. Лын ит тави улык сунтнам колынтыхилмин мынхэн. Па латны юхи лоньчъ мурып корхил — чи латны Егорка пунгылнахи коцыха лукты вар туй. Цымыл лув каньпаиг вул. Микуль чу латны нявым ий куилнам, мув урып чит суй. Лын мары илын янгкилхэи. Микуль луксылнам воих лэкт-уцыт памилых, мувтахины мув воих мын. Куц мув урып вотлых катылны, юх унтны вициии суилы волт. Мустымин колынтыты копы коллы, кулны нюлнам юхит-помыт нявымлыт. Кулны омпенг аны лыхэл ангкил лалт.

Невремхин яхим куснгалнам мынхин. Тыт пыра кичим ничьчи катылны лын ар кучхир вуйхин. Микуль чи войхилл вахта имат им вул. Лух вахталны кит-колым ийкурумны юхитл. Ванхи юхитлыта лынны чи ныпытлат. Войхилит паныпи юха курекинлыт. Чит кичимпир чурсем мурт. Вач юха кунгытл кунты, юх равислыта варлы. Кучхир корхил пап па юхнам сухимтыл. Лув паныпи пюхиллы. Виципи няхнат вапгкилтыхиллы.

Унцыхны кучхир топ юх кутып кима кунгытл, пыхты

кар выца. Сарнам энта мынл, котлал-курлал васты кара энта канлыт. Лув пыхты кари ылнам-нокнам сахилта рангыпыл. Тых юх валыха юрым сухим лыснат катыллы.

Лохс янгкин нилмит ол школаны воллыхэн, кацынг вара инам унылхэн, а лилынг воихлых волты кул энта вулхин. Виципи лилынг пичинглит-уцыт тойхин. Кучхир кидая чут ийпа варым котыли вул. Пойны чу воих ката пахитта им.

Алынг кулха ехли вул. Топ ванц потты ким: пухлым-хин алы тухи ехлахлехин. Лалтапи ласк. Цопынгпи катл ир унцых тоиты нок атым пырны. Илтахи инам катлны нов выи — алы сорнины куремты. Алы мыта юх-пом ины нок тыв. Чи мурт — кичимпыр лын ланглын ол мурт.

Ит янгкин явын лохи нокнам мынхин. Ий латны, цоми курымны, Микуль ийлота люлимтых паны ий куил котат вар, айлихмал их:

— Тыхи юва. Лэйла!..

Канчикинтум Егорка ванхи юв, сарпины коцхила лук. Ий латны коцхил юрихлытых. Лунгем лотны, аны унцых-лингки пурны вырты кух курып ко мок ул. Воих мок пылхил нехалтымин цав-мувылы лавылмин лаих.

Поккин ий пыр тухи айхи ихкин.

— Лилынг воих мок!.. — иймыта латны мулэкинтых Егорка паны ий курым ванхинам вар.

Мок анжки ухил нок илым, пылхил сарнам тух. Чут пырны мыта арет курым вар паны мокил ядиха люль. Немремхины виципи сам энта аслыл. Люль паны алы мыта тухи путымты — ицык энта нюхлыл. Самыл-пуныл сахет-я имат номсыл атым вул. А мок кунтыптыты ким энтэм — тухапи кулха мустымин янгкилта энта их. Тытып-тэмып кантых куя ныпытты курас туй.

Иймыта латны ухил юлы аслтых, пой нелып. Самты тунгымтытых, невремхинны атымат энта варлы. Чи латны поккин пырхинам курмексыта иккин. Юхит томпия питмин пырны нурихтыккин. Топ пухил кучингны суцииа питхин.

— Лита ихмин курасив,— Егорка ястыл.— Я, томат тулхитымин!

— Пом?! — пырипи Микульны.— Ма номыксыламны, пой нухат тулэхин. Лув вылэ пой карат имат лангкал.

— Нунг пой пух морита, ма пом тулым. Школа пом катны ар пом!

— Я, я. Том нунг паста янгкила. Тот чи мына...

— Ма кичимпыр пастажемнат мынлым! — паны мын Егорка.

Цыки марахишы энта их, поккин пом сыр паны пойюх нухит нячиленгки воихкины мыта кима понхин. Чут пырны юхи мури унта тахилты цык мынхин паны тухи каняхтыккин. Мари цык люльхин. Ий мыта латны мок анжки нухи пая суц, нок апсилтых. Тухапы литахи их. Ий латны чу нухит энгкирта рангипых. Мокил чу унцых пурькны ул, алы мыта вуимты, топ инэл пылхил нюхалыхин.

Лохс аккин юхи муры унтны воихкиннам лэйлмин умысхин. Егорка нянь пул нок вуй, китхи муртых, ий палкил Микуля мыйтых. Лын чи нянь лита рангипхин.

Тык мок анжки каньпахлымат курасхи их. Лилых их. ухил нок плмыхтых, пылхил алы орита ихкин. Поккин кучингнахи юхи муринам лэйлых. Яккин чу палыкнам кырыхлыккин паны... Чу юхи мури кийпалыкны пецханьнг ко люль. Сак цоп патронынг энтэпнат варыкси. Самхил мок анжкины вулхин. Котхил кит корып пецхан нокнам алымтыхин. Суйнат пецхан самыккин ымылхин. Корхил пангкил вах ядинам мынхин. Аны панг самык рыхимтыты вахнам мынл. Сам кунимтыта энта тэрымлы — мок анжки пой охтыя корхил.

— Ал лика! — ий курымны викиныхин поккин.— Чит мин воихлимин!..

Пецханьнг ко инам нок рыкин. Мари атым самат невремхиннам лэйлых, ий латны атым суят их:

— Мых ампхин!..

Нячиленгки пецхан самыккин асыл паны ингрантымин-левытмин ийпалыкнам суц.

— Кояхи вул? — пырипых Егорка. — Ма топ пецхан-
нам лэйлыхлым, луватынам ицык аунгрымтыты сорок
энтэм вул...

— Чит — вылэ пошта кат монтер Кирюха! — ястых
Микуль. — Ма паныши луват оихтым!

Иттэн интернаты паныши олынхин, ох нэ Нина Ива-
новна невремыт олтыта рангипым латны. Но вуимтыта
тухи куртхин. Ях инам вуимтым пырны, Микуль ий куил
волы кучинга мын:

— Нунг ичи энты вуимто?

— Олым инам энта юл, — мулэкиптых Егорка.

— Кулны нунг номыксылын — лув ос энта юхитл?!

— Кирюха?! Кояхины вуи?!

— Мынлымын?

— Мынси!

Нок килхин паны пытыхлэм тахины нячиленгки лом-
тыксыккин. Коридорны нирлых, суйлых-кийлых вуимтым
ат лахилты ими пунгыли кемнам мынхин. Кемын нирлын
нок пулхин.

Тави ат ван паны нэви. Юхин яхим пылнсапг: юх
туит ий мытыхлэмны выят, па унцхит алы мыта мавнгк-
икит лельлит.

Вот и лунгтым кары паны аны унцыхлингки. Неврем-
хин тухнам ломексыта ихкин. Ванхи юхитмина топ алы
пуринтым лант папы ырты пун сырыт оихтыккин. Лунг-
тым тахи ирны, пойлоньны мок ангки лэк оихтыккин.
Микуль най варты юх нок вычимтых. Пой охтыны мок
лунгкит высыт вулыт — ангкил юта мын.

— Мынхин!.. — мув вар мувы пытан Микуль мулэкип-
тымин ястых.

Алы мыта мыным ангки сахкихины колыхин, неврем-
хин айлихмалт виккитыхкин:

— Пырны ос ювитны!..

Яхин юхитны тот варынты:

— Ос ювитны-ы-ы!..

ЯГУНАМ АСЛЫХЛЫМАЛ ЛАТНЫ

— Муват чит тулых чиким кох, а лунг чиким ван, — номыксыл Микуль.

— Ма чи иллы ис ясынг колылим, — ястыл ачил. — Ис яхны ястылы, Лук лякты икиншип варынты.

— Кулны чу ис ясынг сахет?

— Ис ясынг сахет, маки кох попытны тыт тулык эн-тэм вул, тыт виципи лунг вул. Паны имат ар курасив тухлынг воих вул: нэвит, выртат, нярнх пом курасив, вос-тат. Пойланг пытынгнат катл пум ванхи такмин вулыт, катл ванны тоил. Чены армыта ют мари ях вулыт. Но иймыта латны вырынг сэмыш ко пок ат паны тухлынг воих тыхлыт илы коста рангиных. Тухлынг войхит кантых конам панам ихит паны, коккинам-коккинам, морты мых-нам пурыхлыт. Паны катл пум ютал тухил. Паны чулат-ны пытылэм ат юхит, лоньчинг-явкинг тулых юхит, тарым ехли юхит. Яхкинглат павта вари, лэты отат ярми, волты урлых их.

— А пырны? Пырны коты их?!

— Пырны... Им сэмыш тухлынг войхит кантых конам кырыхлыт паны кацинг олны, тавин, морты мыхи ван мур-та тэм мыха пум паны катл алта рангипыт. Рангипыт, улынг яхкинглат энты тэрым потмин, улынг пумылтыта ях паны юхит-помыт, тэм мых нок пумылтыта. Чены чи ис ясынг ма ангкихилам-ихкилнамны варынты.

ТОРХИТ

Тэм тавны ворнги тылысны лунгтымпаит нок атыт, лоньчь лулта их. Ай ингкит нок лулыт. Пылынг-мыталы инам энтэм, Катл кот самты кеврымхи их, юхит-ингкит лулалтыта рангипых. Морты войхит юхитта ихит.

Чпминт пумынг тави катлны вачь курынг лэк кухет

Ларкингинам, сувмытанг нерым явнылинам, колым похилы мыныт. Сарылта цавкилта ихим Пенчо пампи ко мын. Лув имат лулынг, суйлых волты кул энты вул — ийпатухи лопырхимых. Лувнам якун пецхан тоял, воих кинца янжилыл. Лув пырилы Микуль Егорка луксылнат суцхин. Пенчо потылымтых:

— Маки олны ма лох мок китлым. Олынг латны лув ай вул, пырны чи инлэтхи их — лэйлытны! Вот тэм лухетхи их, алы мыта рап пай, та-а! — котнат памилтых, мув лухетхи их.

— Самты, аченны китлы, рахпынг кол ястылын, — ихилыл Егорка. — Лув вуккинг, мув воих луваты пыкил!

— Ястылым ма рахпынг кол! — няккитых Пенчо. — Ма ос энты чиминт вар вуим. Ястыта — кол энтэм!

Чут пырны лув ос мувылыет мувы потылымтыта рапгипых.

Микуль суйлых вул. Лув сахетпал, илын, вор мыхны топ юхит-помыт, лыптыт-ингкит нявымлыт. Цопынгпи лунг тавны, мув латны юхинкатлын лорыт-мыхит морты воих суйны выят.

Пухил вотым унцых мокил томпины нантымтых. Ларкинги сувмытанг вандынга юхтыт. Пенчо ай коцхилинат аны сувмыт выстых, ястыл, арс ингк ницы тоял. Ма нинат арс ингкат лапытлым. Но арс ингк энтэм вул сувмытны, юх тунгки нок энта пумлы, арс иигк латхи кулха энта их. Нурлыхты невремыт сувмыта курымтыт.

Тыт охлал туйны невремыт суй кунтыхлыт:

«Кур-лы, кур-лы-ы, ку-ры-лы-ы!»

Няхилта-няхилта, сувмытыт тоя расмин, колым торыхлыхтыт. Пенчо кухырнат торых суй вар:

«Кур-лы! Ку-ры-лы-ы!»

Лув суил торхитны кунтыхлы. Лых кырыхлы паны явын охтыи нячиленгки махлахтыт. Ий яхлат энта оихтыт. Ос ийпа махлахтымил пырны, явын том палык нерым лотнам аслымтыт. Тут, лунгтым тахины пан литы вар тойлыт. Невремыт чу палыкнам нурыхтыт. Чуким паста торхит

пыри кухлыт, па тахитны корхилыт, сапег пырилат игкны амралат. Лых кухлыт торхит пыри, олынг ванлта оихтымил морты войхит лэйлта.

Торхит мыта лухет курис лотны пан воньмин суцихтыт.

— Мас! — мулэкинтых Пенчо.

Мыта мари ий лота дулимтыт паны суйлых торхитнам лэйлыт. Лэйлыт, кулны лых кух курлатнат суцихтыт, махилты карнит, мых-тахи арьялыт.

— Ярнасе илы вые! — Егорканам мулэкинтых Пенчо. — Паста вые!

Лув коцых нок вый паны тохирсы нух авыт. Чу нух ярнаса явыртых, алы мыта торых ох, Кух юх валыха коцых пунь, сак унта лавнг, оха ярнасынг нух катлымтых паны торхитнам мын. Ястыл, ницы ванхи юхитлым, коцихнат воих валты кима. Ий яккил мив томпия каняхтыта пиртхил.

Торхит вар вулых курис лотны оймакки пан лывмин лайхит. Пенчонат кутыл ий ванхи-ванхи ита их...

Микуль морты войхит иллы ис ясынг номлахтых. Чу ясынг сахет кунты, тави морты войхитны тэм мыха алты. Имнам тухлынг воих валта энта мустыл. Лыхаты морты мыхны им, тут пумынг, волта им. А лых тыхнам, чи кухет мыхнам юлыт — яккинглата морты пум тута.

Микуль алы мыта нявымты кол кунтыхлых. Пана чи латны виккитых Пенчанам:

— Пырхи юва! Ал мына!

Виккитых пан ий куил пыри вувиных.

— Ийпалыка мына! — виккитых Пенчо пан Микуль илы лукимтытых.

Микуль мив охтыя корых. Чу латны лув ий куил кур палыка лук. Лын китнынты мив кут туньчинь лотнам корыхкин.

«Кур-лы-ы!» — кунтыхлых Микуль паны ванцыл нокнам кырыхтых.

Кохын-кохын, тави атыр вахны колым торых лыхилт. Микульны юрыхлы туньч лотны олты тахил паны вырынг нюлыл. Тави алты торхит энта валат. Лых лильнгыт, тави ичи лилынг.

Кулмит ох

КОТЫНГ ЯХИМНЫ

— Маки попытны тыт ухыр курып войхит вулыт, — ястыл ачил. — Ма айхи волмам латны, номлэм, иймыта атны кат воихкин каима юхтыхлыккин. Мин ангкемнат ягун вулмын. Ачем илын вул. Ма ай вулым, ангкемны мант атылэмнам кийлат ким энтэм. А воихкин каимны уртых-лылхэн. Ангкем ястыл, чит Торыми велият вахинтылхэн. Мылэхин кунты — ос велы энта вулув. Мытты, чи воих имнам велыя-мытлыя тулымты вар энта тоял. Торымны партлы кунты, чут каим велы был.

— Чу латны велы валхэн?

— Энта. Ангкем алынг каима мын — велыт инам ий лотны вулыт. Ицдык энта каньхимтыхлат. Чу воих лэккин бы туттэхэн. Тул сахет каим улты ийпалыкнам мынхэн.

— Ос пырны энта юхтыхлыккин?

— Пырны энта. Ит тэм нопытныя, ма энта колылым ухыр курып ут юхтыхлыты ясынг. Ит мув арет олхи их — энтэм. Ухыр курып ут имнам велыя-воиха тулымты вар энта тоял. Ис яхны чены ястылы. Нунг четчеченыпи чены варынты... Топ ийпа чиминт вотлых ясынг чи воих иллы сич. Нунг чу латны айлы вулын.

КУТЮВИ

Амп Кутюви сарпихи сахет имнам ворхи янгкилыл паны он юхитл. Уртыл имины куц мыратыхиллы, кут имат лапытлы, куц нялкилтыминмосмин тойлы — мыта имхи энта питл. Чу мыта муртыла итыха Кутюви ий пыр мынл. Имины тунгымтыта курты: кулнам лахитлыл. Чу мыта пырсахет ий латны инам коллых их: импил лолымта рангирых! Кутюви — лолмак! Ими улынг чи кола энта авыл, самхилнат энта вуйтых кунты. А самхин вуим вара энта авылты ким энтэм. Олынг латны ими кул хот сунгпытыны выс оихтых. Номыксых, оскал кул хот, мыта тухрынг нухпт пыкемтым тахины лоньч илы сылымтых. Тухыр кул хот вул. Ий катл волым пырны самыл чу выса куй: алы мыта инэлхицык их паны мыталы талым кура-сив лэк кыч. Мыта воих пар тыхи куихлых, тухины лувны поны. Ницы, липык. Лув хоты пылты вар энта тоял. Ар липык волты олны, па латны ицдык ларпи кэнмин оч лыхпалыка лангты вар тойлыт. Липык куихлых кунты — ои вар! Чу выса чапкас омытта ихилых. Но энта умыт. Сар илы рувытты тахия ихмин. Номыксыл, икем лухи юхитл. Лув чапкас мустымин омытл. Лув мастер. Лолым катл мыным пырны, икил юхит. Ястых луваты, кул хоты ий мыта воих кул алт. Алынг икил тухи янгкилых. Пырхи юхитмала, няккитых:

- Кутювины кулла аллат!
- Чут мухкола ястылын?! Мыта няхлын пар?!
- Кутюви лолмак.
- Чут кулны?! Ницы, липык?!
- Энта липык. Тэм олны липык цымыл.
- Онтыкапи кымлых. Чу кымлых лолымта атым ут.

Чит вылэ кацынг коны инам вулы.

— Номыксылын, ма кымлых Кутювия турыптылэм? — няккитых икил.

— Кутюви чака лолымты вар кунтани энта туй! — нявым ими.— Пунглыла куц мувылы нона — парлыхалны энта вылтых. Лыты отат тырмыт — энта вылтых. Чи варыл ма вулэм. Чиминт амп чака кулха энта волылых.

— Чапкас умта. Оихтылэ, кояхины кулла аллат! — икилны варлы.— Мантэм энта авыллын кунты, оихтылэ!

— Нунг топ няхлын!..

— Нухытны, чу кул хот высны, ма Кутюви пун оихтым! — их икил.— Лух тухнам янгкилыл. Па кояхи.

Ими кул хота янгкимал пырны, авыл. Цопынгка, нухны нэви пуны муры. Кутюви пун. Вот муват лолымта их? — чит тунгымтыта куртых. Ягу лангмала, икил пыриптых:

— Мувылы чу кулнат варл? Энта вылэ сымыл валлы?

— Ампыт па латны чиминт вар тойлыт,— ястых икил.— Лыты от томхи кицахи каняхтылыт. Чуминт, мытахия лоттыты вар тойлыт.

— Тэм олны па курасивхи их. Сарпихи олытны чиминт энтэм вул. Па ур па варынтыл. Куты их? Ницы, ысекки ита их, пырсамлы — вот ар ур и варынтыл?!

— Чака пырсамты муртылая кулха энта их. Лув вылэ энта цыкы ысех.

— Ма колылмамны, ампыт чу пырсамтылха ар ур варынтыта илыт. А Кутювия, цопынгка, цыкы пырысхи кулха энта их.

— Я чит-я нурлых ясныт. Ал каналтэ,— Икил их.—

Лухнам мыта латны лавыл. Ал каналтэ. Алы вуе.

Катлын, ики воих кинца мын ым пырны, имины Кутюви чу кул хот выса вуви паны нок памилта вари:

— Нунг муват кул хот выси варэ, а?! Нунг муват кул лолымтын, а?! Мувы сыма валлы? Илэмпи энта тойлын, Кутюви? Илэм энтэм, а? А-а — илэмто! Илэм!

Кутюви лыхил почалтымин уртыл ими кучингны люль. Ими суйнам колынтыл. Лэйлых, лейлых паны номсынг самхил ылы асылхил.

— А-а, вулэм — илэм нунгаты. Энта муват лолымлын? Кулнам лыты отта цевилыла? — пырилы уртыл имины. — Ос ал лылма. Ал мант, нунг уртынг име, чиминт грегат вара. И урта чиминт грегат ал варе. Коллэ?! Нунг вылэ кацынг кол инам тунгымтылэ, инам!

Уртыл имины чу выс тухрынг нухытат тавкии паны кемылта волты палкилы лоньчат кыны. Муват амп атым тэвлыма унылтылы, номыксыл ими. Лувы лыл чут, мувылыят понлы, мувылыят мылы. Варыл тэрмым пырны, ими ягунам суц.

Кутюви кацынг катл па вар атылтыл. Кухин чены рангипых. Чу катл иттэн икил топ кунилнат ягу юхит. Лапыт урыкки куккинам воих кинца янгкилых. Лув шай енъча ымыл, а ими нявмыл, кулны лых лув янгкилмал мари вулыт. Авин мыта арет ийлыш колыт ястыта их. Миккуль похин топ кемын ентых, ягу вувнат пахтыптыхиллы. Велит энта куньчит. Лыхнам виципи кацынг алынг ягунам юлыт. Инэл нерымы пойтэки поры юхтыхлых. Немрых катл оч кучингны кылышыт. Мыта мари суйлых вул. Чут пырны нявым:

«Ий вар панам — Кутюви кулатты мын».

«Чут кулнам мын?» — икины мыта мари омысмал пырны пырипи.

«Кояхины вулы?! — Мавыл пит — паны мын. Мынг номыксылув, нунг пырены юв».

«Мантэм чуминт мытлы юхтыхлым энтэм».

«Цаль, — имил их. — Номсынг амп вул. Топ нявымты

кул энта вуй. А тунгымтыта — кацынг кол тунгымтых. Вонта мын кунты — цаль».

«Энта улынг кулнам мын? — нявмилыл ики. — Ванны пухил-мытли энтэм. Ях кухин воллыт. Мув мари тыт воллув, мыта пухил-нампи энта кунтылых. Мувы цопынгка вонта мын?»

«Чуминт колнам колынтыты амп вул! — номлахты ими ны. — Мувылы варта парлэ — инам варлытых. Олынта парлэ — олынл. Кычахат варлэ — энта ропысл».

«Самты, ий яхлалнам туха лангкал. Кухин воллув, амп алы нецынгка энта вуилыл. Виципи атылылнам. Ницы. чены омысмин нок яксалты паны яхнам, амп волты пухилнам кунт?»

«И имнам ропысты вар инам энта туй. Топ вар вуталны ропысл».

«Пыхырат выта мустых, ос ий ампат. Катхин чут нок энта яксалтылэхин», — номыксыл уртынг ики. Луваты ичи цаль вул: Кутюви лангкинам паны лукнам им. Вондыр-нампи им вул. Сувэсны чиминт амплых, алы котлых.

Шай еньмал пырны, олынхин. Ими топ Кутювинам номыксых, лув иллыт нявым. Алынг икилнам их:

«Ницы, Кутюви нок кынциллэ?»

«Мув тахии кынлы?»

«Тулых торым. Лэк-охит тоял».

«Цохт вул. Пурги вул. Инам пантыт».

Мыта мари суйлых волмал пырны, ястых:

«Номыксытамны, муv тахии кынлы? И муvат кынлы. Лилинг кунты — лухнам юхитл».

«Ченя-ченя: лилинг кунты — юхитл! — лух сахетпал имил их. — Кутюви хотылнам имат тарым».

«Ит амп энта мосл, — понхиллы икины. — Амнат воих кинцым вар сокин. Осхи сувэсны топ амп мусмыхтыл. Вувыл лоньчны. Чу сувыс-я кулха кухин...»

Катлын ики нерым явыннам явпун лёчча мын. Пыр катлытны нерым пытынам липык чапкас омытта нурипых. Ит луваты имат мустым мурта их. Им тави вот кат-

лытны ийлыш воих лэки нимылнат янгкилыл. Пецханнат воих кинц, лис-мытли омытл. Чуминт немрых катлыт ях-мытнермытны янгкилыл. Пухлыт-воцыты кухмыхна пытан, воих-кул волт. Ила волты палыкны ерхан ир тыхи кан — юхлых-помлых нермыт. Чу палыкны воих кинцы мыта ко энта вуилых. Лув атылылнам тэм кухет мыхны воих-кул кинц. Пухилнам чуминт цыкы ярымталка янгкилыл. Алы четхи-кецхи мынта кух тахи — им велинат цохытлых нермыты кат катылхин. Чут копык авылнат мос. Чу кух мых пытан воих кинцы ях тыхнам кацлыхт. Тэми лув анмым мыхил, па мыта сунгнам мынты ном-сыл энтэм.

Ий мыта иттэн, ягу юхитмала, ими нялык суйнат их: «Кутюви юхит. Тэм иттэн, римыккылыта ихима юхит».

«Юхит кунты юхит», — чукима ихилых ики.

«Нявил имат вахчи их. И мув тахитны янгкилых!»

«Лыптэ?»

«Лыптэм. Юхитмал латны велит ягун вулыт. Велит инам нок каньхимтыл. Сарпины велитны энта пылы. А ит велит инам архинам пулэкинтыт. Чут куты ихит? Энта тунгымтылэм!»

Лын ампхот кучинга суцхин. Кутюви нялык рапыснат кем потыкинтых, ими кот нелыш. Алы мыта чу ворхи янгкилмал пытан, уртыл номыс имхи вархиих. Нэвырл, рапысл, нялкилыл. Мувылыет? Ягу юхтым нялкил? Но алынт кунилны нячилекки талыхта рангыпых. Уртыл кем ат, ылы кыхэлтых. Лав. Чу ко воих кинца маным пырны, ос нингкылта их. Вач суилыят, нячилекки. Чи суй имия нок яксалтым латны, лувны амп илы аслы. Кутюви нок неврымым, ими пухлым палык нелыш. Нялк.

«Ма нунгат илы аслым. Но ворхи ос ал мына! — уртыл имины варлы. — Коллэ, Кутюви — ворхи ос ал мына!»

Чут пырны Кутюви ос энта юрилы. Лув кол сахет вул. Катлын чуминт амп хотылны олал, палатны лапынгны волт. Уртыл-ики пун леччи тахии юхиттыка, авыл кучин-

гны ий-кат кулат мытал муци омысл. Ими кул хот охпи пуцл кунты, ийтухины лайхил — кулат курымтыта тухи мынл. Имихин-икихин Микуль пох кемын ентыхтыны, луваты тулмыл. Чу коны, ангкихил-иккил лылхи, чуминт кулат паны няви пулытат мылы. Энта иймыта латны Кутювины кул хот ос высты. Ит ос па сунгпытыхи. Тыт имины чи вар икия мыцци. Ики суйлых мыта мари вул, алы мыта мувсыр мувы вар нок номыксых паны тунгымтых. Ий латны их:

— Ий ампы лытыютлых энта пахитлоюв!

«Ал нюхалтэ!» — чены имины тунгымтат лув коллат. Ал кунты ал. А Кутюви сарпи сахет кулатты янгкилыл паны ос юхитл. Сарпихи сахет лухыт-сомыт кулнам мувы цевиил. Имехин-икехинны алы вулы. Амн урукки, ар варты вар нок ат. Тавихи их. Пой мурта юхитхин.

Лунгытлтыты тахин нухил вансипны, Аган ивылы лельчи ай явынны. Касылта нок питхин. Имат алынг, пой лултыхны анас авлыт лылта рангипхин. Кутюви па авыл кучинга па юл. Сарпихи волмалны, чуминт касылта итыка виципи нелкилыл. Ит энтэм нелкилтал. А анас нюхтыта вармин латны, попытлыты нюрыт-уцыт ынгтым пырны, оихтытны — Кутюви ос кулассы мын. Ицык энта вуитны, мыта палыкнам мын. Вихытны, вихытны — энта юхит.

— Я лувы, кицыл питл кунты — юта юхитл! Тэми вуты тахилал! — ястых ики паны анас нюхтых.

Нячилекки яхим мыныт, мыта лухет нерми лот томпины, лора аслымтыт. Лорны омлыхит. Велит лалтылым пырны, ос нюхлыт. Лор яциха юихтта ихима, сарнахи ики имил суй кунтыхлых:

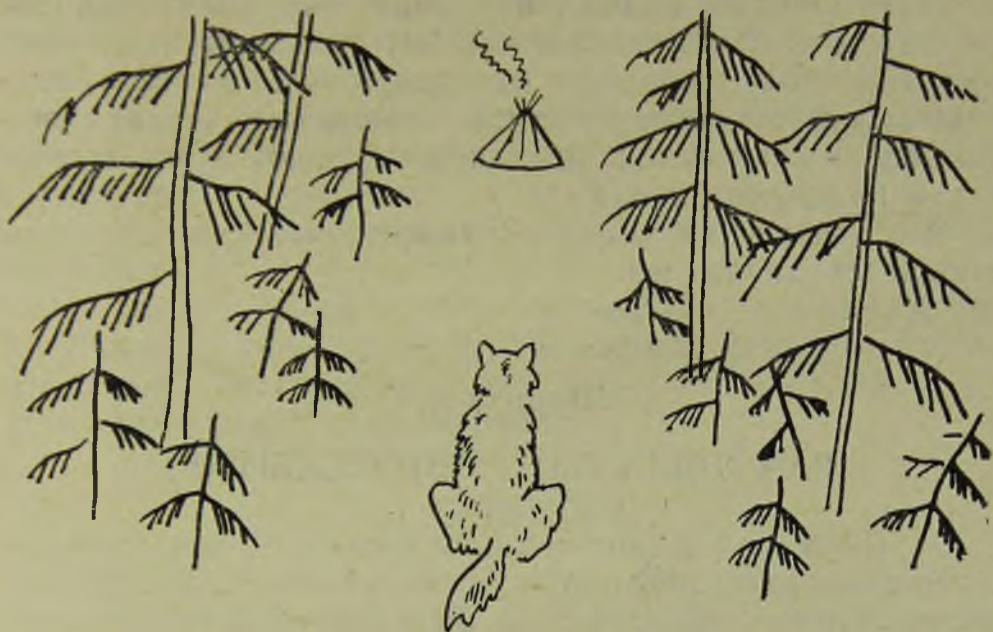
— Ал мыно! Ийлота ымла!..

Ики кацлых нюрыл пырхи тылтых — куты чи ими их.

— Лэйла, Кутюви юл! — имил вихил. — Энта атылнам юл. Ютал мытли тул!

Икиныпи оихты. Лор вандынги, лых лэкил кухет, Кутюви нык аслымтых. Лув ютал колым инэлхицык ихим

амп мок. А лых пырилы... Чака энта амп, тунгымты икни. Лыхил паны пылхил сахет лыхпила пит — нэвис пунып ухыр курып ут. Няхчи, вый охтыны юл. Алы мыта вувыл явынгк охтыи мынл — тухины-котлал-курлал пурымлылт. Ныкцык питмала люль. Ванхи юты ким энтэм. Юх поч мыта кимны. Мыта атым вар оихтыл кунты — паныши пырхинам вувипыл. Кутюви пырхинам аунгрымтых паны ичи пйлота люль. Мыта мари волым пырны

ымыл. Топ моклал лув махилтыл ентыхмин ношыплыл. Лыхаты коим вар энтэм.

Мустымин нюл нок аръяллыт — ханты ях, Кутюви паны ухыр курып ут. Суйлых-кийлых. Катл ухырхи пит. Пумынгки их. Лоньч лулта их.

Воих кухин вул. Имины олынг латны ухыр курып утхи энта тунгымты. Лыхпила питмал пырны, иймыта латны их:

— Чиминт вар, кимын!.. Ухыр курып ут!.. Ма номыксым. Кутюви пилыхты!.. Тулмылты!..

Ики суй энта вар.

Тыт ими ос нявым:

— Лув велилув энта каньхимтыл?! Мув номыс тоял?

— Велилув? — пырхи пырипи икины. — Чака онта кулнам каньхимтылылт. Чит каим воихки ит их.

— Я ма сара мынлым, — выримтых ими. — Ма чака луват ныллым!

— Мына! — икины сара аслы.

Анас нюхлым пырны, ики ухил пырхинам каримтытых. Кутюви люль паны моклалнат авлыт пыри юв. Лых пырилы ухтыр курып ут нюхлых. «Лув, самты, яхлых-куйлых вор мыхны нок яксалты, — номыксыл воихкул кинцы ики. — Атылынам нок яксалты, инам ярми — чулат ханты ко кучинга куйхлых».

Анас мынл. Чу лэк кухет ухыр курып ут курни охты судыпнаткухилнат юл.

Нилмит ох

ВАЧ ЯВЫН ЛАНТЫНГ ЯХМЫТНЫ

— Пупи алы нецингка имнам кул-воих кинцы коя ныпытты вар энта тоял, — нявым ачил. — Ныпытта номлахтылпи кунты суйнат-кийнат. Лук Лякты Ики маки чуминт ясынг арыхлыхил. Исны иймыта воих кинцы ко илы кулмыштых. Улыв куцымтых паныпи вуимты. Паны чака ингкны нок варыхты. Номылта посхил. Улыв мухты вултых: имат алынг, катл пукын. Юмып-парыппи энтэм, им торым. Инам коллых их — чит мув васы атты ингк?! Паны чи латны мысли юты суй кунтыхтых. Иско мыта вар — паныпи рунгкипыхилмин вуим рахип вар. Ий сам нокцик нюхты, лейлыл: пупи юхит паны улыв охтыя немрых лулыл талы ингк аслымтых. Паны ос явыннам ингкат мын. Чи кеми ко нок паныпи сохъюхила лук. Оянгк воихны юхты.

— Энта имат номлахтых — ко ингкнат варыхтыта! — их Микуль.— Рахпынг мытли кунты, олмынг ко алы мыцыкат аслымтытых!..

— Чуминт грег энта вар. Ко нок варыхтытых. Па латны чуминт ханты коя ныптылты вар тоял. Тухапи каньхимтыты номыснат. Онтыкапи чи лох мок кота пахиттыны. Юха кунгытлыт кунты, паны чу юх пурыка лёльчи. Ангкил колымпа ханты коя ныптыхлыл. Кулмытхи, мытты, ханты коя имат ванхи юхтыхлыл. Чит невремлалнам им улым вар. Чур пырны ий пырх мынл. Чуминт тыртып тоял... Чи латны пылхилнам лэйлты. Кунты пыл энта тоял, оха наврымтыккил — чут ий пырх конам юл, атым номыснат. Паныпи лукил. Ос пыл тоял кунты, чут энта лукил, пырхи кырыхлыл.

— Чи вар ма энта вуем! — ястых Микуль.— Чены кымын! Пыл!

— Ар вар кулха энта вулып, пырны тунгымтылэ. Четчече маки тухины нявмилых: мускымин воихнам ангримта паныпи тунгымтылэ — мув номыс тоял. Им ли, атым. Лув ханты кои энта канитыхилт.

КАИМНЫ

«Пупи! — нок рыкын Демьян.— Велилам каньхимтыл. Улынг энта рыхымтылам!» Сарынг палкилны, рап кышылы пупи нокнам ат. Воих оймакки юл, нячиленгки. Демьянны тунгымты, веленг ко кулха энта оихтытых. Лухны паныпи нюр пырхи косипи. Велит люлит, воих юты палык молэкки выил. Но Демьян курняхлых, туха пупины оихтат. Ит туха паныпи тыхнам сухымтых. Сорха тыхи юмякинл. Мув мары сахлт. И Демьян нопытлыты нюрыл имси котыла явырта вар — улынг калнгыт вувиштыл латны энта рыхымтых.

Ийпа нюр яврымтых. Кимытхи яврымтых.

Нопытлыты нюрыл явыртал сахет, номсыл пырхинам вувиных, пыра кычим олалалнам номлымтых.

Улынг велит энта рыхымтым. Иръевнг ол колхоз велит лахилмин волт. Ар вара юхтыхлхил, но пыхты сувысны веленг авыл энта рыхымтыхил. Ийпапи энта рыхымтыхил. Нюрынг-пивлынг вели юха киврахлыл, тухи явырл кунты, колал. Пыхты мыхны мув лэкилы кинлы? Чит лончъ охтыны кунты цой. Но цохт топ кат латытхин кимны уц цитл. Ницы и нырны питл. А нилы инэл калынг— чака цыки ар. Кул-воих кинцы ях кица и так велы цымыл. Сорха вели выты мурта ил. Юхитлыт... Лонъч улынг сорха пит! Цохт охтыны чут ласк. Ои волтыны оихтылат! Ои энтэмны — ицык лэклал энта вулын! Улынг энта рыхымтыта! Энта рыхымтыта, энта рыхымтыта!..

Кулмытхи яврымтытых. Пупи туха ий паста, ий паста.

Номлымтых, кунты айхи волмалны олынг латны пупи вуй. Ихилнат вонт явын кухет лохилтыккин. Иймыта сый онгнынгни пупи ём вонъчмин лаих. Имат чорем курасивхи номлытых, энтэпи пыхты вул. Пырны ос чуминт воих энта вуилых. Ханты ко сахет, конхин тойны люль. Имат иэнл паны ухыр воихки номлытых. Чу латны ай неврем вул, мыта канъчикинмалпи энтэм. Ачил мыта пылты курас энта туй. Пупи рытнам аунгрымтых паны алы мыта кацлых утнам мын. Самты энта цыки им номыснат илнам мын — вонъчи тахилы илы киты. Инэлхи ихмала, воих-уц кинца рангипмала, энта ийпа — китпа пупи вуилых. Лувнам нилы воих выхилтыхил. Мыта цыки пылты номыспи энта туй. Топ олынг воиха самыл койты латны чуминт нок рыкынты вар туй. Топ олынг латны. Пырны чу мустыты вара лукыл. Мыта лыксыма-уца. Воихнат нюлнам атым номыс энта туйхин. Сахетпин сахет виципи вулхин. Яхны чуминт няхлы: мытты чу воихнат ийкурасив вулхин. Унлын ваныт. Пупи сорха пытымтыты вар тоял. Лув ичи чуминт. Чу пытымтыталкая пупинамар атым кол варты вар туй. Чу воих луваты мыта рахып варл кунты. Чуминт ицык ысех воих кинцы ях сымыт атымхи илыт. Лихылтыхилта варлы. Чуминт ко вул Демьян.

Нилмылхи яврымтытых. Пупи сахылт.

И пыра кычым лунгны пупи мустымин нок левыэл-
тых. Имат пытымтыхлы чу куилны. Алы рахып манны
чу куилны немрых раки кырхил илы сылхилты. Нок лыв-
тых кунты чут па вар. Чут тунгымтыты вар — лытахи
пхим ко мув вар энта варынтыл. А тыт инам рахыпнат
лаих. Чу латны нерымны вулыт. Кат волены Демьян парт
авыл паны кырых рак кый. Кимыт катлны чутлал кин-
да мын. Пырхи атым ванцнат юхит. Пастукт луваты су-
цыт, пырилыл, куты их. Кимын, чу кот волыха пупи юхит.
Раки кырых сунгпыты высхи вартых паны чи рак инам
илы сылхилтытых. Чут пырны талых кырых курис лота
явытлых паны мынты мыта моцылы мын.

Энта имат паих — пастукт инам коллых ихит.

«Мых пыкем, тут улынг умыс — ма луват улынг пу-
лат мыим! — нявым Демьян. — Им пулат улынг луват мы-
им!»

«Чу куге самты нянь варта ихилых! — куяхи мувы няк-
китых. — Топ керат энта кые!»

Ма луват улынг чуминт нянят варым — ий пыхр улынг
рак-нянь апыл рыхымтых! — левытл Демьян. — Ма луват
улынг!..»

«Энта лытыотат тырымтахи ихим мытли вул, — Ми-
куль ачи их. — Чит туха рухпыл варынтыл! Рухпыл лэй-
лтыл!»

«Энта мыта мары улынг тут умыс. Мант улынг лих-
лымтых! — ихилыл Демьян. — Ма луват улынг рахыпат
лэйлтым! Алы кун пыкем!..»

«Ит энта тави. Мурынгк кухын пунц — алы онта вонь-
чы кицыл энтэм чу куге!»

«Мыта латны сар самхилам кута питл! Чу латны арын-
лымын тынтылмын! — ихилыл панам ихим пастук. — Кол-
лэ, яврэх курып лолмак! Коллэ?! Самхилам кута сорха
пита! Ма нунгат нурыкки варлым! Тунгымтылэ, мувылы
нюхалтыты мустыл, а мувылы энта мустыл!»

«Кунтыхлылтых кунты чака има энта юхтыптыло чу

куенны! — Демьян ими нок каньчикинтых. — Мос! Челыха!»

«Мыхил кунтыхлыл! Ит олар мыта юх пурыкны! Я мант колт кунты лувы тыхи юл!.. Котты?! Кунтыхлых? Юхит?! Мыхил кунтыхлыл!» — ий сарацык нюхлых Демьян.

«Мос, мос! — имилны варлы. — Муват чены варлэ. Левытлэ паны мос!»

«Сар нюла ноптыллоймын! Ма лух самхил нок варлыхилам. Улынг вуйтых, мув тахии луваты мустыл янгкилта, а мув тахии энта мустыл! Улынг лэвклал-охитлалнам лэйлых!.. Мых рахын! Пыкем! Лолмак!..»

Микульны олынг латны кулы, кулны лэвытлтылы чи воих. Кичимпыр вукинг пан номсынг вонт воих. Ар артым колат вари. Лув ачил пырипых, мувы мустыл чи воих чены левытлтыта. Ачил мыта мары суйлых волмал пырны, ястых: Демьян ысех ко. Онта пыктал пытан чены нявмыл. Онта лув мос чи коллала. Кацынг ко контымтал арет лахирт вон охтыя выл. А Демьян, тухапи, ар — я ар вый. Былэ пупины энта кичимпыр рак сырыл выи. Энта кичимпыр нянь пулыл выи. Энта кичимпыр...

А Демьян лавта курт, ий сарнам:

«Энта котты вусым, лолмак? Мант коллын?! Шуртын коллын! Шуртын вулын! Олын мыта высны! Мыха коллын?!»

Чу воихныпи онта допынг энта кунтыхлы паны лув самхил кута энта патых. Самхил кута энта патых лунг яцы тылысны, нерымны вели тоймилны. И август тылысны, яхима касылмила паңы велит асылмила лув самхил кута энта патых. И лунг сувысны, карабиннат каим махлахлыхилмал латны чу куил лув самхила энта патых. Ий кулнам мын. Энта патых. Пырны, иймытлатны Демьянны чу пупи ирынтыл юрыхлытых. Итпы, каим махлахтымин ягунам мынтал сахет тухнам энта номыксых. Лув па варнам номыксых. Сарнамцык кылахлымин, ай мавыпат, лух имат няхылны паны саракки авылны умыс. Ном-

мин тойта мустыл, муvтахины муv арет вели вуй, муv-
тахинам ар вели мыным лэк, муv арет каньчи вели, лоньч
питтыха муvтахины чу велит кинца мустыл. Каим мах-
лахтыты ко ар вар вул. Комытхи волты палыкны нерми
кор. Кунхи волты палыкны Ампута явын рап. Веленг лэк
яхим кухет сарнам ий пыхр куцимтых. Пыхты павнглыкн
нилы калынг. Лых сувыс калыгыт — тулэмыт-пулэмыт,
тухрынг-лантынг тахитны авыл алы сахилтылыл.

Чи мынтал сахет — пупи рап кышылы ат.

Ватмитхи яврымтытых. Кутмитхи. Пупи лант пурги
вар.

Алынг лув томпия пытхахлымин мын — катылхи сы-
сынг яхмытнермыт махлахтыта их. Вели пул паныпи нюр
нюхтых. Мыта кухет тахи мынмала оихтытых: пецхан эн-
тэм, карабин энтэм. Энта кырыхлых: онта энта мусмых-
тылхин. Ит-я тухнам номыксым муv им. Чу пецхан куты
варлы: муvy пецхана луклы, муvy нопытлыты нюр ка-
тыллы. Лыксым вылын — нюр рыхымтылэ. Нюр катыл-
лын — чу лыксымнат кунты лаихлы. Энты нилы кот тоял
инам кацынг вара тырымта. Ницы, лыксымлал энта им-
нам ягу юрыхлыл. Па латны ицык пецханлых нумпи. Ар
ура ихиллы.

Лапытмитхи яврымтытых. Пупи ыкилытых.

Нопытлыты нюр туй авыл оль ылпия тавкинт. Ийпа
косиптых Кимитхи косиптых. Ийлатны корых. Котхил
ос имат паста вылпита ихккин.

Нилыхмитхи яврымтытых. Воих ий ванхинам, ванхи-
нам.

Муvy рыхымтыллам?! Энта саракки яврэм — муvy ко-
там тыхымтылыт?! Пыхты мыхны тойты нилы калынг ар
вув тойлыт. Сангкенг яхимны авыл лахирт. Чит энта
явынгк-лоньч, а сангки. Тэм калнтыт лахирт авыла унлыт.
Вувилыт кунты — ханты ко вувпи пыкыл. Энта, ницы,
воих ий палыкнам сухымтыл — велит энта каньхымтыл?!
Кояхины вулы, муv номыс тоял. Илнам мынл, муvy энта
мынл. Ар вув мосл тэм калныт катылта, энта рыхымты-

та! Ицык ий сар калынг, Ухтыр Ангыт, мувылы курасив?! Инэл, почил, лав вувып калынг. Чит Демьян мавыл сар нюр калынг. Кацынг пастух тулхин ий авыл тал калынг паны кат авылталхин ноптых кычыптыл. Чуминт им велыт кыйлыт. Ухыр ангыт авылны цики им энтэм вул. Но дохтнам лухаты юхитты онта онъланг велихин. Мув кулэт дохытныпи, виципи мынл, олынты вар энта тоял. Ват ол томпины лувны авыла унылты, а сархи олны анас калынг и аръяктых. Лухим, нюр-мытлы сахет волт. Чи вар пытан Демьянны имат мосмин тойлы. Ит, самты, олынг латны калнгылны пахитлы.

Иръенгмитпа яврымтытых. Воих ий ванхинам.

Велит лэлыхта ихит. Охлал пок нюхтыт, пырхинам ангыллыт. Топ сар нюр калынгна кучинг кутып ко, Вурнги, алы мыта кулха энта курняхлых. Ухил ылы асылтых — лант лыввиил. Туха номыксыл, ко велилат лапытта ийлото ымыл.

Енгмитпа яврымтытых. Воих имат ванами.

Чу пупи юты палыкнам Демьян ухил куц каримтыхилтых — йимытлипи энта вуй. Велитны воихи молэки таври. Лых пупи самнат ичи кулха энта вуил. Лув пырынг палкилы юл. Тухапи апылны питат. Кутып калынг Вондыр пана палык ко Торых ий курымны нокнам чурымтыккин. Лунгклын суйнат потты мыха питыт.

Ос ийпа яврымтых. Пупи тыткотта ванны.

Демьян алы мыта воих лал суй кунтыхлых. Луват энта вул, а лал суил коллытых. Сар нюр калнгыл сам инэлхи их. Чи самны Демьян ай мавып мытли кунхи поным мошыпси охнат вылнякинтых. Пыхты тушинг лар, пыхты опты пынгы, инам вырлых нэви ванц вылпякынтыт. Вылнякынтыт паны кулнам мыныт. Паны чу курымны палык яркин Вондыр паны Торых вувинны ос чурымтыккин. Чут пырны сар яркин чурымтыккин. Лых энта ий курымны чурымтыт. Сарпины палык яркин, чут пырны сар нюр яркин. Чу урнам Демьянны тортаптит. Энта рыхымтит.

Чукеми ос ийпа яврымтых. Пупи туха авыла канта их. Велит ос чурымтыт. Ичи энта ий курымны. Чу урнам пык. Нопытлыты нюрат яврым котыл ий пырх тухи тангимтых.

Ит нопытлыты нюрал яврымтыта эпта тэрым. Калныгит комытхинам вувицыт — Демьян махилты мыныт. Велит пыри авыл ичи ангкыл махил.

Пупи лалып. Чи лал пумны Демьян инам мухты мыны. Ох опытлалы Ванлын ванлына. Самлын самлына. Пупи кур туйны люль. Кутынны топ авыл.

Тыт калныгит ий курымны чурымтыт. Нопытлыты нюртахимтых. Веленг авыл чет алы лант пурги вар.

Ханты ко пан пупи. Ньюла кычхин. Ит кутынны иймытлинп энтэм.

Охлын охлына. Ванцлын ванцлына. Самлын самлына. Лёльлихин. Мыта марахи их. Ос мыта мары. Ос.

Пупи лалып. Чи лал пумны Демьян инам мухты мыны. Ох опытлалы курпытахил муцы. Цомы курымны мухты мыны.

Тыт пупи каталхил охтыя корых пан илнам вувиных. Велэнг авыл йи сунгнам, пупи — па сунгнам.

Ийлатны ханты ко чи лалып. Самхил лилынгки ита иккин. Сымыл нюхлых — архахлыта их. Номысны-колны кулха энта юхты.

Самхинны вуи: мыта кимны авыл унцых яцыха мын — улак нюр тахимтых. Авыл кыч. Нилы калынг сарнам. Тотынцык велит юх китпии мыныт — рок нюр тахимтых. Сар нюр велихин ийка сахылтыхин. Палык яхкин — ийка.

Велит пантымтыт.

Пупи пантымтых.

Демьян номыслых-коллых ийлотны пурмыхтэх. Мыта мари волым пырны курхилны авылнам тухи. Яхим алы лавилы курпытахил ылпалыкны. Унцхыт ичи алы лавилат. Ухилны кулха ий номыс-колпи энтэм. Самхил алы лавиты юхит-помыта илхии. Пыхи котыл чу мунт тангим-

тым имси котыла юхит паны нопытлыты нюр лосхилтыта рангипых.

Ий мин вый. Кимыт.

Унцхыт ийкулнам мувы соцлыт, Ангкыл лавиллы. Корхим юх вангкыл.

Кулмит мин.

Вальюхи муры нерым лоты явына волты палыкнам кошылт.

Нилмит мин.

Авыл унцых махилты мынл. Велилых-уцлых, лувнам мынл.

Ватмит мин вый.

Юх пурыкна певыт тыхпинам-тахпинам кырыхлылыт. Ос ий мин. Ос ий. Ос.

Кацынг ут махилты инам лавилы. Иван кулнам мувы нопытлы.

Котны нопытлыты нюр илы лосхилты паны ченам кулат явты. Самхин авылыны олым вели катылты нюра куйхин. Тухапи, охны олынгпи номыс тыв: «Нюр мосл». Котны нюр выи. Курхинны ягунам волты торым палыкнам тухи.

Ий мунтнахи иты яхим мых алы лавилы. Ий мунтнахи иты яхим унцхыт алы лавилат.

Пыркатл пастукт чу Демьян авыл кыим рапа ювыт. Потым лантны лув инам самты: авыл оль лэк, вели лэ-кыт, ханты ко лэк. Топ чу авыл махилты мыным ангкыл кучингны пупи лэк энтэм вул. Ий палыкны лэк волт, а ангкыл кучингны энтэм.

— Самты авыл оля пурыммин люль, — Микуль ачины поны. — Самты велинат мынты кицыл вул. Па кулны?!

— Цопынгка, чу куеннат ий авылыны мынытны, Демьян! — алы няхыт пастукт. — Пупинат ий авылыны!

Ий чу катылны нюрынг, калнгыт нок кинцат паны китлат. Топ Ал юхтэхат!

Ий чу катылны нюрынг калнгыт нок кинцат паны китлат. Топ нилмит ко, Торых, цохт питым пырны китлы.

Инам лилынгки ихит. Топ Демьян вели катылты нюр ий пыр мын: авылны энтэм и ягу энта тухтых.

— Чит-я мустымин номлэм: нюр выем! — ихилыл Демьян. — Выймам — выем! Номлэм! А вот котты — энта вулэм! Ий кулы пулэм?..

Вели катылты нюрыл ченыпи мын. Энта оихты. Ий кулнам лавнг. Пырны ехлихи их. Вели ыкитты мурта их Пастухт юхин — катлын авылы энта вахлыхлыт. Велит ыкитмин лаихлыт. Чу пупи ко авыла лалнгилым вар алы

мыта юрыхлы. Топ Микуль читахи виципи номысны туйтых. Муват чиким ванхи воих янгкилых ханты коя? Мыта олнгасынг воих онтыкаци нялхит воих — чут тунгымтыты тахп. Тэми инам таланг пупи. Иймыта илынны ачил чи иллы пырипых:

— Муват чи пушины Демьян чиким атымхи варынты? Инам авыла лалтэ?!

— Лух лухнам вар панам вар: лувнам пупи рувмылтых! — ястых ачил. — Пупи рап кышылы ат, лэйлыл — велит лельчыт. Паныпи тухнам. А Демьян велит томпины

воихны энта вулы. Чиким няхил ко, калынг ухрет. Лель, велилат кыйпины попытлыты нюрыл котылнам явырл. Топ велит лув махилты вувишым латны, пупинат ийхи чи ваккинхин. Инам каньчикинхин. Пупи ичи сымыл мын — ханты ко оихтыта энта номыксых. Мыта мары тухзины люльхин. Ханты ко алы айхи их. Тыт пупи илнам вувишых. Тухапи атым номыс энта туй. Ханты коны чит рувмылты.

— Энта, ницы, чу лунгын Демьянны левытлымал пытан чены воих лаих?! — пырини Микульны. — Имат чака вылэ пупинам чу латны ливыт.

— Чака палыккыта чу вар пытан, — их ачил. — Луваты вихта мустых. Пупины улынг чут оихты: чи велит ханты ко тойлыт. Чут улынг паныши илнам мын. Тэми коны рувмылты. Имнам воих-кул чены лайхилтыта энта му-стыл. Лук лякты четчечепи маки чены ястыхилт. Им номыснат воихнам-кулнам волта мустыл.

Ватмит ох

ВОИХ КИНЦА РАНГИПМАЛ ЛАТНЫ

— Мынг мув сирыв ях вусув? — Микуль пыришых.

— Мынг сирив кухилта юл, — нявым ихил. — Мынг ингк воих сирыв ях. Чу воих — махи. Чи сирыв ях инам нунг рахим яхла: еила-опила, мошила-нингила, икила-имила. Вот Лейков ях па пуцнам тойлыт, а ичи нунг рахим яхла. Лых ичи махи сирыв ях.

— Ма номыксым, мынг инэл воих сирыв ях, — их Микуль. — Махи чут мухилы?! Картирканы школаны вуем — ай воих. Ай мавып. Тэм мыхны лув инам энтэм. Алы намыл кич — махи.

— Чут-я цопынгка, ай мавып воих паны тэм мыхны энтэм. Энта ий мыта попытныя кичимпыр тынынг воих

чут вул. Ма ихимниии чены арыхлыхлы. Тэм мыхны ар махи вул. Пырны, нэви кон ютны, яхны инам махит валат. Пуц курлых тухи чу воих тынынг сохил пытан. Лук Лякты Ики ихим тухины ихилых, янгкинглат номыс воихнам имхи ита мыта нопытны, ницы махи тэм мыха пырхи юхитл. Ницы тэм мыха пырхи юхитлыт. Волмил явныт-лорыта юхитлыт. Ницы нунг оихтылта мыта нопытны.

— Ма колмамны инэл рап, Кав рап кучингны койлых тахины, заповедникны анымтылат,— ястых Микуль.— Чу Урал рап кучингны лых энта валлат, топ ноқ анымтылат.

— Чены-чены, ма сахетпам, чи вар чу четчеченны сар вуи: мыта латны чи войхит анмым мыхила юхитлыт. Чу сахет кунты, нунг еще мынг сирпив махи войхит вулын. Тохапи мыта латны вулын.

СУВЭС ИНГК КУЧИНГНЫ

Лор ингк алы потым явынгк — ицык энта нюхлыл. Ингк ох сохи катл котыт паны сувыс кул пылнгыт мынлыт. Па латны лых ингк почны олты пупи яцыха илыт. Чи латны воих ос пыхтахыцык ил. Унгкыт ийпахи ингк почны вул. Но лор ингкны энта нехалты. Лор ингкны энта юхитлы. Лор тавын вул, воих нюхалтыты кицыл энтэм вул. И Микульны ичи нюхалтыта энта вари. Лув ванхи лохилтых — воих энта нюхлых. Энта чи воих мув ура их, номыксыл Микуль. Ници мыта ко нелхитхи аслым воих? Энта мыта копи воих лякилым суй энтэм вул. Лув улынг култых. Чуминт ясынг энтэм вул. Ницы номылта? Вертолеты? Энта пыра кичим катлытны тэм палыкны вертолет суй энта колылых. Паны мув ура воих их?! Лув ийпапи чуминт ясынг энта колылых, улынг чи воих лухнам пырсхи ихмин паны мыта кыни уц ылы тырминых. Ачилыпн энта колылых. И Лук Лякты Ики чесчечил,

яснгыт сахет, чиминт вар энта вуилых. Паны куты их тэм воих?! Инам имнам-я вонт мыхны лух куты ил. Туха мыта ура их.

Энта сар нок лэйлтэм, номлымтых Микуль паны уты кил. Мыта мары воих кучингны люль паны утнам воих лэк кухет мын. Чу лэкны явын вор пои муринам тухи. Сарпины илы нолаалтым вальюхи мурит, илы томрым мив паит, курис лотытны нок нечим цамыц. Иймыта латны пои мури ворык лота корых. Моритым ай юхит-помыт, мори-тым нухит-сомыт. Кух курып ко лэк. Тухапи нынг воих. Имат паста мынмал тахи — вонт савины лунгк выслал мылыт. Чу пуци тылсахет лор вандынгнам мынмалтахи. Тылсахет.

Кух курып ко пои мурины кылипмал тахи. Поймок лыптыт-карыт лывмин лаих. Тыт пуцины яцалы аты. Паны ныпыттых. Конхэн туя пит пан номылта воих охтынам корых Чи латны ноптых ийпалыкнам вувиных. Пуци талых тахия пит. Топ имси каталнат курняви палык ярсымтых. Лув ийпа корыхтых — чуким ундыл ванхп их. Каталхил кыцынат вонт сави охтыя питхэн. Паныпи воих пыри понымтых. Тыт юхи мури томпии лув ичахил кор потыкинтых — ангытхэл ича китл.

Пуци алы айхи их: мув тахии ангтынг кор ат! Лув сувэсны кора энта пыкил. Цопынгпи сарылта, ангтынг палкилы. Но лув томпия паста сухэл, илы яврымтыта энта тэрым — пан ангытхэна пал! Контуя питмал пырны пал. Конхэн мых рыхимтыккин. Мых энтэм. Торым вах энтэм. Катл энтэм. Мытлыпи энтэм, алы лылынг сангки курымтых — пан лув энтэмхи их. Ийлатны конхэн мых оихтыккин. Чи латны кунхинам неврымых, ох пырхи — ангытхины потыкинтых паныпи илнам вувиных. Ит илнам сахилта мустыл. Ляль вар тэрым.

Олынг латны лув кыцы энта кул: лыхпил чуким ван вул. Пырны каталлал-конлал вувлых ихил пан тыхнам-тахнам турита вари. Тыт нюха нольпмин люль. Чи юх ичи сарнам-пырхинам алта вари. Лув ичи сахет нехалты-

ты. Пыл ырыхилтыты суй. Чи суй вонт арпыкт суит инам нок вуй: цопасынгки иймыталыпи энта колт.

Мыта мари волым пырны кослыпхил пунц. Юхит-помыт мустымин оихтыхмала, лянгкаис вор унтнам кур-мексыта рангипых. Луваты пумыл мыта мары кичиптыта мус, цымыл сарнам-пырхинам номыксыта. Пумыл, кор ангытхин волым тахии, олынг латны чурыхлымин, пырны посыхмин мын. Потым лыптыт-помытнам ырты пумсамлал посыхлыт, посыхлыт.

Юхи мури унтны кат мивкэн кута конт нурмин ымыл. Паны чу ангыт косым тахилал нелта рангипых. Малы лаих. Ий латны тулсахет посыхлых их — пан алы ласыккицык луваты их. Унгкит мив охтыя пон пан алы тухи кулатты мын. Ий мыта латны тыхпи корых — ангыт волым тахил алы лылынг найны вылы. Пайлых тахия вингк пан кыцы тахил потты мыха каналтымин олынтых. Мых ехлыны кеврымыл айхицык вари-ос тухи лувахлых... Цыки юсекки их. Но чи иллы лув энта цаляксых. Вуйтых, тэм вонтытны лув ар невремыл волт. Лых инам ит цавыкнгыт и, ницы, луват ихкипи энта лунгытлыт. Ит луват пыхиртыты урпы энта тойлыт. Но лых имхи тэм вонтны, тэм сувысны воллыт. Волты вар лангкмин воллыт. Лых ласыкки воллыт. Чит мувы цымыл вар?! Чит мувы ай вар?!

Чит луваты энты олынг ангытхин. Энты олынг кыцы. Ноптыл мари ар им-атим вуй. Ват-кут ол том палыкны чиминт ура их кунты, луват улынг имхи вар. Улынг нюлым имылтыты лыптыт-помыт нок кинц — вонтны лув чуминт от ар вул — паны мыта лянгкаис явын вора имылтыхилта олынтых. Аим-китымхи волмал латны, нюлым имат сорха нок имылтыхил. Но ит лув цыкы пырисхи их. Паны ехли сувыспи цыкы ванны. Варты варпи имат ар. Вонгк варты тахи нок кинца мустыл, вонгк кынта, сорым лыптыт-помат ларымтыта. Паны ангытхин волым тахит нок имылтыта мустыл. Кыцы нявинат лух, па копи лув сирылы, энтэцык вонгка тулых унда олынл. Энта олынл. Ар вар варта мустыл. Паны Ики тэрмыл?!

Сувэс, сувэс. Лилынгки волты вар сувэс. Варлал варта энта тэрмыл кунты, котлых-лунгклых цохтынг вонтны корхилты тахилны лахилты. Явынгк-лоньчэ паны атым номыс. Мувылы кица чит икия?! Мувылы пытан чиминт грег?! Лув атым номыс ханты яхнам паны вонтнам, торымнам паны мыхнам иймыта латными энта туй. Энты тоймал пытан, лув мынл. И, ницы, мынты мыта лэк пытылны йи пилыл оихтыл. Чутыл чу тахинам мын, мувтахинам сувэс иймыта латны кацын воих-кул тул. Кацинг хантых-мытли тул. Сувэс, сувэс...

Лув олтал сахет коллытых, кулны нумыл потты мыхнам, потты вонтнам, потты юхит-помытнам мынл. Лув суйлых-кийлых ул. Луваты им вул. Чулат им вул, лув нумыл, лув лыл пытынгыл луват анымтым-тоим мыхнам мынл. Пумыл, лыл пытынгыл тэм вонт мыхила кичл. Лувнам мынты лэкилы мынл, а илсыл пырхи юхитл. Паны лувнампи тэм вонт мыхила пырны кырыхлыл. Лув ий пыхир энта мынл. Лув пырхи юхитл. Чулат луваты им вул. Чулат лув суйлых-кийлых ул. Чулат луваты нюлым имылытыты лыштыт-помыт пан лытыот-мыталы энта мосл. Иймытлипи энта мосл. Лув ул пан колынтых, кунты кичимпыр лилынг пумыл вонт мыха мынл паны илсыл вонта пырхи юл. Илсыл юл — и лувнам юл. Лув энта вуйтых, мув мари чены ул. Ницы, самхин кунимтыты мари. А ницы, ар тылыс-катл.

Иймыта латны унтыл сорта ихмын тыхпи корых. Юхит оихтых. Катл кот оихтых. Торым вах оихтых. Лых сарпи курасив вулыт. Икйхи лувны чены номат. Ай невремхи волмалны лых па курасив вулыт. Чи сахет кунты, лув йилыпхи кулха энта тыв. Кичимпыр лилынг пумыл кулха вонт мыха энта мыйтых. Улынг им номыснат-колнат мынта паны пырхи юхитта, ит топ ехли ингк мосл. Сорты унтыл кица. Унгтыл нокцык нюхтых — мувтахии ингк кинцлы. Комытхи волты палыкны явын, кунхи волты налыкны — лор. Явын ванны, тон тут лохцып кышыр паны ингк томпия раванг. А лорны сувэс ингк — нэви паны ехли. Маки

атымхи ихилты катыллалны лорны энта йипа имхи варынты. Лохс лорылны лув номлы. Ит кичимпырат лорны сорты унтыл имхи варлы.

Нок пит паны саранг, лэкных-охитных, лора волты палыкнам понымтых. Ылы питтал тахии ос нок питл пансы ос сарнам. Юхит-помыт алы поцым мулэмны выят — палатны атлыт, палатны панлыт. Номыснат вултых, лора юхитлыхалны ий пыхр ылы энта питл паны кичимпыр лилынг пумыл энта асыллытых. Лув сирыв яхлал вари л асылты вар энта тойлыт. Мув вара номыс пон — виципи варлытых, куц нама ухыл понл. Чи тахины па луваты юхтым воих вонтны энтэм. Нирмыта катлыксымин юхита колымин, мивыт томырмин, цамыц нечмин сарнам мын. Па тахины соцмин, па тахины вангмин. Топ улынг лорнам, топ улынг сарнам. Сарнам, сарнам...

Сувэс ингк тавын паны нэви вул. Лор суйлых-кийлых вул.

Лув мары ингк им ванцнам лэйлмин ул. Лор лухсыл ванцнам. Мыта мары волым пырны пырхи вангкта куц мыцымтыхил. Тыт имси каталыл ылпалкыла яврымтытых — паны тухи ярым. Нок талты вувпи энтэм. Ос луваты кицылпи энтэм. Сувэс ингкны сорым унтыл тухи луввахты — ит луваты им вул. Тэм торымны иймытлыпи нюхалтыты урыл энтэм. Олта л сахет кунтыхлытых, кулны кичимпыр пумылны, кичимпыр лыл пытынгылны кыйта вари. Лув ицык энта нюхлых, тунгымтытых — чу мурта их. Лув вултых, пумыл мынл, илсыл мынл пырны тэм луват анымтым-тоим вонт мыха юхиттал кица. Лув мыхила пырхи юхитл.

Микуль чу воиха пырхи юхит. Тухи люль. Па иймыта чи кима ихим воих чи кухет тахи энта мынл, лув номлымтых. Топ пупи чиким вар тоял. Тухапи, мув кимапи энта нарии воихны, а сувэс ингкила улынг туха вырахтых...

Тыт самыл воих ылпалыка яврымтым катала куй. Лувны чут имсахет поны, улынг пуци-ики мустымин сувэс ингк кучингны вул.

Кутмит ох

ТУЛЫХ ВОНТНЫ

— Тэм тахины кот мых,— ачил вонт рап вандынгнам ухил кырыхтых.— Мытты исны тыт лунгкит вулыт. Лых котлал омсым тахит. Пырны, мытты, Нум Торымнам мыныт. А мых охты кантых яха киил. Тэм тахи имнам юхил-пумыл нюхалтыта энта мустыл. Алы имат ярымтыныя мыхи яха юх-мыталы авытта мустыл — мынг сирыв яхлыва. Нунг ичи мыхи ко вусын.

— Кул-воих кинцахия мустыл?

— Мыхи яхая мустыл. Па мых яхнам па латны лунгкит валпыслыты вар тойлыт. Маки чуминт яснгыт вулыт.

— Ит-я чака юхлал-помлал авытта варат,— нявым Микуль, кот мых пунгылнахи трактор лэка питмина.— Юх вартыях тыхи юхтыт. Кот мыхнампи вылэ инам энта лэйллыт.

— Ит-я инам цомы рангиныт. Топпи нурлыхты рангыпыт. Исны тэм имынг тахит кучингны, имынг явнытны-уритны кул-воих анымты — хилмин-коймин вул. Иймыта коньпи энта нехалты. Пырны арпыкт мыхитнам тылсахет мынл... Ит лув чака воих-кул лангты тахины ярми,— паны лув энта им номыснат вонт палыкки ваньчим лэкнам аунгримтых — чи лэк пытыны юх лурты ях пухэл.

Мыта мари суйлых волмал пырны, лув их:

— Ит лув кацынг воих-кул... койлых тахины, имынг мыхны ярми. Иमत койлых тахины ярми.

ИМЫНГ ЯХИМНЫ

Ис нэвис яхим. Нэвис, алы мыта ийпа тывым лантны нок кутлышты. Лант куккинам-куккинам яхим кухетмын, инам алы курымтых. Яхим, тахтыны ицык ий сангкенг лот, ицык ий нюлым пул энтэм. Лантны тэм яхим лахилты. Нэвис инэл вувып велы лантны лахилмин тойлы. Тарым воты паны тарым юми, кух тарым ехлыи пан ингки лахилты.

Лантны мустымин махилты инлынг-аинг юхил выи. Кичимпыр ысех юхлал кулха нурыкки паны сара лельлыт.

Кантых ко чиминт ысех инэл унцых кучингны ийло-та люль. Пан номын нэви пылгыта самыл кой. Ар ют пыра кичим иты, лых нячилэкки торым вахны павытлыт, алы мыта кантых ях иплыт. Олынг латны ылнам мыным, пырны нокнам алхимым. Номылта лэйлта, кулны яккинг латынг ингкит-мыхит воллыт? Куты ихит? Мувылыл кич?

Юх кар ар ют мары юмны-вотны выймин ичи яхим лант курасивхи, нэвисхи их. Кухэлта лэйлтыны алы мыта ухил нэвихи сорым имип-икип лельт. Катлын соренг нухлал-котлалны торым вах олар. А юхин унцых туйны нэвис косыт пан матым тылыс ниньчлыт. Алы мыта номына косыт инам тэм яхимна лант нок кутлыштыта ювыт.

Унцых-ики катлнам волты палкил кырыл вырты — куллылынг лэв тоял. Ар ют волмал мари, ар лунг катл марычи пунглыл катл котны пумылты. Чи пумылты-пумылты, махилты ар унгкил-ингкил тухнам тылы. Катлны юх нявил кивырты-кивырты паны иймыта латны вырты лылхи кырыхты. Сары, вах курасив, лылхи их. Па мыта мыхны люль кунты, лув айхи волмал латны ницы авыл оль юхки авты-авыл оль топ лылынг юхи варлы. Оль пыты имат кулал, топ лыл пыкил... Ницы луп юх кича авты пан лахирт варынг лупхи вари. Ницы лонгкихи высты пан авыл оля юри. Ницы кот юх певыртхи авты, ницы лабаз юхки вари. Памыта тахины люль кунты — чут лаимат поны. А тэм

тахины лув ицк лаим суй энта колылых, ийконыпи энта нюхтылы. Лув ос ар ол лельт, имат пырисхи итал муцы лельт. Иमत пырсемталха мыта латны ылы плит, мых тухирхи-мытлэхи мынл. Па унцых мокт лув павнгликил охтыны анымлыт. А лылынг палкил энта сорха пыкемтыты. Лув мары унцых тухирхи иты пырны мых охтыны олал. Унцыхи кичимпырат кичлы ут-лыл.

Кантых ко аны инэл унцыхи илнам курым вар. Чи латны корыхты ко вылпекинтым вуй. Ылнам корых. Энтэм. А ингкит-мыхит кычэт.

Ысехпи унцхит сорта кулха энта ихит, лых кулха сарат, кулха талангыт. Чу вар пытан айпи яхлат кулха цопасила энта цавнглийт. Лых ины мустымин ларпахлыта ихит. Нурыкки нокнам мынты туйлат кулха аныпи яхлала энта юхитлыт. Мыта кухет тахи кич. Ит лыхаты анынам пан цымыл нокнам анымта мустыл. Аныпи ях мынты пырны, лых цопынг ях мавылат кичлыт. Лых тэм нэвис лантынг яхим лахилта рангиплыт.

Кантых ко сарнам лант охтыи суц. Лыпилсы кучинга люль. Тохирсы мокт луватынам нявмыт — кацынг лылынг юх-пом, ко-мыталы тапырхиуцхи мынл. Кацынг лылынг ут мынл — пан пырны кацынг лылынг ут ос юхитл. Алы топ... Мынта — ай вар! Юхитта — инэл вар! Мувы юхитл?! Юхитл?!

Кичимпыр айхи ях — карлых-сомлых тохирсы мокилыт. Лых лыпилсахи лельлыт. Тыт муры, тот муры. Тухапи яхим вореки ихилым лотыт сахет нок атыт. Коллыт, мув тахии нок атта мустыл. Лых яхим лахилты муртыл имат кулха сарны, инэлпи яхлал пырсемты латны. Ит лых катылны-мыхны топ мустым сахет, котынгты нокнам анымтылат. Нэвис яхимны анымтылат.

Кантых ко яхимны сарнам тулы, сарнам вахлы. Пев корых. Лув ухил нок нюхтых пан атыр вах оихтых. Мары нокнам лейлмин люль пан номысы юхты: кантых ко мынл, а атыр вах кичл. Кантых ко мынл, а ингкит-мыхит кичлыт. Кантых ко мынл, а па ко сама питл. Пан

атыр вах виципи кантых ко тоял. И кантых ко виципи атыр вахнат волт. Пан кыцы номыс нячхи атыр вахнам алхимтахи их. Мых тойты атыр вахнам...

Тэм койлых яхимны тухлынг-курынг воих иймытлыныпи энта нюхалтыты. Оймакки воллыт пан анмылтыхиллыт. Тэм яхим кучингна явныт-уритны, лорытны-нюхитны койлых локитпы ингк кул койл пан волт. Тэм ингкитмыхит, юхит-помыт ийконыпи энта нюхтылат. Имынг яхим, имынг ингк, имынг юхит-помыт.

Тэм нэвыс яхимнам лэйлтыны номыс тухины ил, алы мыта яхим ар ют мары виципи люль. Кацынг вар тылсахет мын. Яхкинлат тылсахет цок тыв, тылсахет нок ат. Нэвис лантып яхим — ийпа тывым яхим. Самты, яхим тывым пырны, атыр вах, катл, пылнгыт нок тывыт. Чут пырны явныт, урит-лорит нок атыт. Ос мыта мары волым пырны тухлынг-курынг войхит юхтыт. Пырны па ингкитмыхит атыт. Лых чут инам пырны, пырны... Олынг латны топ тэм яхим вул. Итпи волты яхим. Лылынг лалнат лалты яхим...

Кантых ко яхим кухет нячхи соцл, мустымин колынтыл.

Яхим юхит мувы арых арыхлыт, мувы моньчъ моньчлыт.

Нэви лант мувы арых архил, мувы моньчъ моньчл.

Нэвис яхим мувы арых архил, мувы моньчъ моньчл.

Яхим лалт. Яхим вылэ лымынг...

Колэнтыхтэх, яхкенглат...

Хангы-Мансийск воц
1981

МА МЭХИВ КОЛЫНТЭЛЕМ

Олынгмит ох

ОИХТЫТЫ КАТЛ

Ма тэм мэхэ кичимпыр кух катэлны юхтэм. Ницы чухар пытан, ма сахетпам, ма сама питмам катлы мант номлэм. Номлэм, кулны ангкемны алыммин илтөөм. Номлэм лув пумынг пасты котхэл. Номлэм мынг волмив котыт, чи певыртыт лангкисыт-цөмлэт. Номлэм, хоты кем атмама олынг самам койэм унцых. Номлэм ох нумпалык ухэр-ухэр атэр вах. Номлэм, кулны морты войхэт тави пум алтылэт. А тави пырны апынг канкэп лунг юхтыхлэх. Ангкемны паны Лиза опемны чи канкэтат илтөөм. Канкэт, чи емыт-анцхэт бордо пан вырты, пыхты пан восты, унцых онгк курас пан выркис вулыт. Номлэм, кулны сувэс юхтыхлэх, паны морты войхитны лунг пум морты мэхнам тухи. Сувэс мэн — паны олынг лёньч самыт нячхи ылнам питта ихэт...

Пан олынг лёньч, мэхэ питты нэви рев...

Но чи цохэтны энта ма, а ангкем лэкт, пахл высэт кычет. Ма ангкем курхеннат чу латны кулха янгкилэм. Ма былэ топ лёньч питлэхны, ол кичимпыр кух катэлны, йим тави нэви атыт латны тэм мэха юхтэм. Ницы чу нытан мынг пухлывтлал мырны ноны: ма ютам, ма ноптам ичи тэм мынг мэхив нэви атыт курасхи мустымин мэнл...

Паны ма йимат ойянг наMAT мыйоem — Роман. Ма четчечем нам. Улынг ма йимат, четчечем иты, сымынгки пан вуккенгки ихэм. Чулат лув намыл мантэм мэи. Ма четчечем энта вуйэм, лув мант алыммин энта илт. Лув тэм мэхны волэм катыллал ма самапитлэхамны тэрмэт, паны лув па сангкия пит. Но ма йимат ар ясынг лув вувыл паны сымынг варыл иллы колылэм. Чуарет ясынгкол колылэм, йиммэта латны номыксыта ихэм, алы мыта ма луват вуйэм, алы мыта лув маннат йи муртны вул. Алы мыта ма пан лув — чит йи ко. Ма былэ номлэм. Ма лув меми сухьюхел лахэрт пан ехлы вах номлэм. Ма лувнат мемия вахлыхэм. Ма лувнат, тулых пургины пан лунг тарэм цынгны, тэм мэх лэkitы — охтыты янгкилэм. Инэл-ай явныт-лорыты лохелтэхлэм.

Ма лув кучнгылны матпэс-мытлы энта вуйэм...

Лув намыл мантэм мэи, улынг ма сымлам-туйлам кантэх конам тарымхи ихэт, кантэх ко йим-атэм йимат кулэт, ичи четчечем иты...

Сот ол исы Ефрем-ики ма пукл-икемхи арьялы. Чит улынг ма ичи пукл-икем курасхи номсанг-колангки ихем. Паны улынг ичи лув итахел кух попыт-ют вулэм. Паны улынг лув кураспал архенг-моньчэнг кохе ихем.

Ма луват ичи сама питмам катлы номлэм. Номлэм, лув кулха чулатны сасыхнат-пуннат войэх-кул кинц, вар сахлэт-пунит сав паны па арпыкт юх чингк-лонгк вар... Ма чуминт лэйлэм, кулны лув котхел ар варынг от вархен. Ос урыккия лув архелал-моньчлал, йис ясынглал-уцлал колынтыта лангкем.

Лув ма четчечем рахем еи вул. Пан лув моньчел колынтытам сахет, мустымин лув нюлмынг-морщэнг ван-

целнам лэйлэм. Чу номыснат лэйлэм, улынг туха ма чет-чечем сав-вич лув ванц сухелны волт. Ма четчечеми, намыл пан па йим варлал-коллал урыкки, йимытлыни энта кыч. Ицык нэпекны курал энта кыч...

Ма колым олхн ихмама, тэм мэха ма Даша нампи нингем юхет. Чу сувэс ма мустымин номлэм. Номлэм, Ас неврынг охеп кумптэт. Нэви сый сангки. Пан йи пылынг пуллэх атэр вах. А тулых пырны — лунг. Тулых пырны — лунг. Ос йи тулых паны — тави. Номлэм яхэм куснъял охты лунгтым лот. Лёнъч унты атэм канк лыптэт. Велы нэви лант. Тухер курасип питым тухрэт. Вотэм унцхет пан — катл котыт, катл котыт. Унцхет пан катл кацынг сунгы, кацынг тахии. Ар-ар катл нэви. Ар-ар катл пум. Ма айпи нингем Оля тавинат паны катэл-нат юхет...

Чит йим вар-кул тунгымтыты, яхкенглат пан манат оихтыты, Анмым пан Йингкет-Мэхет оихтыты мурт вул...

Ма ол кичимпыр кух катэлны тэм мэха юхтэм. Пан чулат, четчечем иты, тарым пан сымынг кохи нок анымта номэксэм. Монъченг пан архенг, Ефрем-ики цукел-икем иты, кохи илэм. Мэхив яхкенглат сымыт-туитны йим лэк, йим номыс-кол кийлэм...

Мыта арет ол мэн. Инэлхи ихмама ма тунгымтэм: четчечем вув пан сымынг вар манынгтэм валы мэн. Ма пукел-икем тойэм арет номыс-кол ичи энты тойлэм. Лилынгки волты вар ачем пан ангкем, Василь икем паны па рахем яхлам тунгымтыты кимны ма энта тунгымтылэм. Но кацынг олы номыс айхи волым тахинам йи йимат-йимат карита ил. Паны чи яхнам, кояхи кучингны, кояхи кутны айны анмым, номыксыты сахет, алы пай вылэкинты иты, мыта курымны чуминт номыс вылэкинтэл: муким чит инэл номсынг ях вулыт! Пан мув торым вахны, мувы мэх почетны, мувы унт лэхпины пыра питым лахирт колхи тахрепэл:

«Муким чит инэл номсынг ях вулыт!..»

Но чит пырны и па вар тунгымтылэн: чи па яхны

тэм мэхив кухен кыи. А кантэх конам лилынгки волтал латны номыксыта мустыл.

Волты мурт паста авэл, паста лыхелл.

Волты мурт, кичимпырат, цаль энта тойял...

Топ котны-котны, тэм волмин лэлэхтыны, йилота люлемты-хелмин йа сура, йис яхлыв мустымин, номсынги-колынгки волым тахина номлэмтылув...

Кимытмит ох

МА МЭХИВ КОЛЫНТЭЛЭМ

Иттэн, катл ымылтахе ихэма, ангкем нячилэкки ман-тэм ястэх:

— Суй цыки ал вара. Катл ымылта их.

— Муват суй варта энта мустыл? — маны пырипи.

— Иттэн йингкет-мэхет вуялтылэт, — нявым лув. — Лых ичи олынты муртыла их. Катл мары лых ичи матыт. Иттэн нюхалтыта лыхат энта мустыл. Чулат суй варта энта мустыл...

— А катл кулна мэнл? — маны пырита вари катылнам англымтымам пырны. — Лув ичи олынта мэнл?

— Катл ичи олынта мэнл, — их ангкем. — Лув немрех катл мары муv арет вар варл...

Кимын, йингкет-мэхет ичи вуялтыты вар тойлэт, ма номлэмтэм. Катл анги кутылнам мэнл, вуялтыта. Лых ичи, кантэх ях сахет, катл мары матлыт.

— А тухлынг-курунг войхет юхин муvылы варлыт? — ангкем пырита рангипым.

— Кацынг тухлынг войэх, — ястых ангкем. — Кацынг курунг войэх, кацынг сарки-комылки — инам вуялтылыт, инам олымны юхетлат.

Ма колынтэта рангипым. Да цои, мэнг котыв кучинг унцхетны катыл мары вихем пичингкылыт суйлых мэныт. Самты пумынг тыхеллатны алынг муцы вуимтат. Топ катл

пакынтахи итэка арехта-вихта илыт. Тавин ма кацынг алынг пичингкылы суп нокварыхлылым.

— Ос юхет-помыт олты вар тойлыт? — йилэп номыс ма ухема юхет.

— Юхет-помыт мувы энта лильнгет? — ангкемны пырхи пырпироем.— Юхет-помыт ичи вуялтылыт. Юхин кацынг лилынг ут вуялтыл. Кацынг лилынг ут олынл. Вот чувар пытан иттэн суингки няхта, суингки нявымта, суингки мытлы сангта-уцда энты мустыл. Нурлых суй энта варлы. Па ях иллы номыксыта мустыл.

Ос улынг памытлыт, пухлыв ирны, иттэн суйлых-кийлых иллы номыксылыт мувы энта? Ма колынтэта рангипым, мыта суй волл мувы энта. Но каллэк суйпи Пыхермахины сеччи энтэм. Ворпэт явын улыкны ичи суйлых мэныт. Кайпэт пан каллэкт суй яхим утпалык янгкитлорытны ичи энтэмхи их. Тулсахет катлын каллэк суйя имат тарым вул. И ваат ар явын-лор томпинам мэн — ицык йи тухэр пул яхим унцхитны энта нехлыл.

Суй-кий Ай Ила волты палык Ай Рапны энтэм.

Суй-кий Катл Ымылты палык Инэл Рапны энтэм.

Суй-кий йахи мэнг Сувэс Котлыв пухелны их.

Ицык катлын котыт кучингны чарыхлыты севыт ит суйлых мэныт. Мэнг нэви импив Харко ичи вуимтымал курасип — сихрыл чахлаты суй энтэм, мант ропыснат луватынам энта вахэл.

Паны ма чи авылта ихем: цои кацынг ут махилты вуялтыл, кацынг ут олынл.

Катл ымылл.

Ангкемны, келык охпий, кото лыхпий пырилоем:

— Роман, кемын нунг мувылы варлын? Суя-кияпи энтэм?

Ма нявмым:

— Ма Мэхив колынтэлэм.

Ачихелам-ангкихелам пан опилам-нингылам мувылыят мувы кот лыхпины айлыхмал нявымтыл сечл. Самты тэм мэным катл варыт иллы лых коллал. Кацынг катл вылэ

йимат ар вар-мытлы тоял, муv иллы иттэн ихет-ангкит нокпырита муcтыл...

— Ягу юва, Роман,— ангкемны вахлоем.— Олынта пырны Мэх колынтэлэн.

Пан ма ягунам нурехтэм.

Колынтэхелмин, я вуялтылоем. Пан олым пытыны вулэм, кулны Катл, юх туит томпинам пантмал пырны, сорни кутыл охпи пунцыл. Чи кот инам лилынг сорнии — алы вычახел-курахел. Ма самхилам энта алхемлыхен — алы былы куньхилам. А Катл сорни кутыла ланг пан вуялтых. Тут и лув невремлал оллыт — ичи ма лухетпам авит пан похет. Катл мэнг кутыва пакинтэка, ангкем чуминт ястыл, чит мытты. Катл-ангки котыл мэнгатынам нуртэх. Ос Катл кот ар кунты, ангкем кол сахет, чит Катл невремыт мэнг мэхива ентыхта мэнгнат ехтэт.... Пырны маны вуи, кулны Катл кутылы кемнам атта их. Номлэмтэм, тулыхки их выс кутых: Катл миыыл нок пон пан посхел нок пул. Нумпалкилны сорни нэви пул, паны китпалэккилны кат йичуминт пулхен. «Катл миыыл пан посхел нок пулл кунты — тарым ехлы вул»,— ачем тулхин ихелыл. Ма чулатны номлэтэм: милэнг-посынг Катл йимат на ангкем курасип. Чи тахи маны ачема ясты. Лув нявым: «Катл — чит тэм мэхлухет яхкенглат ангки. Самты чулат ях ангкит инам йикуруасипэт». Ма имат миылынг-посынг Катылнам лэйлта лангкем паны ангкемнам номыксэта. Мантэм цымыл цаль вул, муvат лунгын Катл мил-пос энта тоял... Ит-я, кутылы кем атмала, Катл чуким каны вул, чуким сорненг вул — ма чу нэвии нок варыхлэм.

Алынг вул. Ма кимын ытти выс мухты Катл котны нок варыхтоем. Чит самты, улынг ма Катл невремыт ича пытхаклэм. Самты лых ичи нок яксалтат. Ентыхты пил энтэм...

Иттэн ма сорненг кутылнам мынты Катылнам лэйлтэм. Лейлтэм паны ангкема номлахтэлэм, паны суй-кий лахелты тахия номсам юхетл...

Ит чутахий ар ол мэн. Сувэс Котыт пухел кары юхты-

помты. Юх лурты яхны яхим илы лурты. Бульдозерны кумыт тулых машина лэк вари. Ит суй-кий йимытлыныпи энта лахиллы. Но ма номсам вици кариил айхи волмам олытнам: Сувэс Котыт куснгал охты, сорненг карып унцхет паны ма суй-кий лахилты ангкем. Пан вуимтыты йингкет-мэхет. Вуимтыты юхет-помыт. Вуимтыты тухлынг-курунг войхет. Пан вуимтыты Катл-ангки. Ит ма лых йи колыл коллэм. Йи вар иллы. Йи вар иллы...

Кояхины ит тэм Мэхив суй-кий лахиллы?!

Кулмит ох

ПИЧИНГКЕЛЫ ОХПЭТЭНЫ

Ма имат энта лангмам вар — ох пусты тахи. Инэл савын лингкины ухим пустыны, йингк виципи чуминт ернас рок ылпалыки мынта вырахтэл. Чит мыта йим энтэм. Ос самхилам мойтеккинг йингны мэнлэхин кунты — чут ма пухелтал мыр колты суйнат мырта рангиплэм. Яхны чут сар вулы — чит ма ухим пусты.

Ма куц ангкем котхин кутны чурлэм, но лувны энта рыхимлыхеллоем.

Сорым ох паны йингки ох — кутын йимат кух. Ох пусты пырны цомы курымны кемнам энта асыллоем. Оптыт сорты мары ягун омыста мустыл. Йингки охнат сангки кутны энта пынграхлыхеллэн. Лопас кучинг унцхелыя энта кунгетлэн. Я мувы цымыл вар, мувылы йиегки охнат энта варлы! Ицык томкотынг еит-монитнат нюлтахты ур энтэм. Вот чи вар пытан ма вици куннта понымтэм, ангкем ма ухим пусты йингк пумылтыты рангиптэха.

Но йимыта латны ма маннам ухим люхитыта мыем.

Ангкем ястых:

— Роман, ма нунг ухин чуким нэвехи пуслэм — пичингкелыны латлы!

— Пичингкелыны латлы?! — ма энта авлым.

— Оос,— их ангкем.— Пичингкелыны...

— Мувы ымылл? — маны пырипи.

Чилатны ачем нявым:

— Я, онтыкапы, ма ухим нок пуслэм. Лувы пичингкелыны ымыллы.

Ма Лиза опем ичи суя их:

— Ангки, ма ухим ичи пусе. Ма ичи пичингкелыет лангклэм!

Ченя ма кицым энтэм вул: мантем арьялым пичингкелы улынг па ко оха лыт. Энто, кицым энтэм. Паны чулат ангкем пырипым:

— Мув урып пичингкелы ма ухима латлл?

— Мув урып пичингкелыят лангклын — чуминт латлл, — лув ястых.

Чиминт вар мантем мустых. Паны ухим тынынгки мыта понэм. Кичимпыр сивкенг-курасенг пичингкелы сахет. Паны ангкем ос пырипым:

— А пурльвайкелы ма ухима латлл?

— Пурльвайкелы ичи латты кимвар тоял.

Ма чи сахет кицым вул.

Паны ангкемны ухим нок люхиты. Ит олынглатны ма пухилтал мыр колта энта йисым-вихем. Ухим пусым пырны ма пыхты нялпулнат кем аслоем.

Лувы пурльвайкелы ма нэви охпэтэма ымылл.

Ма кот кучингны пурльвайкелыт самэлтэмин суцыхтэм. Мыталы лых нынгктыллы ма охпэтэма латлл?! Чи пичингкелытнам ма имат тарым вулым. Мантем мустыт: лых нэвис саклал-баклал. Лых кух лыхлымурилал. Лых сапылал пыхты пулэт. Лых алынг вихты йим суилылал. Лых олынг юхитты морты войхет кутны тави пум тулэт. Самты чу вар пытан ма лыхат имат мусэм. Цопынгка, памыта латны ма войэх кинцы нюрсымны патхоем — явылхенлангкеннат пичингкелыт пыри кохетлэм. Но лангкламнеллам виципы памыта сунгнам мынлэт. Лыхат панам энта варлэт. Ма па латны номсам атэм вул, а па латны ойям иты тахия мант алы няхлэм. Самты пурльвайкелыт мант ичи няхлэт.

Ма лыхат котны катлыхелта лангкэм. Тухэтлал-пунлал мустымин нок лэйтла паны лойнат-пангнат нок нялца.

Ит ма курымтэм, мустымин курымтэм, кунты пичингкелы ма охпэтэма латлл.

Вылэ чи сунгклэх пичингкелыт туха ма нэви ухим оихтыты кимвар тойлэт! Лых былэ ма нэви ухим валы энта лыхеллыл! Валы энта мэнлыл! Чены ма номыксэм, Сувэс Котынг куснгал унцхит махилты суцыхтытам сахет.

А пурльвайкелыт лыхнам мыта варлалнат лайхет. Лых велы пун аныйит. Тыхэл варта. Ма вуем: лых тавия имат нелкет — чупчелхелэт, мувылыят мувы кутлалны нявымлэт. Лых мантемнам аунгрэмтэхеллэт, но ма ухима латта энта пытхахлэт. Самты латты сорок энта тойлэт, ма тухины номлэмтэм. Паны ягунам нурэхтэм.

— Ангки, пичингкелыт ма ухима энта латлэт? — ястым ангкема.

— Ос мыта мары янгкила, — нявым лув. — Нунг ухин лув оихтыты кимвар тойлэт.

— Ницы нунг мустымин ухим энта люхитэ? — пырипи маны ангкем.

— Чака энта, ма нунг ухин йимат имхи люхитэм, — ястых лув. — Мэна, пичингкелыят лахлэкса.

Паны ма ос кемнам курытэхлэм, пурльвайкелыят курымтэта. Мыта мары волэм пырны ма чу пичингкелыт юрехлэм пан лохесламнам ёнтэхта нурэхтэм. Иттэн муцы ма ар рахеп варты вар туим. Маты ут илы сангклэм, илы морилэм, илы выстылэм. Паны па мыта рахеп варлэм. А иттэн, ангкем, мант олтытал латны, нявмэл:

— Ос рахеплэн... Кунты номсэнгки илэн?..

Мыта мары суйлых волмал пырны, ма опытлал нялцал сахет, ястэх:

— Нунг опытла, нунг ухин нэви. Чиминт нэвехи-йимхи улынг нунг номысла-колла воллэт. Нэвехи пан йимхи. Чут пичингкелы мыта латны туха нунг ухина юхитл...

Ма итпи лув чи коллал иллы номэксэлэм. Йим мувы

энта ма номсам?! Тэм волты нопытны муv йим-чунь ях-кенглата варым?! Мыта латны улынг чу мурта ил, кунты ма ухима айхи волмам иysi сунгклэх нэвис пичингкелы латлл?!

Нилмит ох

ПУРЛЬВАЙКЕЛЫ ТЫХЛ

Тавин морты войхет тыхл охтыя питыт. Пан луккенг мок поныт.

Йимыта алэнгны, лыта ымлыма, ачем их:

— Ма тыхлэмны колым пичингкелы мок.

Чит чены тунгымтыта мустыл: ачем пичингкелы тыхл оихтэх пан котны-котны нок лэйлтэхеллэтэх.

Нявымта куц ихи, кимын кацынг инэл ко оихтым пичингкелы тыхл тоял. Ицык ма опем, Лиза, ястых:

— Маичи тыхл вулым. Пурльвайкелы тыхл. Тут нилы мок.

Топ ма тыхл энта туйм. Паныпи опема кырыхлэм:

— Лэйлтэ, мантем лэйлтэ чу тыхлэ.

Опем ысех ях сахет нявым:

— Энто, нунг кулха ай вусын.

— Лэйлтэ,— ма чингкита ихим.— Лэйл-тэ!

— Энта,— ястых опем.— Луккенг мок котнат нюхалтыта энта мустыл. Нюхтыле кунты — паныпи ангкилны кыйлы. Пан луккенг мок войихки энта ил. Тунгымтылэ, Роман?!

Ма йимытлыпи тунгымтыта энта лангкем пан йи сарнам нингклэм:

— Лэйлтэ! Ма топ йипа аунгрымтылэм! Топ йипа!..

— Ал нингкла — энта лэйлтылэм! — сары колат ястых опем.— Нунг чуминт рахеп — мыта пичингкелы мок-пар тыхелы вылын!

Чит цопынг кол вул. Ма вуем, ысех ях кол сахет, муv

курасип рахеп ма вулым. Ысех яхнат мувы варлы? Мув варпы энта варым — инам панам. Мув тахинам энта кырыхлэлэм — инам энта чу сунгам. Мыта намин рахеплэты номэспы энта туим. Алы кацынг вар лухнам панам мэнл, куц ма кыцымпы энтэм. Сарпины варым, а чут пырны номэксэм — чит йим мувы атэм.

Ит ма тунгымтэм — пурльвайкелы тыхл ма нынгктэм валы мэн. А ма чуким лыхат лэйлта лангкем!.. Лывмам пырны паныпи кемнам нурэхтэм. Тыхл кинца номлахтэм. Цопасынгмыта тыхл, топ улынг тут пичингкелы умыс.

Ма мары пурльвайкелыт пыри янгкилэм. Лых чуминт лопас-кум виньл ылпины, суваныт охтыны пан суваныт ылпины, немьс юхкен кутны, куцым-савын пырит-уцытны тыхл варты вар тойлэт. Ма лэйлэм, кулнам лых лыхеллыт. Мувтахи пурыхлэлыт, мувтахинам ымыллыт — чу тахинам кухлэм. Алы мыта лых топ тыхеллал куты лыхлэхтыт. Ма лыхат нехелтылэм, но мытлы энта оихтэм. Самты пурльвайкелыт ма Лиза опем самнат мантемнам лэйлэт — моки тыхеллал на нынгктахем канитыллал. Ницы йим сахет лых лайхет — ма цопынгка мыта йим пичингкелы мока энта варлым.

Лыта ихмама, нянь кинца ягунам янгкилым. Ангкемны пырипоем, мувылы ма кемын варлым. Ма ястым.

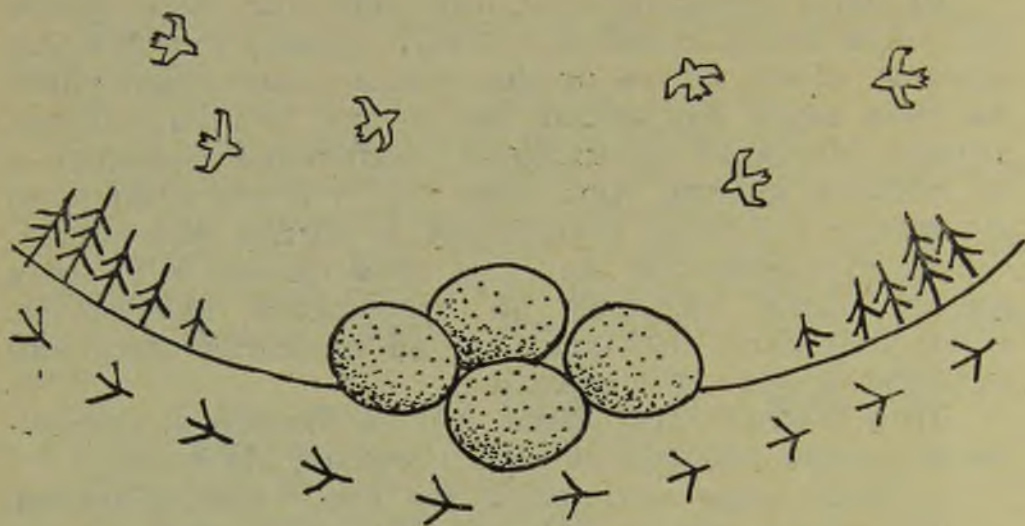
— Мыта мары енха паны ягу юва, — нявым ангкем.

Но ентыхты кыцым энтэм вул. Ма пурльвайкелыт мокт иллы номэксэм. Кот махилты суцехтэм. Чи янгкилтам сахет, Лиза опема самам куй. Лув лангкых оскал кумылы кучингны люль. А ванцыл имат имхи их. Ма алы нок рэакным: пурльвайкелы тыхл. Опем котнам мэным пырны, ма монгки цушылы кум пунгыла тухэм, тухи кунглэм паны кум охтына тунтэх куцым пыри лыхпинам англэмтэм. Тут пурльвайкелы тыхл вул. Тут нилы луккенг мок. Ар ёмкар чавкыпынг. Ма тэм пухлывны волты Екатеринэ опем ванц йичиминт чавкыпыт тоял. Алы мыта пурльвайкелы мокт ичи ма чи опем курасипэт вулыт.

Ма мары лыхатынам лэйлмин лангклэх люлем. Чуким

йим нэвис пичингкелы мокт! Ма лыхат котнат нюхтыта, кота выта имат лангкем. Но чи латны Лиза опем колыта номлахтэм — чулат лыхат энта нюхтэм. Пичингкелы луккенг мокт ылы тыремты кицем энтэм вул.

Самты ма имат мары люлим. Олингас ангки ма охпытэм нумпины виCKETым латны ма тыхпи корхем. Пан каньчекинтэм — пичингкелы топ ма опытлама энта лукэл. Чуким ванхи мантем кыремтэхел. Ма монгки цунылыи неврымым.

Топ иттэн лыты мурты ма суйлых вулэм. А лыта ымлым латны — пыкты ур энтэм — ястым опема, ма лух пичингкелыл тыхл оихтым. Олынг латны лув пурльвайкелыт мокл пытан канчекинтэх. Ма нявмэм: котнат маны энта нюхалтат. Опем каньпы мэн. Чел сарнам мин лувнат ийка пурльвайкелы тыхл лэйлта кацынг алынг нурицта рангипмэн. Кум пынғылнам нячилэкки супмэн — улынг олингас ангки энта канчекинтэх. Паны мары тыхелнам лэйлмин люльмын.

Ма имат курымтэм, кунты паны кулны луккенг мок
лылынг войэхки ил. Кулны сахет. Курымтэм.

Тави мэн. Лунгки их. Кайнгит нок атыт.

Ангкем нявмэл:

— Сорха пичингкелы мокт атлэт. Сарпины тыхлны
омыслыт, вихлыт. Чуминт авмым пунынг роскит — ицык
ястыты кол энтэм.

— Ма лыхат лахеллым! — ястым ма.— Имат лахел-
лым!

— Пичингкелы мокт пурыхлытыка кайнги цымылхи
ита ил,— их ачем.— Лых кайнги катэллыт. Яхкенглат
лылынгки волта пыхертылэт.

— Топ котнат ал нюхалтыла,— ястых Лиза опем.—
Коллэ, Роман?.. Лылынг пичингкелы мок лэйлта лангклэн
кунты!

Лиза опем колнам ма колынтэм. Лув мэнгны имат мос-
мин туп. Инэл пухел школанам тута вартал латны, мин
Даша нингемнат чуминт вувимэнны иста рангиплэмын.
А ангкем энтэмхи ихим пырны лувны мэнг — мант паны
айпи нингехилам — нок анымтоюв. Мэнгны чут пырны
ос имат моста вари.

А пичингкелы мокт нок энтэпи иртмыт. Йимыта алын-
гны Лиза опем ягу корых пан исвакелнат мулэкинтэх:

— Пичингкелы мокт ылы тэрмыт!..— паны мантем
пытымтэм ванцыл кирэхтэх.— Нунгны самты котнат ню-
халтат?!

— Энта! — ма виккетэм.— Ма лыхат энта нюхалтэм!

Пан кем лукем пан кумылыя кыремтэм. Луккенг мок
ориех — яврех вырты лар сама энта питым пичингкелыя.
Вырты лар — чут ма мустымин номлэм. Чутны самхилам
виньчехин. Чутны номсам виньчи. Ма алы уннат тунгым-
тэм — пичингкелы мокт путат, Лых ицык сама питта
энта термыт — сар энтэмхи ихит. Ницы мытлыны котнат
нюхтат — паны ангкилны кыят. Ницы ангкил мыта тахи-
ны пихты — пан лыхат пумылтыты ко энтэм. А ницы
памыта ура ихит...

Алынг лыты пысаныв махилты суйлых умсуб. Ангкем суйлых вул. Ачем суйлых вул. Лиза озем суйлых вул. Ма суйлых вулым. Инам суйлых вулув.

Йилатны, цомыкурумны, Лиза озем самхины ись-йингк ат. Ичи инам суйлых-кийлых. Ицык йи суйлых.

Суйлых ис.

Ма кем лукем.

Мантем имат пичингкелы мокт цаль вул. Цал вул. Лых вылэ сивкент туплэц саклал-баклал их ос йимытлатныпи энта ломытлылал. Лыхаты аръялым арыхлал йимытлатныпи энта арыхлылал. Мантем пичингкелы ангки цаль вул. Мантем мант цаль вул. Но ях урыкки Лиза озем цаль вул. Лув исты тахил ма кулха энта вулым. Ит олынглат вул.

Ма кем лукем.

Чи катлы ма йимытлыяпи тыхл нюхалтыта энта ас-лым. Кояхи тыхлпи энтэм вул...

Ватмит ох

ВУРНГИ ТЫЛС

Мэнг Вурнги юхитты тахият имат лахлэксуб. Лув морты войхет сарпины юхетл, олынг малынгк катлыт-нат — апрель тылэсны. Чулат чи тылс «Вурнги тылэсхи» намты.

Вурнги юхитты тахия энта топ мэнг кутыв, а немрых пухел нялкел. Йи коты па котнам, йи пухелы па пухел-нам чуминт кол мэнл:

«Вурнги юхит!»

«Вурнги ат!»

«Вурнги морты мэхи пырхи юхит!»

Вурнги мэнг пухлыв кучингны вул. Йи юхи па юха латлл. Тул-пул аммокт чорхелтэх. Лыты утат кынцех-

тэмин, чуминт путкары махилты судехтэл. Ылы комлах-тэм савныт-анхет ылпинам йимхи ихилыл. Па латны нюл-нат онтыкапы курнат тахпи кырыхтыллал. Памыта имиты чуминт няви онтыкапы кул пул туты вар тоял. Но ицък кычимпыр ырап нингетны лув чи варылнам алы лэйллыт.

Вурнги мэнг пухлывны мосмин туи.

Лув алы мэхинэ вул. Мары янгкилмал пырны волты

тахила юхит. Пухел нок махелл — кацынг ут инам волты тахилны мувы энта.

Пухел нок махилтал пырны, чуминт лопас онтыкапы кум виньчепа ымылл паны суйлых-кийлых мары пухелнам лэйлэхтыл. Лув мув иллы номэксэл?! Улынг кулны тунгымтылы, кулны вулы. Ма сахетпам, лув энта тухлынг войхит, а кантэх ях волты вар иллы номэксэх. Мэхив арет яхкенглат иллы. Ницы мэнг сирып яхлыв иллы. Ницы ма волты варам иллы. Чены суйлых-кийлых пан чиким мары топ яхкенглат иллы номэксэлы.

Мэнг Вурнги мустыв.

Ницы чу вар пытан — лув тави малынгк тух. Ар тави вар лув — Вурнги Тылсэтны — нок атэлл.

Олынг малынгк.

Олынг тави илынг.

Олынг лунгтэм лотыт.

Олынг лулым йингк.

Олынг оmtэм вели мокт.

Олынг атты тави пом туит.

Олынг тави нях.

Инам — олынг латны.

Мэнг кутыв Вурнгия имат нёлкилэх. Ангкем чуминт нявмэл:

— Тави муцы лылынгки вулув — Вурнгины юхтоюв...

Паны алы инэл лылыпат лалпыл.

Ма чу латны номэксэм, Вурнги энтэм вул кунты, мэнг тави муцы энта вулув, Вурнги Тылс энта юхит, тавия энта питув. Но Вурнги вылэ энта имынг, а алы войэх. Чиминт тухлынг войэх энта цымыл мэнг вонлэвны-нёремлевны.

Паны ма ангкем пырита ихим:

— Ангки, вылэ Вурнги йим войэх?

— Йим, — ястых лув.

— А муват йим?

— Муват?

Ангкем ёнты утылы ухил нок нюхтэх, мантемнам пырны ма нингилам-опиламнам аунгрэмтэх пан нячилэкки нявым:

— Вурнги... кантэх ко самапитты тахия нёлкилыл.

— Кулны нёлкилыл?

— Кулны кантэх ко нёлкилыл — лув йитухены, — ястых лув.

Ма йимытлыцы энта тунгымтэм. Пан ангкемнам ястым:

— Кача Вурнги иллы ясынг яста...

Ангкем онтынны лойэхты Оля нингемнам аунгрэмтэх пан ясынг улынгтэх:

— Вурнги нунг Оля нингела юхтэм тахия ичи имат нёлк...

Ма суйлых-кийлых колынтэм.

Канхтэ ях сахет, нявым ангкем, самапитым неврем утыт, кацынг сух-нюр — мыталы мустымин контынгты тойта мустыл. Улынг виципы сунгклых тахины вулыт, улынг лак-пом кутны энта корхилыт. Чу вар пытан, улынг ай неврема атэм энтэм вул.

Ицык ай неврема мослых утыт чуминт илы ях янгкил-лых тахия понлат онтыкапы ыхетлат.

Чулат неврем онтып-савын цап койлых тахия ыккетылы. Ангкел пурыка. Энтэпы ухыр, энтэпы няхл ангкел пурыка. Улынг тулыхан дохт унта энта пант.

Ма номлахтэм, чиминт ангкел мэнг ичи тойлув. Тухнам мин Лиза опемнат Оля нингимэн йингки цапыт аллэмэн. Ангкем, мант цапи савыннат тухнам китталны, ястыл, улынг мэнтам сахет цап ылы энта пихтэм — нингилэма атэмхи энта питтахи.

Цап ангклылы махилты ыккеты. Пан цапи пай туингки нокнам мэн, алы туинг нюки кот. А Вурнги, морты мэхи юхиттал латны, чи пумынг цапи пайны курхел пумылтэл. Ехлы катлытны. Лув вылэ морты войхет кутны олынг латны юхитл, апрель тылэсны, мувлатны малынгк катлыт куты ехлы катлыт атыхлылыт. Пан лув курхел потлэхен.

Ар ют мары, кацынг тавны морты мэхи юхеттал латны, Вурнги пумынг цапи пая ымылл пан ястыл:

— Улынг имат ар неврем сама питл, чут вици ма курхелам пумылтыты тахи волл!

Чиминт колытнат лув йи цапи вандынги на цапи вандынга латлл. Суинг-киингки йи, кимытмит, кулмит... ай неврем юхитты тахия нелкилыл. Чи янгкилтал сахет, лув вихел:

— Вак-вак, вак-вак, вак-вак!..

Сувэсны, морты мэхнам мэнта итал латны, лув ичи яхкенглатнам ястыл:

— Улынг ма янгкилтам мары ар ай неврем тэм мэха юхитл — тавин ма сурхелам пумылтыты тахи волл!

Чут пырны нёлким суйнат виккетыл:

— Вак-вак!.. Вак-вак!..

Вурнги морты мэхны волты мары, тулых кухет, ар ай неврем сама питл кунты, чут тавин лув ос имат-имыт нёлкилыл. Лув ехлы катлытны пумынг цапи пайэтны лахеллы.

Ма паныши ангкем пырипым:

— А Вурнги ма тэм мэха юхитмам тахия ичи нёлк?

— Нунг кулны номэксен?! Оос, нёлкмалат...

— Энта ма вылэ кичимпыр тави кух катылны сама питым. Чу латны пумынг мурт вул, Вурнги курхен энта путэхн...

— Чены, нунг ол кичимпыр кух катылны сама питын, — ястых ангкем. — А сувэсны кулха онтэпны умсен Вурнг морты мэхнам мэнта ихима. Лув курхел чу латны путэхн. Нунг и тавин онтэпны умсен, мыта латны Вурнги морты мэхи юхит. Пан пуркехи их. Пан илпалык тарым вотхи их. Паны па морты войхет пырхинам кирехлыт, пумынг мэх палыкнам. Топ Вурнги энта кирехлых. Лув вуйтэх — нунгны курхел пумылтылэхн...

А Вурнги, мукем цохтыт-вотытнышы энта сангки, нёлким турнат нявмыл:

— Вак-вак, вак-вак!.. Ювитэх, невремыт! Ма нынгат лахеллым!.. Вак-вак, вак-вак!..

Чулат мэнг пухлыв пан мэнг явныв яхны Вурнги мосмин тойлы, йимытлатнышы имнам панам энта варлы. Лувы цымыл яхкенглат анымтыты номыснат волл.

Лувы волл.

И ма па самнат чи Вурнгинам лэйлта ихим. Тэм Мэхива юхитты кацынг кантэх конам нёлкилты Вурнгинам...

КАЛЭК НЯККЕТЭХЕЛ

Ма Пыхермахии нёрыма волты палыкнам лыхелты калэки порынам лэйллэм. Пухел яцыха юхитмала, поры архи ориех паны тыхнам-тахнам салытэмин имнам вихта — чшлта пх.

— Каллэк! — виккетэх йи.

— Каллэк-каллэк! — суй вар кимыт ут.

— Каллэк-лэк-лэк-лэк-лэк! — няккетэх кулмит ут.

Чены няхмин-вихмин поры мыта мары пухел пан яхим пумпины лойхел паны чу пырны нячхи нёрым палыкнам талыксыта ил.

Ма ягуна кохеллым пан ангкем пырилым:

— Калэк йим мувы атэм войэх?

— Атэм войэх, — ястыл лув.

— Муват атэм?

— Калэк кантэх ко цекнам няхты вар тоял, — нявым лув.

Сувэсны, морты мэхнам мэнтал латны, калэк чуминт ястыл, улынг янгкилтам мары, тулых кухет, ар ко энтэмхи их. Чут тавин юхиттам латны ар кот охтыны няккетэлым. Ангкем кол сахет, чены калэк нявмыл.

Вот чиминт атэм войэх калэк. Па ко цек охтынам няхта лангкал. Чу лат кантэх яхны энта мослы.

Тыт ма па вара номлахтэм, муват калэк атман тойлы. Тави колып кул латны, ачем па латны амп лыта калэк косым кулыт ягу алтылэх. Кольпа питым кул оихтылыт кунты, калэкетны панышы кослы: кул кун выстылэт пан воинг сулыт нок лылыт. Чут лых энты лыты утат колта илыт — энта кул лылыт. А топ воинг апия вырахтэлыт.

Ачем па латны пытымтыл паны калэк лякел. Паны колып олынгъюха ыхетлэтэх — улынг па калэкет па ко валты кулнам цыки йимхи энта ихилыт.

Мантем чи калэкт инам цаль энтэм вул. Куц нама

лыхнам сахетпилпы курасынг войхет вулыт. Вирты нюлапыт, нэвис вирты курапыт, нэви пан суй тухлыпэт. Топ алы цыки килнгыт пан илэмлыхет. Пан ма инэлхицык ихмама лохесламанам, мэнг сирив еилам-мониламанат, калэкигнат лялексыта рангипым. Арпыкт урнат, арпыкт лыксемнат. Инам кацынг ур ицалты пырны, чуминт мэнгнам па ур па номлахтэлув. А ур номлахтыта чут тармыт вулув. Тармыт паны греглых вулув.

Кычимпыр алы ур — чапкас. Мыта тахии лылхи чапкас тулув. Чапкас нялым ылпалыка нэви пунглып килси понлы пан йингга, сый конгынга омытлы. Лунг Котлив сыйны вулыт. Марапы энта илпаныпы калэк нюлылы питлы. Чу калэк ос сый лойкны, ях вулых тахи, юх мавырнат льямин валлы.

Лунгин, соип латны, ях ар ай кулылы аллыт. Мэнгны чи кулылыт анылат пан лулвыслалы туинг юхилыят онтакапы ваныпат пуллат. Ванып онтыкапы чи юхпул па латны сухимат мувы вахпонахат юрлы. Улынг чи кул лыты калэк катылта. Но кычимпыр йим ут вул — вах йинтэп. Чиминт йинпенг кулнам йи калэкпы энта курняхлыл — туха лылтэх.

Йинтпенг килсит йингга льяклат. Кул оихтытылка, калэкт паныпы вихмин нюла ыкемлыт. Чи килсит лыхелтыл сахет няллылал. Йинпенг кул лыты калэк вихта ил паны тыхнам-тахнам талылта варлы, ылнам-нокнам аллы. Инам ар сунгнам талылты. Алы кучим ут. Пырны йикулнам мэпл. Самты мыта юх уннам пар чык корхел.

Тухины мэнг номэксув.

Ангкемны чи вар кунтэхлыты латны, чуминт канчекинтэм турнат ил:

— Мувылы чит варынтэх! Чи вылэ лылынг войэх!..

Мыта мары волты пырны ястыл, калэк торыма-мэха мостал пытан волл. Энта мус кунты — тэм вонтыт-нёрмытны, явныт-лорытны энта вул. Чут улынг волты тахият энта мэи.

Ма чи варлам ачем номыса ичи энта юхтыт. Ангкем суйлых мэнты пырны, лув ястыл:

— Калэкт чехи кышла!

Маны мыта мары тухи койхат. Но топ мыта мары. Пырны ос чу калэктитнам лялексыта рангиплым.

Ма сахетпам, лях няхилны муv урып муvы атэм суй вул. Атэм. Пыхты. Ун ехлахтыты суй. Лых вылэ кантэх ко пнтэмхи пты тахият курымтэлыт. Паны, ма номэксем, калэк цымылхи ил кунты, чут арцык ко лылынгки волл, арцык ко осхи тавия юхитл. Ма энта лангкем, улынг мэнг пухлыв ма рахем яхлам муртыл сарпины тэм мэх кыл.

Ницы чи вар пытан калэктнам ма сымам чиким атэм вул.

Топ ар ол пырны, йингкет-мэхет, волты вар иллы номэксыта ихмама, йимытлатны тунгымтэм, ницы имнам маны чи калэкт чапкаснат-уцнат, явылнат-нелнат паны па арпыкт урнат канцат пан вангкелтыхлат. Калэкт цымламты сахет тэм мэхив атэм вылэ энта цымламты. Мэхивна атэм энта курынг-тухлынг войхетны мэнгаты аллы...

Лапытмит ох

ВЕЛИ ХОТ

Велит, омыттыл пырны тавин, илы асыллат. Лых лыхнам воллыт. Топ кайнги-палым нок атыка лых йи мунтэлхи илыт пан ная юхитлыт. Самты чи лыхаты лахирт муртны йи мунтэлхи йимчулат нюл нок кинцлыт. А кайнги цымылхи итыка ос кайм махилты архи мэныт. Сувэс муцы. Кацынг ко тухнам мэныл, муv тахи луваты мустыл.

Мэнг пухлыв утпалык ирны вели хот умыс. Инэл певырты лопием хот. Яцалны, оч лыхпины, най кары. Тут лухтэм унцех юхдопыт мулэмат атлыт. Охтылны пыц онтыкапы цамыц — нок энта вычихлыты кича.

Хот палы меэх атымхи итала кем кынлы. Кот охты цамыцат лынгки, а чут охтыи — сангки. Чулат вели котны виципы йим пан яхлэнг. А мулэм волты и кайнги энтэм.

Велит алынг юхитты вар тойлэт. Хотыт махилты чу мары янгкиллыт, пока мулэмат энта понлат.

— Мулэмат, мулэмат вахентылыт! — ястыл чуминт ангкем паны най понта мэнл, онтыкапы ачем нок варыхтэл.

Лув мулэм понта энта тэрмыл кунты, па латны велит ос каимнам кохеллыт.

— Курмыт,— ястыл ангкем.— Мулэмат энта понат. Сорха ос юхетлыт!..

Цой, мыта мары волты пырны лых ос юхетлыт. Пан иттэн муцы вели котны, цав лавылмин, лёльлит онтыкапи оллыт. Топ мыта мары каимны лыта-еньча янгкиллыт пан ос пырхи юлыт. Чуминт «кайнги кухелнат», ачем ястыты иты, янгкиллыт. Ол чи муртны лых соцмин энта мэнлыт — лых пырилы вици кайнги-палми мунтёл лыхелл. Лёльчи кицен волл — энта лёльлин.

Юхин лых котны киччи вар энта тойлыт. Катл ымылты пырны палмыт — айвойхит корэхлыт. Пан лых куккинам мэнлыт. Имат кухтахинам янгкилтылны, пыркатылны чуминт лынгкамлат.

Мэнг инам, куйях пан невремыт, вели най кучинга ыкемлув. Велият лахлэксылув.

— Иттэн мыта палыкнам мэныт? — пырипыл чуминт Василь икем.— Кояхи вуют?

Мыта конья туха вулат. Вар ядыха питл — нерыма волты палыкнам кухлыт. Котынг яхим утпалыкны явнгкенг-лорынг нёрым. Тут маки йис яхлыв вели туит.

— Чены,— нявмыл Василь ики.— Нёрымны тэмкатл вот, чулат ягунам энта пытхахлылыт. Вот илынгнам лёльлэт.

— Йим лытыотынг тахит,— ястыл ачем.— Кулнам лых пытхахлылыт.

— А ма тэм алынг лыхат лыхлым,— Василь икем их,— Най понта алынг имат килым.

Мэнг, невремыт, ях киньча имат велият лахлыксув. Вели мокцтнат ёнтыхта. Вели лэйлта, мыталыт юхтыт, мыталыт энтэмыт. Па латны лых энта йи мунтэлхи юхетлыт, а кит-колым пулхи.

Но тэмкатл велит энта кулха юхтыт.

Ма инэл нэвис унцыхлынгкинам англием. Тут вач цонхелытны вели тулык пуны мурит луйхет. Ма лых вувилнам номэксэм. Тавин, вели асылты мурта итыка, лых чи унцыхлынгкия олынг латны ванлтылат. Пан цонхелынат тулык пуны мурилалы юха юрлат. Мэнгны кацынг вели нюлылы авмэхтылы. Мыта неврем лулыл вели нюла энта юхитл, чу ко Василь икемны нок алымлы. Мэнг чены велинат йим улым варлув.

Лых мэнтыл латны, унцыхлынгкины тулык пуны мурит кычл. Лых чиминт пул мэнгаты кыйлыт. А мэнг вихлув:

— Чи пуны муре номе! Кутын ал юрыхлэ! Вици ягунам нурипа!..

Чит улынг вонта энта мэн, виципы ягунам номэксэх.

Лухем велит мары унцыхлынгки пурыкны люлет. Номэксэлыт, самты, тухи юрат. Па мытлыт чуминт цав лавылта ылы олынлыт. Но пырны туха каимнам мэныт. Ит лых лыхнам лылыл лахеллыт, лыхнам воллыт. Лыхат котынгкы тойты ко энтэм. Кацынг ко ар вар вармин волл.

Кацынг велинам пырэлта мэнг вихлув:

— Вурхы ал мэна! Вонта ал мэна!

Цопынгпи суингки лухем сарнюр велитнам вихув.

А тулык пуны мурит унцыхлынгкины кычлыт. Мытлыныпы энта нюхалтылат.

Ангкем ястыл, велит имат номсэнгыт. Лых кацынг вар сымлалнат тунгымтыллал. Ит мыта мэхэпи энта юхитлыт, виципы ягунам номэксэлыт. Тухнам, мувтахины пуны

мурил кыит, сымыл кыит. Туха чены чи, ма номэксэм чу латны. Ос па кулны...

Ит ма чу инэл нэвис унцыхлынгкинам пан тулык пуны муритнам номэксэлым. Номэксэлым-номэксэлым пан арпыкт ясынгны-колны юхетлоем. Мувурып мунгкелнат, мувурып цонцехнат кантэх ко анмэм кутыла, сама питым мэхила-йингкыла юрта мустыл, улынг чи мунгкел ласыкки энта их, улынг чи юрыпси энта тукен? Мувурып мунгкелнат, мувурып юрыпсинат?..

Нилыхмит ох

КЕЛНГЫТ

Номлэм, кулны олынг латны келнгытнам выйоом. Ачем колып куцыхтыта мэнта их, а ма Лиза опемнат луватынат келнгыт муцы суцмэн. Колпыт, поры юхэт пан колып кавыт тута пыхертыта. Мантемья топпы йингк умты савын катлышты. Ай вусын мэтты, куна улынг келнгыта юхтэптын. Ма мувы чу кол! Матэм, чу келнгыта юхэтты мувы инэл вар!

Ангкемья кицел имат энтэм вул. Мант ломлэксита пыхертытал сахет, инэлпи яхкеламнам нявым:

— Лэйлытны, улынг ийнгка энта корых! Улынг норымны валы энта пурым! Улынг котлал-курлал юхны-йингны энта ерсипат!

Ангкем номэс сахет, ма кулха ай вусым пан келнгытны варты вар энта тойлым. Чу лат мант асылта энта лангк.

— Улынг кайнгитны энта пихты! — лув кол мэй пан опем пырипэх. — Лиза, коллэ?! Нып чуминтхен вусытны — луват паныпы юрехлылытны!

— Коллэм, коллэм! — Лиза опем их. — Лэйллэм!

А ачем нявым:

— Кайнгитная лувы лувнам лялексыл... Мыта коны келнгытнам энта вуви. Лувнам вырахтэх.

Мэнг утыт व्यюв пан мэнув. Кусигал кыпыла выхлув пан сохъюх व्यюв. Ачем — инэл, опем — кутыплат, ма — кычимпыр ай. Пан сохъюхнат, кит певыртэп норым кухет, кур томпалыкнам пюхлув. Тавин кур йингенг вул. Сарылта, мантемнам ангелмин, ачем суц. Ма — лув пырылы. А Лиза опем — ма пыреми. Норым певыртыт аны вулыт, соцца йим вул. Но ма йипа мувы китпа валы пурмэхтым пан имси нирпалкам моралтэм.

— Сар ангкенны том мыло — ягу юхеттанха! — Лиза опем их.— Курхеланнам лэйла, ал имнам махилты окыреха!

Ма вулэм: ангкем энта левытл. Нирем нок сорелтэлтэх. Чут энта инэл вар.

Норым тэрым. Мэнг сохъюхлыв сорым аны лыхеллынгкыя люньлув. Ма йинг юх пурык нюхтэм. Кирыл маки илы пит пан самты кухен пыкемты. А ундыр сымал кулха сары вул — катылны алы вычахел. Лув имат ухер вул. Алы мыта лув тэм норым, пангынг кур пан улык лахелмин люль. Ар ют мары, лув инам нок сур, йиты-помты, но кулха номын люль. Энта лув лылынг мувы энта?! Нок сур — чу сахет энта лылынг. Но лув лёль, курыт-мэхит лахелл — чу сахет кунты лылынг. Энты лылынг кунты лув кулны сохъюхет катылмин люль?! Кулны ванна йингкетмэхет лыхел?!

Чены ма номэксэм, кунты лыхел-ики вон нюхтэм.

— Мэнси,— ачемны вувоем.— Мувылыет лёльлын?

— Мувылыет мувые нявмыл,— Лиза опем няхнат ястых.— Самты лыхел-икинат айкол нявмыл!

Маны лыхел кыи, ачем пыри нюхлым.

Мэнг ит улыка питув. Улык юхит цымыл вуйлам. Лыхлэт туйнам англыем: сувэс оллынгат тут нахрыт понцлэт. Ачемны нахерат тулоюв. Ма лыхат ная понлэм, улынг онгклам тухи лапытта. Пан няхиста рангишлым. Нахер самыт имат апынгет! Нахернам имат тарым вусым!.. И сувмытнам англыем: номлэм арсьйингк апыл. А вот колъюх энта мослэм — цыкы тухрыл кыцанг, кот-кур выр-

хи варты ким тоял. Ангкем ясынгны, чит ичи мосты юх. Лангки лув певлал лыл. Лангки лапытл кунты — лувы волл, номэксэм ма, прицык колъюх тухрыт мавылмин. А ундхет — чит мэнг «яг» юхив. Тухрыл — лук кица, певлал — лангки кица, певыртэл — лопас-кот кица, нухлал — тувыт юх кица. Кацынг тахил инам вара мосл.

Ёмъюх апыл пан па лыпыт-пом апыл имат тарым вул. Юх-пом апыл колынтэмин, ма имат нёлкилым келн-гытнам выим тахемнам. Ицык кайнгит тухи юрыхлэм.

— Лэкнам лэйла,— Лиза опем нявым, ма юх луртыт пан тунълотыта юхитта итамка.— Корехлэн вылэ!

Мант котпалыки туты ким энтэм — курынг лэк цыкы вач. Чет ирны веленглэк, но томпия йингкент пан тунь-ченг.

Мыта мары мэным пырны ундхенг еныка килув. Пан ма Вонтпалык Пыхермахи келпгыт ояхтэм. Йингны «катл кот» ул — сорненг нэвис лэк. Лув алы вычахех-курахех вотны йингк охсух нюхалтыты сахет.

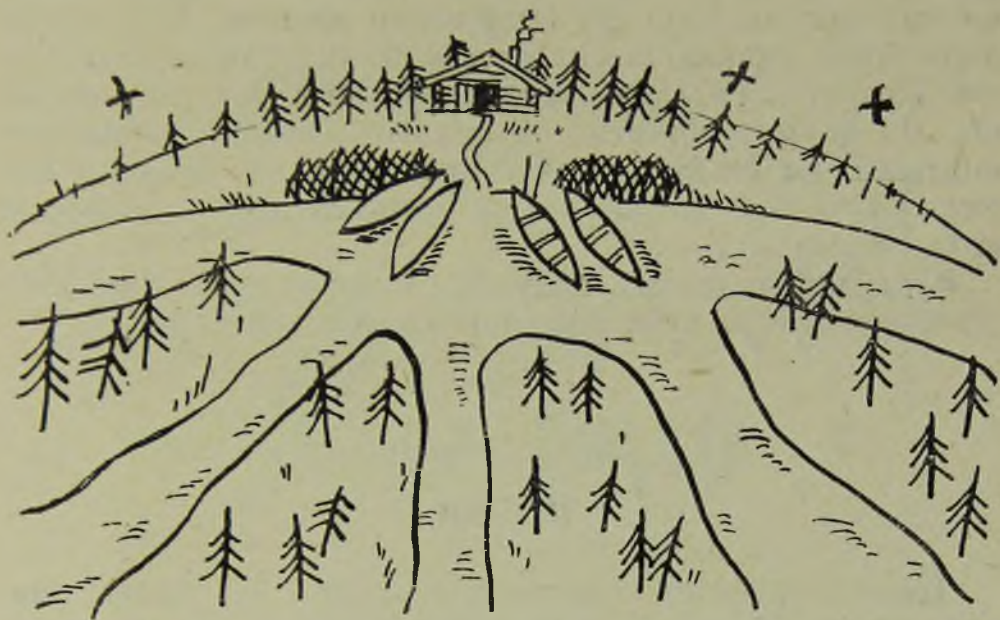
Сыран онгк пан солланг кул апыл сич. Йилып лангкитым юх пан ундых тухер апыл вул. Морэм колып пан нярх пом апыл. Явын йингк апыл.

Келнгыт кухет ылы комлахтэм айрытыт. Янгкилмил пырны ниньчи рытыт, ангкем ясынг сахет. Ма йичены номэксэлым. А йингкны, вотны нюхалтылат, партрытыт. Ма имат лангкем чи рыта ымылта, улынг лувы цымыл вотны турислых. Но Лиза опемны энта аслоем. Мытты, ийнг-капар корыхлэн.

Ачем юх бочкахет кучингны колпытнат лайэх. Ма вулэм, чи бочкахетны кул соллатылы. Кунты такунлыт, чу латны ачемны инэл рытнат Ахеннам тулат. Тут, мэнг Лунг Котлыв кучингны, Котынг Пахремталны, кул выты приемна вул. Волты юх кот, солла тойты ай кумылы пан ухер кух кум. Кул выймин ласык унтэп Кудрявцев-ики вул. Волты тахил алы Приемнахи намты. Ма тухнам котны-котны выйэхлоем. Куц нама вырахтэлым. Кацынг тахи самхиламнат лэйлта лангклэм.

Йингк кучингны кайнги яхимна киньча ар. Пан ачемны утнам китоймэн. Мин ит атылэминнам мэнмын. Пан кацынг явипыты, корхем йинг-лантынг юх томпалыкны алы мыта мытлы омысл-лель. Ницы мыта архны-моньны волты vormэх мытлыт. Ма цымыл нылпысны выйоом паны опема ий курымапы пырхи энта кычем. Китпа уд ким лув савнила пурмым.

— Кулнам пытаххлын? — нявым лув.— Ма савыньхелами юлын!

Ма исъях кол номлахтэм. Ангкемны мантем ясты: мыта ко кур савыня пурымлын кунты, пыр олны, йи чи латны, чу конат йи чи лэк кухет соцлын. Чут мувы атэм, ма нявмым.

— Йим вар,— Лиза опема ястых.— Топ нунг ма нир савыньхилам инам илы пурынтэлын.

Цопынгка, пырны чи курынг лэк кухет мин лувнат энта йипа соцылмэн. Чи лэк кухет, соип мурта ихема,

мэнг утлыв келнгыта итлув пан инэл паррытнат Лунг Котытнам кислув. Ахен пухлывны ичи ар ма вуилтыхам вар вул. Явын кухет кирепыт баржа талмин янгкиллыт. Айрытнат-паррытнат мэнты ях мэнг кутыва шай еньча лажетлылыт. Па латны Вирты Рыт юхтэхлыл. Па нялым цавынат, арпыкт па йингк-мөх иллы кино лэйлтыл. Лэк чи йингкит-мэхитнам вицышы келнгыты рангышыл.

Кацынг мэнты вар келнгыты улынгтылы.

Ницы чу вар пытан мэнг келнгытыв ма мусмэхты. Лув лувнам нам туй — Сувэс Котыт Келнгыт. Мурта ихима ма тылсахет па йингкит — мэхитнам нюхлэм. Тыт, мэнты пыты йима мувы атэма курымтэмин, йим улым яхнат варлы. Тыт, юхитты латны, нёлким рахем яхнат нюл оихтылы. Па явныты-чорсэты, па кух-ван лэкиты-охтыты янгкилтыны, па йингкетны — мэхитны корхилтэны, тэм пытылых-сунглых Мэхив яцына келнгыт пула номыс-кол арпа юхтэхлыл...

Йим, кунты кантэх ко лувнам келнгыт тоял. Йим, кунты юмны-вотны, атэм торымны катылты тахи волл...

Иръенгмит ох

КИВРИ

Йингкат куснгал кыпылнам янгкилув. Тут цамыц киврит вулыт. Нумпалкилны чуминт цамыци варым нюки кот курасип туинг котыт туит. Чит «киври котыт». Улынг киврия тухер паны па лыпыт — пом, таныр — мыталы энта пит.

А киврехи мэнг нерым киври, цамцынг тахины кынэм, паны тулых лорны — явынны йингк выты тахи туюв.

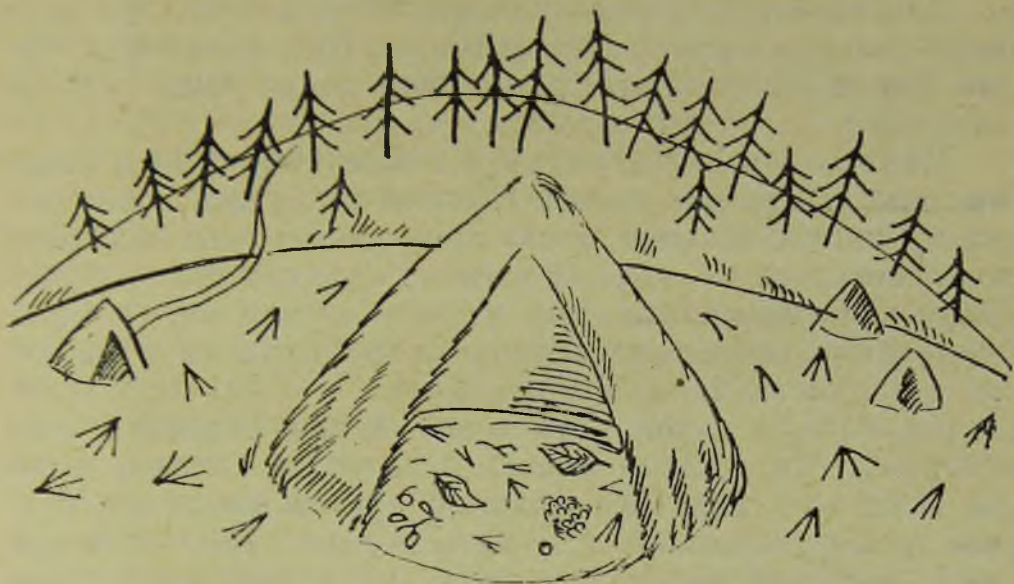
Ма ангкемнат йингкат янгкилым. Йингк ай нурынг савыннат илтэм. Ангкемны нурынг савынат вароем. Ма вармал тахинам лэйлым. Тунтых пул нилы сунгпыты ная пумылтэх пан чи сунгпытат мыняхтэх. Тунтых пул савын-

хи их. Нум ирыл ларнат ёмьюх ларат юнтэх. Ачем ун-
цых яврех нух или нюхер пан кат олынгкел высат вар-
хел. Чи выхены ларнат савына сувми. Нур тэрым. Ну-
рынг савын тэрым.

— Ангке пыхерта,— ястых ачем.— Йингк илта!

Паны ма кивринам кухлэм. Ангкемнат онтыкапи Лиза
опемнат. Атылэмнам кивринам кулха энта аслыхлоем.

Киври котны чуминт тунтых, юх вайэп, кевыл вул.

Йингк нурынг савыннам амырты кица. Нурынг савын-
нат амырта энта мустыл. Киври кучингны ёнтыхта-лэ-
лыхта ичи энта аслоюв. Йи вар топ мустэх — кевылнат
киври йингк еньча.

А киври йингк имат аплынг.

Сувэс Котыт кур ылта юты нюх йингкетны юхитлы.

Иттэн, ачем матмин юхетл кунты, чуминт нявмыл:

— Ехлы йилэп йингк улынг волл.

Пан мин Лиза опемнат кивринам пытхахлэмын. Ачем
еньчи йингк кинца. Па латны, иырхинам ютымэн сахет,

варты карыны омысты Василь икемны онтыкапы Ефрем ики пукел-икемны ванхи вахлоймэн.

— Я, потым йингкат мэйитны! — чуминт ястэлхен. — Тур инам нок сур.

Йингк еньчал пырны, пукел — икем нэви ухел нюхтыл пан ястыл:

— Пашипа, пукэлы, пашипа вола! — паны кацынг латны нявмыл. — Улынг ма итахем пырсамта латны куч-нгенны ехлы йингки кевыл мыты ко вул!..

Лув чу латны сот ол кима их. Ма номэксэм, лув вици тэм котынг яхим иты, Вёрым Палык Пыхермахи иты, Сувэс Котыт Куснгал иты волл. Вици волл. Мыта сунгнам энта мэнл.

Минны ачем йингкат тухи. Ма номэксэм, чи йингк матпыс выл пан кантэх ко йим номысат-колат тул. Вылэ киври кучингны левытта паны атэм кол-мыталы лунгытта имат энта мустыл. Атэм кол киврия корхел кунты, йингк еньчи коны нок еньли. Пан чу коха атэмхи ил. Ос нынг мувы мыта атэмат рахем куин — выс мыта ко волыматпы — парлытны?!

Ма маннам кулэм — йи кевыл киври йингнат вувны юхетлоем. Чит лылынг йингк вул. Апылпы колнат ястыты тахи энта тоял. Ма сахетпам тут лулым лёньч, пондем пан, канк лыпыт, ины атым помылы туй, нёрым дамыц, онгнгынг лыхел пан унцых тухер, макихе ол исы лыптыт апыл вул. Пан арпыкт юх-пом арсьйингк. Тыт сувмыт, ёмьюх, пычарьюх, анцыхьюх пан цупцехьюх вул...

Чит ар мэхит йим йингк вул.

Чит мэнг нёрым-вонт мэхив йингк вул.

Ницы ма чулат кивринам янгкилта имат сымынг вулэм. Кивринам, мувтахины юхвайэп тунтых кевыл мант лахелл...

Топ пырны, кунты ар мэх махлым, ар пухел-воц вуйэм, ар явын-лор йингк иньчем, ар киври-мытлы йинг ицалым, ма тунгымтэм: чиминт йингк, мув курасип Сувас

Котыт Куснгал ылпалык кур киврины вул, йимыта мэхныпы энтэм. Пыр олытныпы йипыхр чехи авлым — энтэм пан волты кимварпы энты тоял...

Енгмит ох

СУВЭС ХОТЫТ РАП

Мэнг Сувэс Хотыт Пухлыв катл яцыха волты палык яхим ирны, ухер куснгал охтыны вул. Куснгал, алы явыл юнтэх, нурыкки ыл оллынгнам пан нум оллынгнам мэн. Рап пштым унцэх тухр пан канк юх туй.

Рап катл яцынам лэйлэх.

Чулат тавин тыт олынг лунгемэт атлыт. Тут мэнг маки ол иси лылув. Сорым, но аплэнг канк. А пырны, лёньчъ тэрымты латны, мэнг курнам пан воньча нурипув. Ворэк кух кур вул, ичи Рап куснгал курасип. Кур почны чуминт мурынгк атэхлэх. Чут мэнг йимат лангклыв ут. Лув алы мыта торэм катл — ичи чуминт сивкенг-курасэнг. Топ мурынгк йингктуй тылысны пондал. Мэнг Лунг Котлыва, Ахен сымынга касэлтыв пырны.

А лангтынг яхим пайлэк пан нэви вул. Пан суйэл йимат йим вул. Виккетылы кунты, суй мары пан мустым сахет яхим унецхетны варынтылы. Алы мыта енг понап ханты ях торэх юх ёнхэмэл. Олынг латны, номламны, ма мары чп арех лимоньчъ колынтэм.

Рап катл яцынам лэйлэх.

Пан пухел хотыт ичи катл яцынам лэйлэт.

Йингкат мэнг куснгал кыпылнам янгкилув. Тут киврит вулыт. Рап кышылы, ма лэйлтамны, куснгал ухер-ухер вул. А Рап охтыны лёльчены, кыпылны волты унцех мокет туит нумпии чуминт кур томпинахи Пыхер Махи кучинг улык вулы.

Ангкимэн йингки путнат Рап охты муцы мэнл. А мин Лиза опемнат китпа-колымпа ниньчлэмэн. Нурынг сав-

ныт сар пайлэкки варэм лота омытлат. Куснгал Рап мэнгны вици йимат йим колнат арехлылы. Контынг яхим ир — Сувэс Хотыт Рап. Кацынг илта юты хоны, утнам килтал сахет, охат мыпяхтылы...

Ар ол мэным пырны маны ос Сувэс Хотыт Рап ойэхты. Лесорубэтны яхим илы лурты. Мыта кимны нефть кинцы ях буровой умтыт. Олынг лунгны, ях Лунг Хотыта каслэм пырны, чутытны лопасыт-хотыт косат. Чи вар тыт волым мыхехи ях номыса энта юхит. Пан лыхны Сувэс Хотыт Рап кьи. Йипыхр кьи Хотыт-мытлыт рукнэт. Алы пыкемтэм-цаптэм певырт олнget котны-котны вулыт. Колым мувы нилы лопас кулха кур охтыны люлет. Косем охпитнат.

Тыт волэм яхи ичи опта кит-колэм арет хотэнглат ях кычет. Ма пуклыкем, пырси ихелым Ефрем-ики энтэм. Ханты конам таремхи волэм Василь икем энтэмхи их. Па мэнг сирив икилам-имилам, опилам-еилам кухен мэныт. Пыра кычем олыт мары ар ко тэм Сувэс Хотыт Рап кый. Ар ко мэн, йипыхр мэн...

Чиминт волты вар. Чит тунгымтыты кимвар тоял. Па ко муртыла их, па ко энта. Лылынгки волты катыллал энта тэрмыт. Волты вар ар урнам кариед...

Ях мэныт — пан Сувэс Хотыт Рап, маны ит ойихты-мал латны, цаль курас айхи, цаль курас няхилхи их. Чу ма номсамны вици ухерхи, нэвехи пан сунгилых волэм Куснгал-Рап...

Ма илнам пытхемтэм. Ма илнам суцем, пан номыс чу айны анэммам Сувэс Хотыт Рапнам мэн. Чу маки волэм курасилнам ма номсам мэн. Ма илнам мэным. Пан номсам ма ютам юв. Ницы чут йим — ма номсамны сунгелых пан нэви Сувэс Хотыт Куснгал волт. Ухер тахи, ухер Мэх, кулнам ма лылынгки волтам мары ванглэм...

ПЭЧА ВОЛЫТЭХ, РАХЕМ ЯХ!

Ма ар рахем ко тойлэм. Инам мэнг пухлыв ях — енгким кот, — чиг Махи сирэп ях, ма рахем яхлам. Ма икилам-имилам, ма еилам-монилам, ма опилам-нингилам. Айпи яхнат ма ентэхлэм, нюл тахлэм, а па латны нюл валтэм. Топ Архипны, Василь икем похны, ма чуминт пахэтлоем. Лувья цои цымыл инэл ма кинчахем — мувы ол паны палыка, мувы кат олхена. Но ма курымтэм, кунты четчечем вув мантем юхетл. Чулатны туха чи Архип еем мантем вувыл энта мос. Но четчечем вув мантем юхитта муват-мувы энта пытхахлэх. Но ма чу вуват лахлэксэлэм, чу вуват курымтэлэм.

Энта инам ма вылэ вуккенг четчечем наMAT поноем.

Рахем ях ма чут урыкки па явын кухет пухлытны тойлэм. Ахен кухетны. Ангкем сар коты кат невремхен тоял — ави Федосья пан пох Галактион. Ма еехелам-опехелам. Еем котны-котны мэнгаты юхтэхлыл. Лув пошта кухи волл. Пошта нум лапкахи ыл лапканам алл. Тулхин велинат, а лунгин — рытнат. Па латны ягулта янгкилыл, мэнг кутыви. Ма луват вици лахеллэм. Лувны ма ентыхты утат юхи пан тунтыхи варлоем. Явылат — лангкат варлоем. Авылны онтыкапы рытны аллоем.

Инэл еи кучингны вици йим.

А опем инампы энта юхтэхлэл. Лув кухен волл, явын ыл оллынга ко юта мэн. Но мэнты ях юта лув виципы катхел кот «Пэча волытэх!» Мэнг чу латны инам вихлув:

— Пэча вола, пэча вола, опи!

А ангкем нячилекки, алы мыта опем ванны, мэнг кутывны, нявмыл:

— Пэча вола, авем! Пэча вола, ынлылэм!

Ях пырны, мэнг суив айхи итэка, ачем пэча варл:

— Пэча, пэча вола, Федосья!

Мэнг чу латны номэксув, лув мэнгат колл паны ит ар

лунг-тулых оянгки-талангки волл. Мэнгны лув ичи кацым мэнты ко юта «Пэча колат» катэхлы. Лув улынг йимхи вул.

Инэлхи ихмама ма кунтыхлэм — ма па нялым цавап яхкенглат кутны ичи рахем ях тойлэм. Кацынг мэх Махи сирып яхчит ма еилам-монилам, ма опилам-нингилам, ма икилам-имилам. Чут кояхипы энта вул. Мувы манси ях, мувы эстон ях, мувы венгр или па ар мэх ях. Чи вар иллы ангкем мантем ястыхел. Ачем ястыхел. Василь икем ястыхел. Ефрем ики пукел — икем ястыхел.

Котты нынг вустэх, Махи сирып ях?! Суй веритэх!

А ма, чи арет рахем конат нок юрэммин, самты, мэ-хив ар сунгнам ясныт — колыт катхем:

— Пэча вольтэх, рахем ях! Оянгки-талангки вольтэх, мосты ях!

Паны чи катлыты-олыты ма унтама пит пан итпы номыс волл: тэм Мэхив яхкенглат — чит ма рахем яхлам.

Енгурыккикимытмит ох

КИЧИПМИР НОПТЭХ

Чу олны мэнг ангки-ангкив кучингны, Сардаков ях Рапны лунгэлтув. Певырт кот пухел карины, охпи кимпинны, лоньчь самны лул. Пан сорхем сахет инэл лунгем лот ат. Саянги чу тахины катыл яцыны чуким нок пумлылы, ма ангкем лылхи нярех курат тухнам нурехтэхлэм. Тулэх мари, кимэн, ма пумянг мэхат йимат якемтоем.

Катл кот йимат пумэнг вул. Ицык кот певыртэтны онгкят. Яхим унэцхет алы сорният вычилэт, вот илэнгны нюхалтытылны. Рап кипэлны Ахен-явын. Тут ины явнгк попытта вари. Катл кот на явнгк пула па нэвремэл.

Атэр вахны йи пылэнг пулпы энтэм.

Тави мустэм палкилнам кирехлэх.

Ундех тухер пан онгк апэл.

Пумлэм юхет-помэт апэл.

Олынг атта йихем лыптэт-мытлэт апэл.

Мин, Лиза опемнат, кемнам йимат лангмэн. Пан нём-рех катл мари кот кучинг лунгтэм лотны ёнтэхмэн.

Пухел қари лунгтэм лот мэнг ноптэхива ичи йим вул. Намыл Вач Велы. Қайми юхеттал латны, чуминт олынг латны охпия кирэмтэл. Мин опемнат паныши тухи кирэмтэлмэн котынгты лапытта. Лув лангқлал сорт палэк сомыт-мытлыт чуминт сар нок аръяллат. Мин вуллэмин, велы цопасынг лухат лапытлы. Ангқив вици ястыл, улынг сорт павыгк лухат энта лыпты. Сорт павыгк лух лыта ицык Харко нампы импив энта пыкел.

Па латны маны Вач Велы нянь пулат аллы. Ысех ях лылхи. Чу олытны нянинг вар вач вул. Лув мантэмнам йимат туркпех. Мыта кул-нянь апэл колт, самты. Лув нянят йимат лангқал. Қарпулат мылы кунты, сорха ох нюхалтымин лавэллэтэх. Нок нёлэктал курасип, ма сахетпам.

Маны нэви сиплыл паны нэви пунгэлпалқил л нялцлы. Тавин лув вотмин-уцмин пунэл нэвехи ил. Алы мыта явынгк велы. А явынгк велынам ма тарэм вулэм. Топ сорха лув нихлэмта варлы, пунэл питта ил. Чу мавыл сувысны, йиллэп пун вартал латны, маны энта оихтылы. Пунэлмытлыл алы вычехил-курахил. Ухелны ины нырем ангетхен. Чу латны коты энта лапытлы. Маны вахта варлы: «Та-та-таа-а!» Лув алы илта кухелта тыхнам аунгремтэл. Ма тухнам йи курым куц варлэм, лув илнам кат куремхен варл. Қанчихи, корехи их. Няньнат пан сорт палэк сомнат ванхи энта вахлэ.

Чены чут сувэсны. А ит, лытал пырны, очлэх-мытлылэх пухел қари махлахтэл пан кот кунэнг лунгтэм лота олынэл. Пан самхел куньмин цави лавелл.

Чены қацынг катл.

Сарнам йи пумынгки-пумынгки ита их.

Йилатны Вач Велы кат катэлхен-уц кима кулатты мэн. Қайми энта юхтэхлэл. Инэл ях вапцет сахет ма курня-

хлэм: мув вар мувы лых ноптэх иллы вулэт, алы пок энта ястэлэт. Лув мыта атэма энта юхет. Лув кулмет катл алэнгны ат. Энта атылнам — а вэрты пунэн мокелынат. Ухер котыш-куреп мокелы. Лунгк туйлат топ мэха каплэт, алы мыта лыхелмин янгкилэт — чуким копек.

Мэнг чет алы нялкув.

— Кеш, мокелы! — мулэкинтэм ма.

— Лэйла, лэйла! — оземны ниремтоем.— Чет айлы!
Чет котлал-курлал ухертт!

— Ит мэнг кат велехенхи ихув — нёмрех авэлтал! — нявэм ангкем.— Топ улынг мустымин анэм!

— Ах-ах! — инам коллэх их явэнгк охеп ангкангкем.— Ах, мув курасив вели!

— Куты ихим велы,— айлыхмалт их ачем.— Куртуяя пит. Сарахи лёльл.

Ицык йипа тухи карахлэм ангкем ихлэйг нячилекки нявым:

— А-а, вели!..

Пан мэнгны инам тунгымты: цопынгка йим вели мок сама пит. Куц кулнам!

Вели мокелы па сунгнам па кирехлыл, пылмин ангкил пунгел палыка кыремтыл. Мыта ко кот-кур паста пюхтэл кунты, паныпи илнам вувишэл. Но Вач Велы сорта ил, мукел вахел. Ачемны ломии пан мок курпалкелы китлы. Пан мэнгны колнат нок авмилы:

— Инэлхи анма!

— Вуккенгки анма!

— Пасты велехи анма!

Минны Лиза опемнат охпыталы нок нялци. Ачемны илы аслылув паныпи илнам вувишэл паны тот илы ра-вишэл. Самты ханты хо катлэхтэм тахи луваты энта му-стыл. Пырны лув пылпасыл мэн пан ангкилнат мэнг пу-хелкариб махлахтыта рангипхен. Ма сахетпам, котыт-мытлыт лэйлтынны, лын велы нялым цавынат айлыхмал-ты нюлнам нявемлыхен. Котнам памилмин, Вач Велы ястэх:

«Чит кот. Нянь апэл, кул апэл сечл. Пум юл. Мусты-мин, авем, чи аплыт номила».

«Кояхи чи котны волт?» — пырипи авилны.

Лувны вылэ кот ины вулы. Пан лув кацынг ут инам вута лангкал.

«Котны ханты ях воллэт,— ястыл ангкил Вач Велы.— Мин яхлымэн. Ай мэхи ко пан ай мэхи ави. Иныл мэхи ко пан инэл мэхи нэ».

«А нэви охеп кояхихен?»

«Чит ысех яхкен. Самты, инэл урлэмин ангкехин-их-кен».

«А юхцопылы охтыны мув урып кот омысл?»

«Чит энта кот — чувал энта тоял. Чит кум».

«А кумны мувылы?»

«Тут арныкт савныт, куцмыт, курит, вуньчепыт».

«Чут мувылы кица?»

«Кул кица, канык воньчи кица. Кул сом пан канык апэл сечл».

«А тыт муват кот пунгыл-мытлы энтэм? Топ йи кот охты...»

«Чит сувап. Чены мустыл варта. Ылпалкилны авлыт. Чиминт авэлиат тулхин яхлэмэн аллымэн. Цопынгпи ай уртымэн янгкилта йимат тарым. Лув кацынг катл мант арпыкт лухат-сомат мэл. Тулхин ма луват алтам мавыл».

«А ухер котны кояхи волт?»

«А-а, лопас иллы пырилып. Вулэ, лув нилы цомлэнг ангкил туйиы омысл. Чит сахелты ко тухнам энта юхитта. Тут пунгынг сакет-пакет, нымлэт — войэх кинцы кица, — нюрет-пивлыт пан лэты отыт. Чуминт тут кырехпы рак волт, а куцмытны — сел. Итъя, ма сахетпам, тут рак энтэм — ай уртымэнны ма нянят энта аллоем».

«Сел чут мувылы?»

«Сел чут лымытны лыптэм килсит пан ахерны похет. Йимат эплэнгет. Вот инэлхи илэн — чуминт кулат ичи лапытло».

«Ос тэми мув войэх?» — пырипэх ави, амц кота юхитта ихмина.

«Мин яхлымэн амц. Намыл Харко. Нунг ванхи ал мэна. Мыта кот палыки пар лукло».

«Мув вар пытан? Ма вылэ луваты мыта атэм вар энта варм!»

«Инам имнам. Ампэт йимат рахпенгыт. Ях самты панам вар энта варлыт, лухмэт. А ханты ко илнам кирехлыл — паныши луклыт».

«Ос нунг пурило?»

«А-а. Айхи волмамны, номлэм, йипа амц илы ынгет паны мары мэнгат, велит, каимны нёхелтылэх. Йилатны ягунам вувиупув. Тыт уртывны амц китлы пан мустымин нок памилы. Пырны ма амц ронитэм курхелам мары кица вулхен. Мыта амны ныпытло кунты, урт котнам сахелта мустыл, — нявым Ноптэх. — Уртны вици нок выл!»

Лын путкары кучинга суцхен. Тыт кулы пут пан инэл хантэх вах шайпут кивертхен. Ангкиангкем лыты ут варл. Катл яцы лыты мурта итахи их.

«Ос чит мув урын вэрты войэх?» — пыринех мокелы пан найкарынам памтэх.

«Чит энта войэх, чит — тувэт!»

«Ичи пуртаптэл?»

«О-ос. Йимат кыцапгки пурты кимвар тоял. Ханты коны котыпгки тойталны — нунг пырены энта юл. Алы курны охтыныя вици вола. Тувэт пара ал пурма — лунгкла ная лапытлэн».

«Мэнг мув арет атэм варнак тойлув! А лохспи мувы инам энтэм?»

«Лохс ях воллэт. Мин ай уртымэп, ай урт авимэн панлын ихлэн-ангкилэн. Чит лохс ях, тунгымтылэ?»

«Тунгымтэм».

Чены сахет айлыхмал нявыммин вели нялм цавынат, лын пухел кары махлахтэккэн. Чут пырны кот кучинг лунгем лота кирехлэккен, мыта мары пурмэксэмин пырны кеврым сангки охтыя олынтэккин. Пунгеллэн нюла канмин. Ми опемнат ванхи энта мэнмин, нок энта каньхемтыта. Илта тухнам лэйлмэн. Ханты ко ванэлта мынты латны, вэрты пунэп мок паныши алы нок рыкенл.

Мин опемнат номексыта рангипмэн, мув наMAT мэнг ноптэхив мок понлы. Йимыта нампи луваты энта мустыл. Лув кулха мыта вар варта энта тэрым. Йимнам мув наMAT понлы, мув наMAT номлахтылы. Луваты вылэ кура-сипел савкенг-виченг нам мосл. Улынг луваты мустэх, луваты «лисекинтэх».

— Намат понэтны? — ангкимэн пырепэх.

— Кулха энта, — ястэмэн опемнат. — Намыт луваты энта мустылэт.

— Номекситны, номекситны.

А ачем ястэх:

— Мокелы мустымин сам олынгны тоитны.

— Муват?

— Лув намыл лувнам нок памтэлтэх.

Мин самлэмэн вици вэрты мокнат. Лув кацынг катл самты анмэл, самты каркамхи ил. Месх нок ниремтэмин,

лунгем кухет сахелтылэл. Алы мыта мантэмнам няхал — мыта куемэн пасты, мыта куемэн пасты! Ма алы коллэх ихим: лув ины сама пит, а макинчахем пасты. Ма луваты энта юхетлэм. Вот чиминт мокелы!

Пумынгки их. Лунгем самты инэлхи ита их. Чу сахет и ма кухелта янгкилта ихем. Илнам мэнты лёньчъ поч муцы.

Катлэт мэплэт. Велы мокелы анмэл, а намны кулха энта юхты. А тыт нам понты тахи мэнгны юрехлы. Йи катылны, Вач Велы лапетмам пырны, ма ягу лангым. Тыт ангиангкем ката корэх пан ангкемнам виккетэх:

— Вера, нынг ноптэхин панам их!

— Куты их? Котты?!

— Кемэн! Лунгемны! Мэна!

— Аче вува! — мантэмнам ястэх ангкем пан кемнам нурехтэх.

Кот инам тахпи кирехлэх. Ях инам кур охтыя питыт. Мувылыят мувы вихлэт, нявымлэт, кояхи мувы вахлэт.

Ма ичи кем лукем. Вач Велы пухел кары яцыны махилты корехлэх. Йилатны нок торхемым котлал-курлал мыняхлэт — пан корех. Пан кот-кур савнгмин, йимси пунгел палыкны, кунхинам кирехлыта рангипех.

— Ницы лопекинты! — виккетэх ангиангкем пан мантэмнам аунгрэмтэх. — Ыттэнвыс ирны вах янгкет вулэт. Ницы сом охипнат янгкат мэи!

— Янгкат энта мьем! — ястэм ма. — Вах янгк энтэм вул сом кутны!

— Лулэм, пар, нок лэйлытны! — их ангкем.

Ачемны ухел нокдек илми, мыта мары чены катылмин туйтэх пан нячхи ылы аселтэх.

Ачем суй энта вар. Ях инам суйлэх мэныт.

Йилатны ангкем ихлэнг кол ястэх:

— Тэрым.

Пан чи латны лунгем лот айхи, топ ноптэх лапты кима их. А манг вели кучингны суйлэх люлюв. А мэнг махелтыв ис сорнат вэрты мокелы сахелтылэх. Лув лёльчи ях алыпты

ангкпла юхетты кул энта вул. Ангкил энта вуйлэх. Но тунгымтытэх — апгкил цека пит. Лув сорты суйэл кунтэхлымимэна, мин опемнат ичи исехтэмн. Но ангиангкименпы котнам ванлтоймэн пап ылы лыхелтыта вароймэн.

— Велы пселтыта энта мустыл, — нявем лув. — Самлэн илы мунгтылэн.

Мин сам йинглэмин ванца архп мунгетмин пан пытыхлэм волы олынгнам лангмэн.

Тут мин алы айхп ихмэн.

Том котынг, Сардаков ях лахетлыт. Мувылыет мувы нявмыт, ачем пан ангиангкем пхлэнг тыхпи-тахпи пыриет. Ма олынг латны топ арпыкт колыт кулэм: «ляль», «ляль кары», «лахерт утыт», «сым войэх», «ляль мурт». Мыта мары волэм пырны тунгымтэм, мэнг Вач Велы ноптэхев иллы ясынг вул. Лув сымыл мухты рукеп. Сым войэхны пихты. Чи нонтэхны мэнг ляль волэм мары тухоюв, «ляли илы тухоюв», нявмэт ысех ях. Алынампы кунты палыккета лылынгки ихув, палыккета ляльны нокпи питув.

Кичимпир ноптэх.

Ляль ноптэх.

* *

*

Махел, мыта кимны, ма ихем ката юхтэм. Айха волмам ляль пыр тав пан кичимпир Вач Велы ноптэхив номлахтэм. Ясынгки ихема, ачемны чу ноптэх ичи номлы.

— Чены чи, — ястэх лув. — Чит нынг ангкин кичимпир ноптэх вул. Нунгни, кимын, чу тав номлэ?

— А-а-а.

— Ляль и велы пуцкур тыхемтэх...

Мыта мары суйлых вул. Чут пырны мант пырита их, ляль вар-мытлы иллы, мэживтал мырэт волты тахи иллы.

Лув пан ос суйлых ымыл. Самты, лув ястытал иты, «ляль мурт» номлахтэх. Пыра кычем лахирт олыт. Мэнг кичимпир Ноптэхивны номсэл тухнам тухи.

ВЭРТЫ МОКЕЛЫ

Вэрти мокелы сормин кот махелты кохетлылэх — ангкил вув. Йилота люлемтыхел, колынтэх — ангкил суй энта варл, луват энта вахл. Но суй-кий энтэм. Махелты лэйл, сорпэл пан па сунгнам па вувипэл.

Ачемны ылы катэллы пан котнат каимнам аллы, том котынг ях велыт кучингнам. Топ илы асыллы, паныпы ягунам сахелт. Пан кырек варты кукас сорпат пухел карины кохетлэл. Сорхем сахет турэл инам сорты суят атлэх их.

Ачемны лулыл ангкил вэрат ныри паны ос каима тухи.

— Муват вэрат ныри? — ма пырипэм ачем.

— Ангкилнам сымэл энта талыхта, — ястэх ангкиангкем. — Исъях чены лайэхлэт. Исъяхпы чены лунгытлы.

Ницы цопынгка сымталэх айхи ил. Но мокелы энта лав. Суят атлэх турнат ангкил вахел. Йимыта тахияпы энта канал: и велыт кута каимны, и ханты ях кута пухел карыны.

Ангкиангкем, самыл мока койтэха, нявмэл:

— Кырек ут... Ос ягунам юл!

— Па кулнам мэнл? — ил ангкем.

— Па мэнты тахи энтэм, — ястэл ангкиангкем. — Вэрти мок ангкил колты тахи кыйты вар энта тоял. Куц мув мэха тухе — асылта пырны паныпы ангкил кулатты тухем тахила кирехлэл.

— Ох, ар цевк вул... — нявэм ангкем. — Сымыл тавгырлы, мувылыят лапытлы?

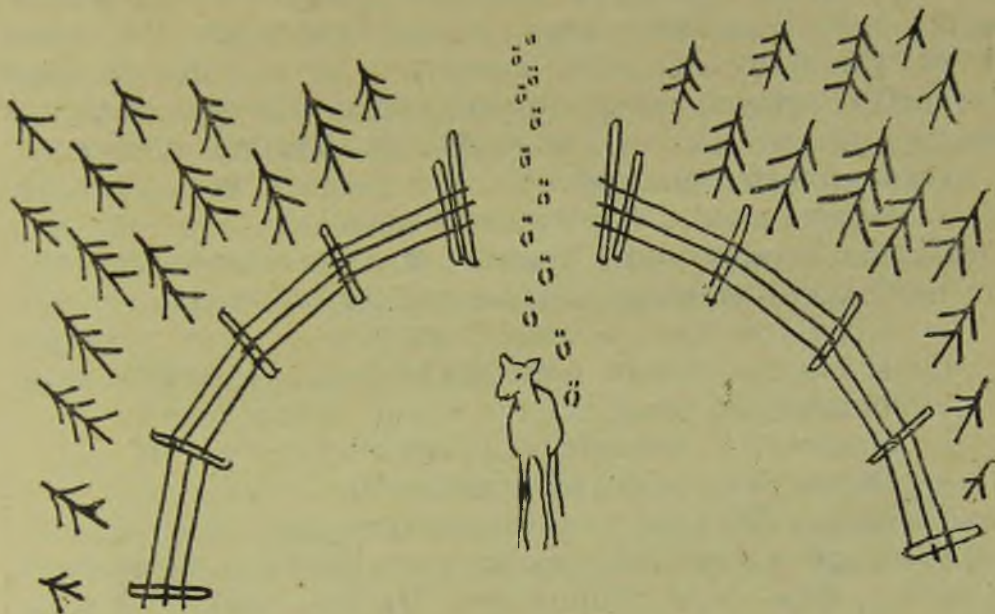
Асымъйинг-я мув тахия вылы. Салымат лапытта вари. Пут кулат култы, чу кул илы нюллы пан коцем йингкат понлы. Чиминт нэви салымат ыслэх мокелы лыпты. Мыта мары волэм пырны чи лыты ута унэл. Каими юхеттал латпы, паныпы охпия кыремтэл — лыты ут лахелл. Цомы курымпы энта лапытлы кунты, охпи лунгнат савктахи ил.

Самты, пытл: паста мытлыят мытэх, лыта ихем. Охпи келыкки волтэны, паны ухил кота атэл. Ангкиангкем чуминт нявмэл:

— Ал аслытны кота. Ал.

— Чут муват? — маны пырилы. — Ницы, лув лэйлта лапгал, кулны ханты ях воллэт.

— Велы ханты ко волты кота асылта энта мустыл, — йи колылны омысл ангкиангкем. — Луваты атэмхи питл. Атэмхи.

Энта мустыл кунты энта.

Маны охпи кацлэх тавырылы.

Сорхем сахет мокелы инам кота унээл. Ма катлэт мары лувнат ёнтэхлэм. Лувнам нявэмлэм. Инэлхи итанка ма нунгат авэла пуллэм, ма ястэм. Лув йи авэл палык талл. А кимыт палык колхоз велыны таллы. Йи велынат энта янгкиллы. Ачем ястэл, сувэсны колхозны йи велыят мылоюв. Катлыштэмин, тулэх унца. Колхоз ичи цымыл велы тоял — па мытлылал ляльнам выят. Мувылы-

мувы чу велытнат Ехлы чорс палыкнам талылы. Пырхи велыт энта юхтэт... Сувэсны, олынг лёньчъ пйттэка, мэнг тулэх кота касэллув. Ачем кул-войэх моци янгкилта ил. Ма оч охпи муцы лув авлэлны мэглэм. А иттэн луват лажеллэм — ичи тотылэнцек авэла лалты пытан. Пан паста ягу кохетлылым — велы мокелы лухат-сомат кинца.

Ма нунгат кацынг катл лапытлэм, мокнам ма нявмэм. Топ нунг паста анма. Ангкиангкем ястэл, сорха кайнгитпалмэт нок пйтлэт. Чу муцы мустымин нок энта архахлэлэн кунты, чут лахерта юхетлэн. Кайнги-палэм ихлэх-ыслэх велы мок йимат атмал тоял. Атэм утыт. Ма кидем энтэм, улынг нунгат атэма юхтэптэт. Чу вар пытан, инэл ях лылхи, нунгат юкенам нянят аллэм. Нянь вылэ салым кинца апленг. Ма чи вар вулем. Цопынгпи йилеп нянь.

Нунг мустымин анэмлын, нявмэм ма велы мокнам. Кацынг коны мосло, кыреклымин тойло.

Котны кацынг коны лувнам намылнат мокелы туи.

— Эслэхъутылы... — ихилэл ангкиангкангкем.

— Вач Велы Ави... — нявмэл ангкем.

Велы мокелы номыс виципи ангкилнам тул, мэнг пырс ноптэхивнам.

— Мокелы... — ачемны чены туи.

— Вэрты велы моқелы! — вихем ма.

— Вэрты Мокелы! — нам пон Лиза опем.

«Вэрты» — инам ях номыса юхет. Вэрты — читсивкенг, курасэнг, йим. Мок чиминт вул. Ях сам тойлэт, вулыл... Вэрты — лув пуныл вэрты. Инам олынг сама пйтты велы мокет, нихлэмтыл муцы, пунлал вэртат. Нихлэмтыл пырны па курасипхи пуныл ил. А сувэсны тэм мок, самты, пырс ноптэх иты, нэвехи ил.

Ит инэл ях йи вар иллы нявемлэт. Нюл пырилэт:

— Нок армэл?

— Кояхины вулы. Кулха йимат айлы...

— Ос куц цымыл энлэм вул кунты...

— Бохелыл кулха энта алхемтэх.

— Асем йингклэх...

— Па велыя унэлтылы кунты, нок армэл.

Ангкем велы тойэм нопыта номлахтэх. Чу нопытны, мыта мок эслых кычл кунты, па моккенг ноптэха унэлтылы. Йи ноптэх кат моккен нок анэмтэл. А мэнг велы инам энта тойлув. И тум котынг ях цымыл тойлэт — кояхи йп-кат, кояхи инам велы энтэм. Тум кот ях велыт, чут урыкки, Вэрти Мокелы войэхлымин туи. Мок лапыты велыя кохетл кунты, тумины лунгнат илнам китлы. Маны пытмин чи велы юх мавырат онтыкапы певат лякта варлы.

— Ма нунгат, сар! — тухнам виккетылэм.— Пулат мылэм!

Чены кацынг катл салымат лапытмин туи. Юхетталка, вици охии конехны. Пан йи латны кунэл инэлхи ита их. Лахертла янгкилта их. Ит ягунам энта сахелт. Алы суцепнат-кухелнат юл. Алы мыта котлал-курлал монилых ихим ысех велы. Алы пырс имип-икип. Самты, чинлэт куннат янгкилта лахерт, номэкселэм ма. Ангкем пырипэм:

— Муват кунэл инэлхи их?

— Ихлэх-ыслэх мокет кунлал вици чиминтэт.

— Муват чиминтэт?

— Лув вылэ асемъингклэх анмэл,— ястэх ангкем.— Салым лыл. Лыпыт-пом пан лант лыл. Чит лув куныла энты мустылыт. Лув кулха ай. Вот чулат куныл цолта вари.

— Ницы, памытлыят лапытта мустыл?

— Я асемъингк мувылыят пилэхтылы...— их ангкем.

— А куныл вици чименхи волл?

— Энта. Инэлхи италха, куныл йимхи ил. Па велыт курасипхи.

— Чут йим! — нялкем ма.— Кохетлыта луваты копек!

Ма панышы кемнам вувипэм пан Вэрти Мокелыя кыремтэм.

— Куна йимхи ил! — няхмэм ма.— Инэлхи итанка! Коллэ?! Ангкинат анымты мокет иты сахелта-кохелта

илын. Атэм номыс ал тоя, Мокелы! Йимхи илэн. Йимхи илэн...

Лув нюлнат мант потылькымтэл, котхелам нок апсинтэл. Маны нюлыл нялцлы. Котхеламны лув ван вэрты пунэл кыч. Чи латны ма номысны юхтоем: ма ястэты коллам лув инам тунгемтыллал.

А лув инэл самхел йимат-йимат муцыхлэхин. Тухнам лэйлтамны, иста лангклэм...

Инэл ях колыт ичи энта йимэт:

— Лилынгки ил?..

— Нок армэл?..

— Мув мары ос пыкел?

Топ ангкем ихлэнг Вэрты Мокелы иллы суй энта вар. Чи лув суйверлых тахил, ангиангкем, ангихелам-ачихелам пан тум котынг ях колыт киньча, ма помсама цыкы энта юхет. Ики мыта вар вул, чулат суй энта варл. Но ылрап оллынгки мокелы атты латны, ма кацынг вар пнам тухи юрахлылым. Паныпы тухнам нурехтылэм. Мокелы катыллэм пан нюлылы нок авмиллэм.

Чи латны, самты, топ ма йим номыс туем: эслых мокелы мыта ура энта ил — нок армэл. Туха лилынгки волл!..

Чи вар инэл ях ичи тунгымты. Ангиангкем ястэх:

— Кацынг тухерлак-помлак илы пухлэн, кацынг пунылын-мытлыл нок нялцлэн. Туха лилынгки иты кимвар тоял!..

Ангкем айлыхмал их:

— Топ нунг лыл пытыганнат волл..

Но ма лыл пытыгам луваты кукки энта пык.

Катл варэл вар. Лёнъч топ энта инам тэрым. Мэх охты йи лунгемхи кирехлэх. Явынны явнгк кухен мэн. Морты мэх тухлынг войхет юхтэт.

Олынг пай суй вар.

Олынг юм пит.

Олынг кайнгиг атыт. Мыта тахия латтыла, ма лыхат паныпы лавыслэм. Улынг Вэрты Мокелы юкана цымыл кайнги кыч. Ма луват чуминт рап оллэнг муцы каимнам

котнгал аллэм. Алынг, варехлылым кунты, ичи рац оллэн-
гны лахеллэм.

Йи алынгни Мокелы ягу энта юхит. Катл ухирхи пит. Мэнг куц лахлэксыву — энтэм. Катл яцыны ачем луват кинца мэн. Лув йимат сорха юхет — Вэрты Мокелы котхенны тухтэх. Рац оллэнгни оихтытэх. Велы кохел лэк яцыны ул. Ухил ката волты палыкнам вул.

— Ягунам кохелтал сахет чык корех, — ястых ачем. Лувны мокелы кот кученга ылы поны.

Мэнг суйлэх махелты люлюв. Лув ылын ул — айлы, вэртылы пан... энта нюхахел. Мин опемнат пан исехтэмин. Ит йимыта коныпы энта ылы лыхелтылоймэн. Йимытлыпы энта ястэх, велы иселтыта энта мустыл.

Истам сахет маны оихты, вуи, лув куты их.

Алынг ат палыкны лув панам их. Паны ягунам вуви-
пэх, яхнам, мэнгатынам. Но ката энта юхит, яха энта юхит — сар корех, нок лёльча курт. А ма луват пыхерты-
ты вув энта тоюм. Вув энтэм. Чи тахи номыс йимат атэм-
хп вар. Ма топ чи иллы номыксэм.

Пырны топ олым пытыны лув юхтэхлэх. Копык пан па-
сты, кот-кур нюхтыты латны паныпы илнам вувипэл. Лув мары ма олымламны вул...

Чены сахет мэнг велы пуцкурив тукэн.

Енгурыккинилмит ох

МА ПУКЛЫКЕМ МОНЬЧЕТ

Иттэн чуминт Василь икем ката ыкемты вар туов. Тут ма Ефрем-ики пуклыкем вул. Лув кичнгыла ымылты пыр-
ны, лохес яхлам мантемнам мулыхлыт:

— Я моньчат вахинта! Чит вылэ нунг пуклыке!..

Ма икинам ванхи кыльчем паны имат суингки — лув пылынг вар цыки энта туй — вихем:

— Пуклыки, я мэнгат моньчат муньча!

— Моньч? — пырхи пырипыл лув.— Я ма пырс ухим моньчетны маки кьи.

Ма чуминт лув ухилнам англыем пан йи сарнам вахентэм:

— Ницы йи ван моньч цупылы кыч, а? Ницы йис ясынг волл, моньч инам энтэм кунты...

— Йис ясынг? — кол кукке талмин пырипыл лув.

Мэнг чуминт ицык йис ясынга нёлклув. Куц нама кух моньчат вици лангклув.

— А-а-а,— нявмыл лув.— Вот кансахем йикулнампы мэн. Вици чумант котхелам куты йикулнам мэнлл...

Маны сорхем сахет кансахелат пан цакем кырхелат оихтылы паны тухи катлэптылы.

— Пашипа, пашипа вола, пукелы! — ястыл лув.— Улынг ма оллам винсипа юхетлана, кучигенны виципы мытлы вул, кояхииы кансахат пан наят мьё!

Мантем кимын сот ол кима волта мустыл, номэксэм ма.

Лув нячилэкки кансахел куцмэлтэл, нячилэкки цакемат понтал пырны, китпа-колымпа канса чипремтэм пан кух номыснат нявым:

— Ма ухим пырсамлы... Моньчетны кыйлы...

Ухил цопынгка нэвехи их, алы лёньч. Инэл их ясныт сахет, чит энта пырсаммин чены их. Маки лув ар ол мары кулнам мувы алтылы. Чирты кохи волмал пытан алтылы. Пан пырхи нэви охнат юхит. Ар нюлымнат-морцингнат юхит. Сам-пыл вырлэх юхит. Но юхитмал пырны, кыцл питты латны, куип нок выл пан чирта ымыл.

— Ницы мыта мультки кыч? — маны пырилы.

— Я-я, йи мульткия тыт китлым,— нявым Ики паны, канса чипрымтымал пырны, ястых.— Мульт-мульткем-оо, яхим яцы кух лых. Чит мувылы?

— Курынг лэк, курынг лэк! — вихлув мэнг.

— Чены чи! — нявмыл Ики нэви ох нок нюхтымин пан кимыт мультки нок мультмульткемтыл.— Мульт-мульткем-оо, кат нингисахет-описахен лантынг-коцынг юнгкел нумпии

нюлнам ангеллынгхен-агнеллынген — нюл вицыны энта вулхен. Чит мувылэхен?

Чи мульки топ ангкылив-ачилывны пыхертымин сятыв: как ннгисахен-описахен — самхен, а лантынг-коцынг юнгкел — нюл.

А Пуклыкем, самхил куньмин, суйлых-кийлых омысл, кансахел топ чипрымтэхел. Пырны, номэксытал тахии тыхип корыхтал латны, нявмыл:

— Я тыт ухпмыны йи ай моньчелы китлым...

Паны котнам моньч лавнг.

Мэнг моньчи конам ванхи кылюв пан, кацынг вар инам юрихлымин, моньч колынтэмин алы тухи айхи илув. Иттэн Ики кучинга и инэл ях, ачилув-ангкилув, икилув-пмилув ыкемты вар тойлыт. Лых ичи моньны вылат. Лых мэнг, ай невремыт итахи, моньч колынтэлыт. Нёмрех кот колынтэх. Колынтэх айхи ихмин, йи колны энта рыхемтэмин.

Чиминт вуву ма пуклыкем моньч туй.

Чит лув алы ястых — «ай моньчелы». Унылмал сахет. А варны, моньча италка, муньчел пыты энта тоял. Лув волпысыл курасип — имат кух. Па мытлыт чуминт моньч пытал муцы энта колынтыллат, сар вуимтылат.

Лув ван моньч нюхалтыты вар энта туй. Самты вултых, ван моньчет мэнг мэнгнам ангкыливи-ачиливи, икиливи-пмплыви колымтыллыв. Лув моньчет моньл, мыталыт котны-котны яхны онта колылат. Ма лув моньлалы олынг латны кунтыхлэм, мув курасип мэнг Мэхив. Кулны тыт яхкенглат, тухлынг-курынг войхет, юхет-помыт, явныт-лорыт атыт. Мытты Нум Торым волл — лунгкет кица. Кутып Торым-кантэх ях кица. Паны Ыл тахи, кулнам кацынг ут тэм мэхны ноцтыл тэрымтэка мэнл. Маки йис томпалык йисны лунгкет кутылны лялексехлыт. Пан чу лялеты тэм мэхивны арпыкт рапыт-вонтыт, явныт-лорыт намыт кычет. А торым вахны — коси мурит намыт-уцыт. А пырны и яхкенглат энта йипа номыслых-коллых лялэ лэк кухет понымтэхел...

Мувылы курасип кантэх ях воллы Кутып мэх, Кутып Торым? Чит кави яцыны омысты мэх пул, йис ясынг сахет. Чит талых тахины волты мэх пул.

Чут мувылы Катл? Чит иллы «Катл моньч» моньлл.

Чут мувылы торым вах Тылс? Чит иллы «Тылс моньч» моньлл.

Мувылы мэнг махилтыв волл — инам оллынг тоял, инам ястылы-тунгымтыты тахи тоял. Ма пуклыкем яснгыт-колыт колынтэм пан чуминт номысны юхтоем: кацынг вар тэм волтывны ма пуклыкеми ат. Лув нынгктэхел кацынг вар нюхлых — лув чуким номсынг-колынг. Моньчалны лув тэм Кутып Тормив, тэм Мэхив пан торым вахив яцахи ихилых. Лув Нум Торымнам янгкилых, а суил мэнгны тыт ылын кулы. Лув ар мэхип лунгкет-калтынат, ар нялым цавынат нявым. Луа вингмал мурт пан вингмал тахи энтэм вул.

Лув инэл моньч ко вул.

Лув тарым моньч ко вул.

Чит мы пырны тунгымтэм. Лув интэмхи ихмал пырны. Лув Кутып Торым мэнмал пырны. Мэнгат кыймал пырны, мувлатны мэнгат ос моньчат моньчи ур энта туй. Ма чулатны кутмит классны унэлтэхлэм. Ма энта аслоем ягунам. Паны ма луват тухем атэм лэки энта янгкилым. Ма топ талых комнатхи кер утпалык локи номлым: куй ко исъйингк иймыта коньпы вута энты мустыл.

Чи тахия том пырны юхитлы.

Сувэсны лув Лулнэ Рапны потылтэх. Ахен рапны, мув тахины имат нэви сангки вул. Лув тут вотыл пан лук сахет туй. Олынг лёньч лув тутлыхел.

Ма лув моньчлал нок унэлтэм. Лув илэн волмалны, мэнг кутыва невремыт ыкетлыт. Паны ма Пуклыкем моньчет моньча рангиплым. Инэл яхны моньч кохи тойлоем...

Пырны, школаны глобус оихтымам латны, тунгымтэм — ма Пуклыкем цопынг кол ястых. Куц нама глобус пан мэхив куры нэпек — карта — лув ноптылы энта вуилых. Мэх — чит талых тахины волты мэх пул. Пан олынг

нокнам мэнэм космонавт ичи Пуклыкем номыс их: Па Кохеннахи Мэхитны ичи номсын-колын-гыт мытлыт воллыт. Топ Пуклыкемны лых лунгке туят. Ыл тахи иллы лув ичи цопын-гыт кол ястых — мэнг, тэм мэхны волты утыт, мыта нопытны инам тухнам мэнлув.

Пуклыкем цопын-гыт вар вуй: волты вар тэм мэхны вици волл, топ мэнг йи волты тахни па тахинам мэнлув. Но мэнг лэкив кычл. И мэнг моньчлыв кычлыт. Пан чу сахет кун-ты, ичи Мэхив волты вар иты, и ма Пуклыкем моньчет кычлыт, лув лылын-гыт волмал тахи кычл...

Енгурыккикутмит ох

ТЫЛС ИКИ

Тылс ванц нячилэки яхим унцхет томпи и нокнам атта их. Пан тави лёньчет, иттэн пылн-гыт, котыт, кантэх ях — инам нокнам юты Тылс кура-схи верта ихит. Самты олын-гыт латны чи инэл Тылс ванц оихтымам латны, ан-гкем пыри-пем:

— Чит кояхи?

Номлэм, ан-гкем ястых:

— Чит Тылс ики.

Паны ма самты тухнам пан-гнат памтэм. Номлэм, ан-гкем мантем ястых:

— Икинам пан-гнат памилта энта му-стыл.

— Муват? — туха маны пырипи.

— Чи панг илы пыкемтылы. Йисъях чены ястылыт... — их лув пан ос Тылснам кырыхлымал пырны нявым. — Лойнат-пан-гнат памилта луваты энта му-стыл... Пан чит-я ксяхия му-стыл?!

Сары варыц, самты, Ики, ма номлэмтэм. Лувнат курни охтыны волта му-стыл. Ма кыцым энтэм вул, улын-гыт пингым илы пыкемты. Пан ан-гкем пырипым, ит пингым куты ил. Лув ястых, олын-гыт латны Ики алы лэйлтоем, алы

асыллоем. Ма былэ луватынам энта вутам пытан лой пamtэм, а энта луват панам варта лангкем. Пырны ос чены энта лайэхлэм пан Икинам имат йим номыснат воллэм.

Кимын, Ики кантэх ко курасип. Лув мант тунгымтэл, номэкчэм ма. Лув инам кантэх ко курасип. Пан номысны юхтоем: кацынг мөхив па торым вахив варыт — йиолнгыпыт, нюла вингкем вар тойлыт. Былэ чи Ики йимыта латны мэнг мэхивны вул. Ницы лув ма имат рахем куем...

Ефрем-ики пуклыкем Тылс тывым моньч муньч.

ТЫЛС КАНТЭХ КО

Иимытлатны ко вул. Мурта ихима нэ вый. Вул-вул иминлат, а йилатны янгкилты сымнюрны питы. Мэх-тахи лэйлты кицыл пит. Мувылы тум нёрым, тум рап, тум вонт томнины волл. Алы тухи муцыхлых. Имины чи вар оихты паны аслы: мэнты кицын волл кунты мэна. Пан лув валых лава лал пан мэн. Мув кухепты мэн, мув ванэпты мэн, йилатны воца юхит. Йимыта кот кучинга лавыл юртэх, ката лавнг. Котны йи айм-китым ими вул. Чу иминат волта рангиных. Мув мары вул, мув ван вул, йимыта латны ос мэнты кицыл пит. Лава ымыл пан мэн. Мэн, кулнам самхил кыллэхен. Мэн-мэн, йилатны ос йи воца юхит. Ичи ката лавнг. Ичи йи ими тут вул. Чу иминат волта рангиных. Муву кух, мув ван вул, йилатны ос лава ымыл пан сар нам мэн. Янгкилых-янгкилых, йилатны лувнам кутыла номлахтэх. Пан лавыл ягу волты сунгылнам кирехтытых. Кимын, чу мары янгкилых, кичымпыр иминат волым вуцыл мэхнат йикима их. Яхкенглаткотынглат энтэм. Топ чу имил волым кот лот яцыны нокнам комлахтым мэх цыпылы. Лув лави ылы выхел, чи цыпылы кур нюлнат лувны кынта вари. Пан йилатны чу цыпи лувнат волым ими нок чи лук. Пан вихнат: «Ицык икылэм, мантем юва!» луватынам ныпыт. Лув

лава нэврымых пан ягу сунгпам сахелтытых. Чака чу пмины паны чи нюхлы. Вихнат-чилнат. Кимыт волмал воца юхитмала, лэлыл, чу воц ичи мэхнат ийкима их. Чу пминат кот лоты кимыт ими нок лук. Пан вихнат: «Ицык пкылэм, мантем юва!» — лув пырылы нурыхтэх. Ит кат имехинны вихнат «Мантем юва! Мантем юва!» нюхлы. Лавыл куц сахелмин киттых, а имехин алц луваты юрымтэхин — энта кычлехин. Яг кутылапы мытаким кухет тахи кыч. Пан лув ягуннахи олынг пмила номлэмтэх: «Ицык имылы, ман нок выя!» Имилны чи колыл кунтэхлы. Имил кем лук. Пан ворхет лыхпия питым ики лувны имси котпалыки пан имси курпалыки китлы. А чи латны чехи юмекинтэм имехинны лав томпии пыхи кот паны пыхи курпалыки китлы. Пан чи арсунгнам талта вари. Нюхелмал имехинны — йи сунгнам, лувнам имилны — па сунгнам. Йимыта палык яхныпы асылты кицил энтэм вул. Тылыл-тылыл пан йилатны чу ко палыккы косил. Нюхелмал имехи палкиннат нях-вих суйнат ылнам вувицхен. Пан йипыхр чел сангконтэккин.

А Ко имины луваты иитым палык ката выйтэх, йипулухи пынгиптэх пан ай неремхи вартэх, онтыпа куцых пан лалмин-пухмин анымтыта вартэх. Неврем анмыл, инэлхи ил, но цавклым кохи топ колым катл волл. Колым катл пырны ос пырхинам анымта ил пан ос ай невремхи ил. Имины ос лалмин-пухмин анымтыта-нюхалтыта варлы. Анмыл, колым катл мары волл пан ос пырхинам анымта ил. Юхин-катлын имины нок артымхии. Йимыта латны ими инам алы корыхты кима их.

Пан чу ланты лув ястых:

— Сымынг-туинг палка мантем кыч кунты, ма нунгат Кантэх кохи иртмэм. А мантем сымлых-туйлых палык кыч, ма варты вунам энтэм...

Лувны луваты кычем палык нюла пынгипи паны коты кем лывэт. Пан колнат:

— Ма кимем энтэм... Лувы Торым Вахны анымтыло-тойло! — нокнам явыттэх.

Пан чу пул Тылэсхи их. Олынглатны анмыл, колым катл немрекке волл, а чут пырны култа ил. И чены кацынг тылсет мары, олыт мары, ютыт мары. Папы яхны Ихехи тойта вари. А лув атытны мэхив нок кутлыптыта рангипых.

А имил... Олынг имил, кычимпыр мосты имил, мыталы коты олынг латны мэн,— мэхивны волты кицел энтэм-хи их. Лув ичи Ики юта нокнам мэн пан Катылхи их.

Ма суйлых-кыйлых чи ясынг колынтэм.

Моньч Ко мантем имат цаль вул. Ма мары суйлых ум-сым — улынг энта исыхтыта. А пырны инэл ях пырита ихим:

— Муват Луваты сымлых-туйлых палык кыч? Ясты-тэх!..

Ях нюлнам аунгрымтыт, суйлых мыта мары вулыт, пырны нявмыт:

— Луваты симынг-туинг палык кыч кунты, чут моньч энтэм вул. Тунгымтылэ?!

Ма йимытлы тунгымтытахены энта лангкем. Мантем энта моньч мус. Мантем лылынг моньч Ко мус. Лув улынг ма кучнгемны мэнг мэхив охтыны вул. А инэл ях чены энта лавнгкет...

Пырны ма мары чи моньч Ко иллы номэксэм. Пан йимытланты тунгымтэм: чи моньч нынгыт — чит йим пан атэм вувыт. Лых туха нюла выхелты кимвар туит. Пан нюла выхелмил латны, Ко архи косипыт. Пырны и чу тахи тунгымтэм: кацынг коны йим пан атэм волл, нэви пан пыхты волл. Волты олыт мэнты сахет читхены йимытлы нокпи питл. Паны пыра кыччи олыт ко йимыта кураснат волл — нэвинат мувы пыхтынат. Кацынг номсыл-колыл, кацынг варыл-уцыл чи сахет мэнл. Чи иллы новыксэтыны, ма ичи номысны юхитлоем: кояхия ма сымам-туям кычл? Нэвия мувы пыхтыха? Мыталы нокпи питл?

ТЫЛС ЯХКИН

Тылс ики ванц чуким йим вул, ма мары луватынам лэйлым. Лэйлым, кулны лув, унцых нухета явырмин, нокнам юв.

Алы мыта лув чуқшм вапны вул, кота нурта — пан памилты амп лэйлта, — цомы курымны кемнам вырим-тэм:

Ма тылс кунхи волты палыкны кантэх ко вуим. Лув цымыл сарны кылахлых, комытхи волты палыкны омысты конам котыл куртэх. Лын кутынны киври — пыхты коркимох пул.

Чи Тылыса юхтым яхкин иллы моньч мустымин энта номлэм. Энтэпы моньч, а йис ясынг. Аксинья имемны, Качари паны Андри анкыны, ястыхлы. Номлэм, лув ястыхел, Тылс яхкин энта кацынг коны вулэхин. Куц нама пмат йим самып коны. Лын топ ойянг-ноптэнг коны вулэхин. Па ко сам тухи энта кылл.

Ма чулатны энта номэксэм, муv попытат тэм мэхны арьчлоем ку — кух муvы ван. Чулатны Торым Вах пан Мэх манлых волтытахинхи энта туем, энта тунгымтэм. Цопынгпи тахи — ма Тылс яхкеннам лэйлты ким тойлым. Ма лын ванцлын, нюлнам нуртым котлын, лын нюхатын тахи, киври выс вулым... Ма лынат мустымин вуем. Лынат вуем паны лыннат нявымты ким туем. Лын вылэ мэнг мэхив яхкен. Ма лухетпам яхкен, торым ваха питым. Ницы, мэнг сириви нокнам мэнхен. Чу сахет кунты — ма имат ван кутыц рахем яхкилам.

МОЙЭНГ ХОТНЫ

Иттэн лывым пырны ма кемнам вырахтэм — Тылс икинам ангрымтыта. Лув ухерхи алхемых, ит нэвил имат кылпангкы их. Олынг атмал веркис инам кулатты мэн. Римыкылыта ихима лув топ йи ванц ирыл юхит томпины атыхлых, а ит волты савыл-вичылнат ма пан мэхив яхкенглат илии палыкны вул.

Мув арет мосл тылс нэви выя!..

Ма сахетпам, мары Тылс ылпины лёльлын кунты, имат ар тылс нэви ягунам тулын. Алы мыта Тылсны, лув нэвилны, ма мухты мэном, паны чу нэви сысынгки мантемы вул.

Но кацынг итныши лув аттал тахи лынгкамта вари. Ма луват лахелмин нок яксалтыта вароём. Олынг латны лув римыккылытахи итыка атты вар туй. А ит!.. Топ энты ат

яцы муцы лахелта мустыл. А ма олынта китлоём. Иттэн кукки мэн, олынта, анымтыты яккелам ястэлхен. Олынта, алынг валы оллэ. Кояхи алынг валы олта лангкал?!

Ма пырилым:

— Котты Тылс ики?

— Вангклытахи их,— нявым ачем.— Лув ар мурны нок юхтэхлыт.

— А мув тахины вангклыхел?

— Лув лувнам варлалнат лайхел,— их ачем пан ангкемнам аунгремтэх.

Ма ангкем кучинга ымлым. Лувны вулы, муv тахины
Ики вангклыхел.

— Моинг котны лув лынгкамы,— ёнтыксытал сахет
нявым ангкем.

Ики колым пох тоял, сарнам нявмыл лув. Ики цавн-
гкелтал пырны похлал хотыты моинмин янгкилта ранги-
пыл. Олынг иттэнны инэл похил кота лавнг. Кахлы инэл
манилны паста лыты утат-мытлыят лыпты-еньльчи. Пан
луv сорха нок юв, йингкет-мэхет нок кутлыштэх.

Кимыт иттэнны кутып похил кота лавнг. Кутып ма-
нил энта цыкы каркам пан кахлы вул. Сараңгып-куип,
мары номэксымал-омысмал пырны, лыты ут вар, моц ко
лыпт. Ики лынгкамы. Пан иттэн кукки мэныма торым
вахл лыкыла нок юв.

Пырны айпи похил кота Ики лавнг. Айпи манил имат
чихер вул. Чи манилны сорым кор охат молы. Тылс ики
чу кор ох понцы тахи лахелмин омысл. Кухен лув нок
юты муртыла их. А лув кор ох лахелмин омысл. Моц ко,
кулны лылэх мэвл. Моц коты топ курымты ко лылэх
мэвл. А Ики лахлэксэл...

— Тылс вангклытахи итыка, ях чуминт нявымлыт:
Тылс ики ай манилны сосы кор охат молы,— ястых ан-
гкем.— Сорха нок энта юл...

Алы мыта маны чу Ики вулы. Лув омысл, кот кун
выснам лэйлыхелл, какрипых-колыпых, а мэхи яхкинны
алы мыта энта коллы, энта вулы лув лынгкамы варыл.
Я манил-я манил, а похил кулнам лэйлыл? Мувы энта
вултэх ихил пытхахлым вар?!

Пан ма ангкем пырипым:

— Муват ики пох йи имил энта пытхахлыл?

Ангкем мантемнам аугремтэх, мыта арет интэп выс
вар, пан пырипых:

— Мувтахины вуем вар, улынг куйко нингварытны
охлыта их?.. Чит мувы куйко вар?!

Ма номлэмтэм: вот ачем улынг ангкем памилта ран-
гипых, кулпы паны мувылы моцъях кица варта мустыл,

кулны паны мувылы тулых кица тынылта пан ёнита мустыл. Тывт куйко юр иллы мувылы ястылы? Самты, алы няхты кимвар волл. Кацынг коха вылэ луваты арьялым допынгки варыл мустымин вута пан варта мустыл.

А кантэх яхнам тылс нэви лынгкамтыты Тылс ики чихер маньнам ма виципы мыта рахеп варта номэксэм. Кулны улынг мыта латны Тылс ики чихер мапъ мыта рахепат варлэм...

ИКИ ХОТНЫ

Тулхин Тылс ики махилты па латны нэви лар атых-лэх.

— Чит мувылы! — ма яхлам пырилым.

— Чит Тылс ики хот вар, — нявмыл ачем.

— Лув котнат мувылы варл? — ма сарнам пырексэлым.

— Ехлы кица. Лув сарылта вултэх, — ястых ачем. — Мув курасип торымхи ил.

Ики инэл, кутыплат пан ай хот варты вар тоял. Чу хот лухет сахет ачемны аръялы, муv мары паны муv ву-вып ехлэхи волл. Ос анымты Тылс, комытхидам лэйлты, онтыкапы култы Тылс, кунхидам лэйлты, хот варл кун-ты — чут пургият лахлэкса.

Ар вар торым вах Тылс ики вул.

Чены сахет чи, номэксэм ма. Инэл ехлыи топ йим кот-ны нок выл. Ос тарым пургии войэх-кул кинцы ко кулы лангал? Ичи котнам пытхахлыта мустыл. Чиминт торым-ны муv войэх? Тарым ехлыны, тарым пургины войэх кинцы вар энтэм. Ымса, йим торымат лахлыкса. Памыта вар вара. Авыл-пун, памыта войэх-кул кинцы чинг-лонгк вара.

Номсынг Тылс пки — лувнам ехлыт-пургитнам тыр-матыхэл пан яхкенглат ясынгат пахетл, яхкенглат пытыл-тыл. Пан чеды сарнам ма ос иматчи йим ай неврем ван-цыц Тылс ики моста ихим.

ТЫЛС ИКИ АМП

Тавин Тылс ики самты вырлых ил. Тухапы, лув нэ-вил тави ат нэвины нок вылы. Паны алы мыта мэнг пух-лыв яхны лув кычимпыр сувэс муцы юрыхлылы. Лун-гин вылэ лух сахетпал мыталы энта аръялы. Пан лув, энта мосты тахил вуймин, ниньча илы мэн.

Ма сахетпам, лув тулых мары имат мат. Чулат лува-ты ниньча мустыл. Лув тулхин ар вар нок вар.

Тулых...

Иттэн Тылс икинам аунгрымтылых йикопы кота энта лангал.

Номлэм, йимыта латны, тулхин, ягу лангмала, ачем их:
— Тылс ики импыл ванхи юртэх — ехлы вул!

Ма панышы суй варым:

— Тылс ики амп тоял?!

— Тоял, тоял, — нявым ангкем. Ма мувы нунгаты энта памилэм?

— Сар мыта латны нунгаты памиллэм,— ястых ачем. Но ма чуким пыклых ихим — Тылс ики ехлы-мытлы памилты амп лэйлта, — цомы курымны кемнам вырим-тэм:

— Ит лэйлтытны! Ма Тылс ики амп лэйлта лангклым!
Ангкем ястых:

— Я-я, мэнси, чу амп нунгаты памтылэм.

Ма паста ломтэксем пан ангкем пыри кем атым.

Тылс нэви кацынг тахины ул. Кот махил упцхетны. Карынг оч нирытны. Кулкотны. Авлыт охтыны. Суинг цохтытны.

Махилты инам Тылс нэви.

Пан мин, коты кем атмимына, Тылс нэви ядыха пит-мын. Алы мыта мин энта тэм мэхивны волты яхкен, а тылэсны волты яхкен. Мув курасип Тылс нэви — ястыты кол энтэм! Алы мыта ма Тылс нэвехи ихим, пан чи нэвинат ит паны маки волым тахи мухты сарнам, том волты тахинам мэным. Ит ма маннам ар йингкет-мэхит кутны янгкилым-лыхлыхтэм. Ит ма волты мурты, Тылыса, мэхив волпыса вингкем тахи энта тойлым. Вингкем вар энтэм... Ницы чены топ сам куньты мары вулым. А ницы имат-имат мары...

Пырны, йилатны, Тылс нэви мухты косынг торым вах оихтэм. Пан ангкем суй кунтыхлэм:

— Тылыси кичимпыр ванна кос нок кинца!

Ма ухим нок нюхтым пан паста чи кос оихтым. Лув нуртым коткимны Тылыси вул. Лув суйлых-кийлых мантемнам лэйлыхтэх, пан ма чи лэйлты тахил кунтыхлэм.

— Вот четты Тылс ики амп — кичимпыр ванна кос,— ястых ангкем.

Ангкем мыта мары суйлых вул. Чут пырны их: Ики ванхи импыл юрлытэх кунты — тарым ехлэхи ил, кукки — малэнгки ил, а кутыплатхи юрталны, энта кухен пан энта ванны — энта цыкы ехлы, энта малэнгк, чорекки ил.

— Чиминт Тылс ики амп! — ма виккетэм.— Мув арет вар вул!..

— Чены, вар-я ар вул,— ястых ангкем.— Лув ухирны, кухелтынам кацынг ут вул.

Ма Тылс ики коснам лэйлым. Лувпы йим намат поны — Тылс ики Амц. Самты, йис мыта войэх кинцы ко номлахтэм нам: амны имат войэх-кул кинца пыхерты.

Мув арет ма вулыхам вар чи ухер Тылс ики Амц вул?! Мув арет арпыкт вар маки вуй?! Ос сарны мувылы лув вул?! Мувылы вул, мувылы астыл!.. Самты, маки волым йис яхлам, рахем яхлам инам номлыл. Торым Вахны паны Мэхивны волым...

Ангкем ма ванцамнам аунгрөмтэх пан ястых:

— Инэлхи итанка, унэлтыхелта пырны, чи косылы иты, ар вар вута илын. Торым-мэх варыт...

— Кунты ма инэлхи илым! — нявмым ма.— Мары курымтылы, мары лахеллы...

Номын ма вуты коси мурилам кинца рангипым. Тыт Кунил Кос. Тыт Курынг Войэх. Мэнг сирив яхны Ньюкки тойлы. Читыг урыкки ма Алынг Кунил Кос вuem. Алынг, кунпл атлыхны, катл пакынты палыки нок атэл. Лув нэнгктыл йилып катл улынгтылы. Ит вот йи косынгки нхпм — Тылс ики Амц.

Номылта ылы юхитмама, мэнг Харко импив кот кучинга кыремтым пан луват пырипым:

— Ос нунг Тылс ики амц сахет ехлы-пурги вуты кул вулын?

Нэви пунып Харко илы равипых, сихр туйны чурымтэх пан, ма ванцам нёлэпхиемин, ма пылам кучингны мыл суйнат ропсекинтэх:

— Ав-вав, ав-вав!..

Самты, маны энта тунгымты лув колыл. Чулат ма ястым:

— Мэх тул — йимытлышы энта вул!

Но амц чи колытнам панам энта их. Кимытхи ропсекинтэх:

— Ав-вав!.. Ав-вав!..

— Лув энта тул-пул,— нявым ангкем.— Лув Тылс

Амп иты, анты цымыл вар вул. Топ устыты кул энта вул. Мыталы тунгымтыта лангклын кунты, луват аръялта мустыл, кулны лув лайхел, мувылы варл. Лув ичи ар вар вул, ар вар кунтыхлыл кантэх ко сарпины.

Лув алы мыта чи колыт тунгымтэх, юрынг суйнат нявым:

— Авв-вавв!.. Авв-вавв!..

Пырны ма оихтэм: войэх кинцы ко амп энта цымыл вар вул. Палатны, ницы, ищык Тылс ики Амп киньча нумпи. Лув вылэ мэхны, кантэх ко кучингны, ванны. И юм-вот вуты вар тоял, и войэхи-кулы лахелл, и уртыл кацынг тахины пыхертыл.

Тыт ма ангкемны вувоем, паны мин ягу ювмэн.

— Вуе? — ачемны пырипоем.

— Вуем! — ястым ма.

Ма Тылс ики пан лув Импыл иллы ар вар вута лангкем. Пан ачем пырита рангипым:

— Ос чит урыкки Тылс ики Амп мувылы вул?

Ачем мыта мары суйлых умыс. Чут пырны ма лахлыхсыты самхиламнам аунгремтэх пан нявымта их. Лув иснгыл сахет, анымты Тылс ики Импыл илпалкыла юрлытэх кунты — йим торымхи ил, а пыренг палкилны — пургихе-вотхи ил. Йисъях ос чиминт варыт вуит, лув нявыммал лав.

Маны ундамны ютыхты: сарны, илпалкилны — йим торым, пырынг налкилны — пурги-вот.

Айколымын ангкемты тыхемты. Олынта китоем. Вуимтыта вармама, Тылс ики паны лув Импыл иллы номэксэм. Йим Ики, ма номсам чены янгкилых. Ехлы вуталны, Импыл, ай косылы, ванхи таллытэх. Чит улынг амна уртыл кучингны пумынг вул. А малэнгкны кукки асыллытэх — лувы янгкилыл-кохетлыл. А пургины-вотны пуцыл палыка каняхтэлтэх. Йим Ики. Чиминт номыснат ма вуимтоем. Юхин Тылс ики улмием. Лув Импылнат нокнам юв. Яхкенглат лэкт-охтыт нок кутлыптыта, Амнат лыхатынам памилта, мув торымны лых сарны лахел-

лат. Лув ма четчечем, Роман-ики, курасип вулмэхив кан-
тэхяхкенглатнам кахлы пан йим...

Тылс ики мувылыет мувы мантемнам нявым пан ня-
хилых. Чены йим номыснат няхилых. Алынг нок варых-
лымама, лув коллал юрыхлым. А вот няхел мантемны
кыч...

Чу олытны ма ар вар йингкет-мэхет иллы, Тылэсхен-
Катылхен пллы, косыт-уцыт иллы вуемт. Ар ясынг-кол
колылым. Пырны, инэл Воцны волта ихмама, мувтахины
охпыты нумпны топ кыллых торым вах пан кыллых
косыт, ма ар ясынг-кол кулатты тухем, ар вар-кул юрых-
лым. Но итпы, маки сахет, иттэн, Тылс икинам паны
лув Импылнам аунгремтэлых, ма ката энта ланглым...

Енгурыккикутмит ох

МЭХ ЦЕВК

Ангкем юх савырталны, лыймыл мэхэ ил кунты,
лувны паста чи тахи ылы пурымлы пан юх цукат-мыт-
лыят тавырлы. Ачем йичены лайэх, кунты лыймылны
ваньлы. Ма ангкем пырипым, муват лув савыртал тахи
ылы пурмыл.

— Чит Омысты Утыв нюлым, — ястых лув. — Луват
нюлымат варта энта мустыл. Луваты кыцы!..

— Мувы? — пырипи маны.

— Омысты Ут мыта нюлымат варрлын кунты, паны-
пы ылы пурме, чены ал кые, — нявым лув. — Кацынг
нюлым йимхи варта мустыл.

Ангкем нявым, алы имнам Омысты Ут, мэнгат тойты,
имынг намыл «Мэх» ютта энта мустыл. Алы мыта цевк
курума юхиттыка яхны цомы я стылы «Мэх». А алы
чет-кец айколны Омысты Утхи тойлы. Тухапы, кацынг
катл ястылы кунты, мыта Лув намыл тэрмыл пар, неврем
номыснат ма номэксэм. Кулал пар. Чулат ай мокита

имнам намыл ютта энта асыллы. Самты лувнамны, кол-
лытэх кунты, туха чи тахи номсыла энта юхитл...

Ма номлахтэм ангкем колыт: кацынг волты ут лылынг
пытынг тоял, кайнги тоял. Кантэх ко кайнги тоял. Юхелы,
помылы паны па утыт инам кайнги тойлыт. А кайнги
тойты утыт инам кыцы коллыт. Омысты Утыв, самты,
ичи кайнги тоял. Чулат ангкем пырипым:

— Луваты кыцы, самты?

— Кыцыхат, — ястых лув. — Номлэ, нунг пингын авыт-
мана кыцы вул?

— Номлэм. Ма исым, чуким кыцы вул.

— Вот Омысты Ута ичи кыцы, — нявым ангкем. —
Топ мэнг лу в кыцал энта коллыв.

Маны алы мыта оихты Омысты Ут Анги. Имат савынг-
виченг ими омысл. А мэнг, кантэх ях, Лув вонхелны янг-
килув паны па латны мэнгны кыцыхат варлы. А Лувны —
маны кантэх пан чу курымны лунгки вулы — мэнг алы
лэйллоюв. Атэм номыс энта кыйл. Лув вылэ, ма ангкем
иты, невремлал-уцлалнам имат тарым. Энта имнам вылэ
лув Омысты Ут Ангкехи тойлы. Мэхивны волты яхкенг-
лат — Лув невремлал.

Ма ангкемнам аунгремтэм. Пан номлэмтэм: ма анг-
кемны Омысты Ут Анги кыцы коллы. Па яхны энта
коллы кунты, чут ма ангкемны туха коллы. Лув лыймыл
ылы иты латны, ванцылны ма кыцы вулым. Чулат маны
пырипи:

— Анги, нунг Омысты Ут кыцы коллэ?

Лув мыта мары суйлых вул, пырны нячхи нявым:

— Ницы, па латны коллэм... — ос мыта мары суйлых
волмал пырны, ястых. — Мантем кыцы волл...

Чу латны па ко кыцы ма кулха энта кулым. Пырны,
чи иллы номэксытам сахет, тунгымтэм: инам кацынг
луртынг ут лурт мэхивны волл. Юх лурт, лувнам юх, юх
лынтыт-помыт, комылки-мыт-лы, войхет-кулыт, кантэх
ко... Кацынг ут нюла вингк, кацынг ут йи лурт тоял, а
чи лурт мэхивнам мэн. Пан мэх сагахтыты ко йиохеп

луртынг утыт лурт сакахтыл. Пан луртнам кот алымты ут чи сахет олынг латны лув луватынам пан мэхив яхкенглатнам кот алмыл. Но олынглат кыцы энта кацынгны коллы, а кычимпыркацынг коны коллы. Былз кацынг ко луртнам кот алмылым тахи пырны суй-вар тоял...

Ма ангкемнам колынтэм. А пырны па номысны юхто-ем. Маны пырипп:

— Ос сырнат мэх кынтывны — мувы луваты энта кыцы?

— Энта, сырнат мэнгны панам энта варлы,— ястых ангкем.— Мыта кынтэны-уцны папы па мосты вар варты, Омысты Ут Ангки панам энта ил. Лув топ нёлкилыл...

Пан ма тэм мэхив волпысны номсынг-колынг пан номыслых-коллых варыт иллы номэксэта ихим.

А ангкем нячилэkki нявым, муват Омысты Ут Ангкив нюлымат-мытлыят варта энта мустыл. Кацынг нялым цавап яхкенглат, кацынг войхет-кулыт, юхит-помыт Мэхив охтыны воллыт. Мэхны тойлат. Имынг Мэхивны волпысат мылат... Ос Лув сакахтылы кунты паны Лув панам ил — чулатны мув тахины воллы?! Кулны воллы?! Мэх энтэмхи иты латны — волты вар энтэмхи ил... Вот чи вар пытан Мэхив лахелта мустыл. Чи вар пытан Луватынам кацынг волты катлны, кычимпыр лыл лалыпты муцы номықсыта мустыл. Кычимпыр сам куньчи тахи муцы...

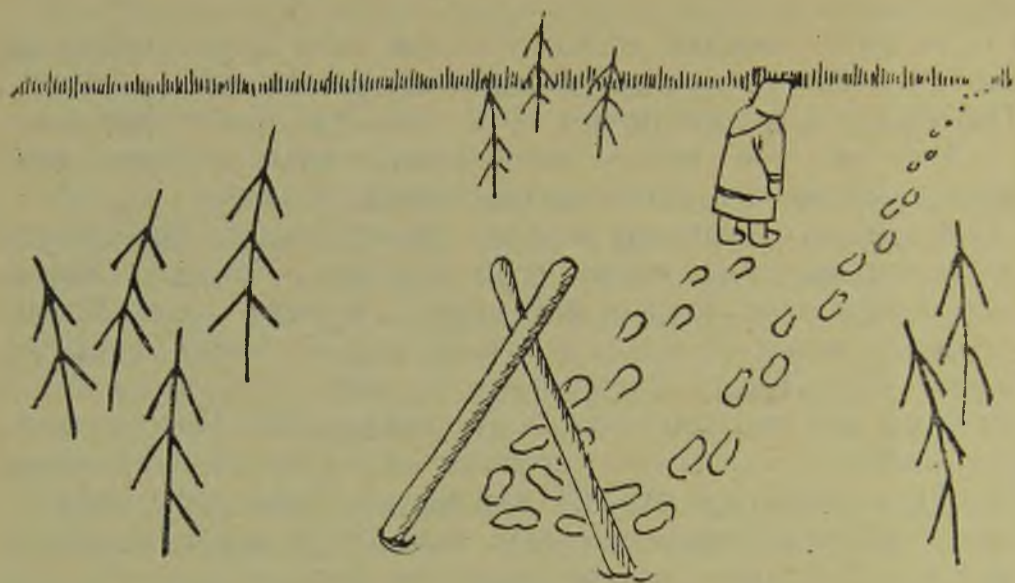
А сорхем сахет чи кычимпыр лыл мурт юхит — пан ангкем мэхивнам мэн.

Ма алы исынг самнат лэйлым яхнам, кояхи ангки туй. Ма сахетнам, лых ангки тойтыл вар мустымин энта тунгымтыл... Энта тунгымтыл, кулны ангкинам лэйлта мустыл, кулны ангки кучингнам мэнта мустыл, кулны ангки колнам колынтыта мустыл. Энта тунгымтыл, энта вуил. Энта вуил, кулны айны ангкилых кычлы. Ангкилых анымлы. Ангкилых воллы. Кулны сахет...

Ангкинат волты вар йи вул, а ангкилых инам па сунгнам кирехлых. Тахпи кирехлых.

Ангкем мэхивнам мэн.

Мэнг сирив куй ях пыхты ваннат мэх саврыт. Тулых яцы тылс унлыхты потым мэх лайемнат саврыт. Суйлых-кийлых саврыт. Мин Лиза опемнат най кучингны умысмын пан сорым самнат лыхатынам лэйлмын. Мин самйингклымын кухен тырмыт. Мин атымывиннам умысмын. Айпи нингехилэмын энта тухехип. Айпи нингыл топ лапыт тылэсхи их, лув лавлым пулнат туи. Лув онтынны

вул, а онтпынг неврем тыхи алта энты мустыл. Мин тувыт кучингны умысмын. Куй ях мэх саврыт. Мин вуйтэмын, кулны потым мэхпулыт пыхты лёньнам корхилыт. Чу ангкив имат мосым мэх саври. Чу мэх саври, кулнам лув мэн, мэн мутрыла илыхны — лув вылэ алынг катл пакным пырны лылыл тукен. Мэнг ангкив кица мэх саври. И мэнгаты кыцы вул. И чу кыцы итмы ма унтамны волл...

**В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА
Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ**

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Часть первая

ТРОПОЮ СТРЕЛЯЮЩЕГО ГЛУХАРЕЙ

Глава первая

ВВЕРХ ПО ВОНТЬЁГАНУ

— Почему моего деда Глухарей Стреляющим Ики¹ звали? — спросил Микуль у отца.

— Удачлив он был, — ответил отец, оглядывая берега Вонтъёгана. — Глухарей и других зверей-птиц хорошо добывал. Особенно медведей. Поэтому охотники нашей реки и назвали его Стреляющим Медведей. А детям нельзя было говорить о священном «бупи» — медведе. Они стали звать его Стреляющим Глухарей. Я думаю, в детстве первой добычей твоего деда стал глухарь. В те времена рано шли в тайгу. Как только лук и стрелы поднимали — сразу по следу зверя шли.

— Почему его Ики, Стариком, звали? Он старый был?

— Ики — так называют не только стариков. Так еще

¹ *Ики* — старик.

людей уважаемых и мудрых зовут. Он понимал язык зверей и птиц, язык деревьев и трав. Люди считали его волшебником, поэтому не называли по имени. А имя его было Роман-ики...

— А за что его люди уважали?

— От него людям тепло было,— сказал отец.— А в те времена, ты, наверно, слышал, в тайге было мало тепла. Беда ли к кому придет, радость ли — дед твой был легким на подъем, в руках у него все горело, все играло... В жизни у него был жаркий костер — людей согревал...

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей сидел у огня и слушал. Костер рассказывал ему, о чем шептала эта урманная река в глинистых берегах и о чем думают черные кедрово-еловые урманы за спиной Старика, убегая в голубую дымчатую марь.

Костер поведал ему о думах старого смолистого кедра, который подошел к огню и остановился справа от Старика, чтобы в последний раз перед долгой студеной зимой обсушить свои одежды и погреть руки-ноги, погреть свое большое, теперь уже быстро зябнущее тело. Возле него, за костром, испуганно трепетал куст багульника — ему, видно, стало слишком тепло и он боялся, как бы огонь не обидел его. И Стреляющий Глухарей молча успокоил куст — огонь не тронет его, человек смотрит за огнем. Глядя на багульник, он вспомнил свой первый костер в день вступления на тропу охотника. Тогда вот так же сидел у огня, пил крепкий чай. Вдруг услышал отчетливый тихий стон. Потом увидел у костра маленькую зеленую сосенку — ее всю корежило. Тоненькие беззащитные ветки гнуло из стороны в сторону, они лихорадочно искали место, где им будет лучше, где они выживут. Иголочки на макушке бросились врассыпную, а по стволу медленно

ползла прозрачная тяжелая капля — слеза. В следующее мгновение сосенка вспыхнула, рванулась в небо снопом искр и растворилась в желтом пламени костра.

Жило дерево — не стало дерева. Тогда, в день вступления на тропу охотника, он поразился тому, как все это просто и как все это сложно. Хватило мгновения, чтобы превратить сосенку в пепел, чтобы отнять у нее жизнь. Но в то же время, казалось бы, что значит для него жизнь сосенки?! Ничего не значит?! Ведь сосенок-то много. Но... сосенки-то уже нет, а он все еще слышит ее стон и видит ее слезу. Может быть, это оттого, что виноват здесь не огонь, а он, охотник, который развел костер?

Сейчас, сидя у костра, Стреляющий Глухарей внимательно прислушивался к голосу огня. По этому голосу можно узнать, какая будет погода завтра и послезавтра, что впереди еще немало безветренных теплых дней: в такую осень удача никогда не обходила его дом... Сейчас ему много не нужно, тепло еще, соображал он. Большая удача будет нужна в день перевозимья, когда тайга надеет свои белые одежды.

Костер говорил, а охотник слушал.

Трепетали светло-желтые языки пламени. Их было три. Три языка, три пламени — это хорошо, подумал Старик, три — это хорошее число. Еще три дня можно спокойно плыть вверх по течению навстречу полуденному солнцу.

Костер согревал Старика. Он чувствовал, как огонь ласкает его мозолистые крепкие пальцы, шрам на правой щеке, морщины на высоком лбу. Тепло медленно и осторожно входило в него, шло по плотному литому телу, доходило до костей и там останавливалось и тихонько растворялось. Тепло таежного костра никогда его не размывало, а наоборот, бодрило тело и дух.

Костер хочет единения, думал Стреляющий Глухарей. От костра уютнее стало на берегу урманной реки, к нему придвинулись и старый кедр, и черный урман, и травы, и

кусты, и река, и люди — отец и сын. Тепла костра хватало на всех.

Между тем огонь вскипятит чай в закопченном котелке, а затем медленно и степенно, вместе с людьми, вдыхал тонкий аромат крепкого охотничьего напитка, где смешались запахи кедровой смолы и хвои, сизого дымка и осенней листвы, терпкий дух багульника и черемухи.

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей молча смотрел на языки пламени. Сын тоже молчал. Он знал, что костер о чем-то говорит. Но не все доходило до него, а спросить у отца не решался. Тот обычно говорил в тайге: смотри и слушай. И думай. Человек должен дойти до всего своим умом, и тайгу тоже надо постичь своим умом. И мальчик старался всегда предугадать, что нужно делать в тайге. Он убрал посуду в заплечный мешок и взялся за топорик. Пока отец курит свою трубку, ему делать нечего — и он решил сделать две зарубки на старом кедре. Это будет память о двух охотниках, что останавливались тут. Иногда охотники оставляют свою «подпись» на кострищах и на местах удачной добычи. Он посмотрел на отца, на кедр и отложил свой топорик: наверно, не надо делать зарубки. Наверное, этот кедр — старый друг отца, не зря он тоже придвинулся к костру, подумал мальчик. В ожидании, пока отец выкурит трубку, он отнес топорик и мешок в обласок, высыпал под куст опивки чая и набрал полный котелок воды. Он знал, что ни одно дерево не должно погибнуть от огня и человека. И хотя вокруг костра он сам выбрал на совесть весь мох и всю хвою, и затухающий огонь был в надежном кольце, но ему теперь показалось, что водой-то вернее.

Тут отец вынул изо рта трубку и тихо сказал:

— Зачем костер хочешь обидеть?..

Как — зачем, хотел переспросить мальчик, но смолчал. Почему отец такое сказал, думал он. В чем тут дело, в чем... Время, я забыл о времени, догадался наконец мальчик. Сейчас не теплая весна, не жаркое лето, а осень, про-

шли первые осенние дожди. Позади осталась пора лесных пожаров. И какая осень — вон какие безветренные погожие дни. Воду обратно не понесешь, думал он и, взглянув на отца, разлил ее вокруг костра, ни капли не уронив на огонь.

— Костер не хочет, чтобы его убивали, — сказал отец, докуривая трубку.

Утихающий голос костра, ровный и спокойный, теперь отчетливо услышал и сын Стреляющего Глухарей.

Глава вторая

НА ПРИВАЛЕ В ПУТИ

— Ты видел, как медведь шаманит? — спросил Миккуль отца.

— Видел. Правда, всего один раз. И Старик раньше рассказывал, что редко кто видит это. Редко. А мне довелось... Однажды осенью, когда пришло время спелой брусники... Медведица села на ягель, вытянула ноги, как человек. Посадила на колени медвежат и давай их ласкать: качает их, обнимает, целует. А сама урчит потихоньку, будто колыбельную песню поет — тягуче сладкую и покойную. Шаманит — так ханты считают. Если бы не услышал своими ушами, никогда бы не поверил.

— А она... тебя видела?

— Она в это время ничего не видит и не слышит. Стреляющий Глухарей рассказывал, можно подойти и дотронуться до нее рукой. Она совсем беззащитна, поэтому и надо обходить ее стороной. Не тронешь ее — и она потом никогда не тронет тебя, не застанет врасплох. А из-за детей она может и в огонь, и в воду, и на человека. Ничто ее не остановит. Когда с ружьем на медведя ходишь, медвежат нельзя трогать, только самца надо брать. А медвежат, детей, нельзя трогать.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Заночевали на сухой неширокой гриве под сенью разлапистых кедров. После чая посидели немного у костра, прислушиваясь к тихим звукам засыпающей тайги. На сухую прошлогоднюю хвою настелили свежего лапника и поставили колышки для полога-палатки. И как только Срежляющий Глухарей натянул ситцевый полог, сын — Дани — сразу же заснул крепким детским сном. Ночью он ни разу не просыпался, лишь рано утром, когда только-только взошло весеннее солнце, отец разбудил его таинственным шепотом:

— Смотри!..

Сын живо высунулся из полога и замер: вниз по течению, там, где кончается кедровая грива, на песчаном мыске топталась медведица с двумя крохотными, как мохнатые черные рукавицы, медвежатами. Мать, тихонько рыча, подталкивала детей к воде. Но малыши, видно, не желали купаться в холодной реке — тоненько повизгивая, пятились от берега, стараясь обойти мать и скрыться в кедровнике. Но медведица терпеливо подгоняла их к воде, тыча то мордой, то лапой. А шалуны, наострив уши, все время увертывались. Пока мать подгоняла одного, другой отбегал назад. И все начиналось сначала.

Что это они делают, соображал сын, выкупаться хотят или просто играют?.. Вода еще холодная...

Он как высунулся наполовину из полога, так и не шевелился. Так близко и столько медведей сразу он еще никогда не видел...

А медведица, кажется, рассердилась на шалунов — угрожающе зарычала и дала легкую оплеуху подвернувшемуся под лапу детенышу. Медвежата разом присмирели — сели на задние лапки, ждут, что еще потребует мать. А медведица осторожно вошла в воду и боком, словно лодка, приткнулась к берегу. Затем проурчала, словно сказала что-то, и малыши проворно, один за другим, взгро-

моздились ей на спину. Сели верхом, как всадники, опустив задние лапки по бокам медведицы, а передними вцепились в ее бурый загривок.

И медведица плавно поплыла к другому берегу. Над утренней молчаливой водой слышалось только легкое повизгиванье.

Медвежата сидели спокойно так, важно, с высоко поднятыми, хитрющими мордашками и со вскинутыми ушками. Видно, в первый раз переправлялись через реку, и это нравилось им.

Медведицу снесло течением, и к противоположному берегу она подплыла там, где начиналась крутизна. Развернулась вдоль берега возле старой, замшелой валежины, один конец которой был в воде, а другой на суше. Медвежата соскочили на валежину, выбрались по ней на землю и радостно забарахтались. Медведица тоже вышла на берег, отряхнулась и скрылась за стволом толстого кедра. Медвежата бросились за ней.

Медведи уже скрылись в тайге, а волна на реке все еще лизала берег, на который она переправилась.

— Вот ведь придумала! — проговорил наконец сын. — Подошвы сапог¹ даже не промочили!

— Тебе повезло... — ответил старик. — Такое нечасто увидишь. А ума у нее, конечно, много, много...

— А ружье-то где? — вспомнил о ружье сын.

— Ружье?! — переспросил Стреляющий Глухарей. — Зачем тебе ружье?.. Оно там, где должно быть.

Глава третья

У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

— Люди говорят, что Стреляющий Глухарей великим медвежатником был и за свою жизнь много медведей ни-

¹ У охотников-ханты: когда говорят о медведе, подразумевается, что у него не лапы, а сапоги.

звел¹? — спросил Микуль вечером, когда остановились на ночлег.

— И много. И мало. Сколько ему положено было, столько и низводил. Больше этой своей меры он никогда зверя-птицу не трогал. И рыбу тоже. Он знал свою меру.

— А кто ему эту меру определил?

— Как кто?.. Земля определила. Небо определило. И сам, может, тоже определил. Потому и был великим, что меру свою знал.

— Разве добыча не приносила ему большой радости?

— Приносила. Но еще бóльшую радость ему тайга приносила. Он хотел, чтобы человек в урманах-борах всегда тропы звериные находил. Чтобы осенью-весной его всегда радовала песня перелетных птиц. Чтобы в реках-озерах рыба никогда не переводилась. У Земли много Людей — и Деревьев-Трав, и Зверей-Птиц, и Рек-Озер — все они хотят жить, им всегда нужна радость и удача... Чтобы у Людей этой Земли была удача и радость.

НЕЧЕСТНЫЙ ОХОТНИК

На оконечности речного мыска торчало из воды лосиное ухо. Глинистый берег весь вытоптан. По траве, через заросли тальника, тянулась тропа в сумрачный прибрежный ельник.

Над лосиным ухом роями жужжали мухи и оводы.

Стреляющий Глухарей веслом зацепил лосиную тушу снизу и потянул вверх. Сын помогал ему своим веслом. Из воды медленно и тяжело выплыла безрогая голова лосихи и темный бок с глубокими следами медвежьих когтей. Нет только правой задней ноги — видно, пообедал медведь на славу.

Стреляющий Глухарей причалил обласок к берегу, и

¹ Так у охотников принято говорить о медведе — низводят его вместо убивают.

они выбрались на сушу. Сын вопросительно взглянул на отца. Тот раскуривал свою трубку и был, кажется, чем-то недоволен — просыпал табак и дважды чертыхнулся на комаров, которые якобы не давали разжечь спичку. Потом, когда, пыхнув трубкой, пустил огромное облако дыма и комарье отхлынуло от него, он выпрямился, его быстрые иззелена-болотные глаза скользнули еще раз по медвежьей тропе, по утопанному мыску, по лосиному уху и остановились на сыне. Глаза говорили: посмотри внимательно, все тут написано, что и когда случилось.

И сын увидел...

В полдень, когда солнце поднялось совсем высоко, лосиху стали донимать оводы и жара. Комары и мошка ей нипочем, говорит отец, она легко их переносит, а овод, когда она линяет и новая шерсть еще короткая, не дает ей покоя. Лосиха спустилась к реке, постояла в зарослях тальника, прислушиваясь, спокойно ли вокруг, нет ли поблизости кого постороннего. Не учуяв ничего подозрительного, лосиха осторожно вошла в реку и остановилась. Из воды торчала только голова, так было ей хорошо — и прохладно, и оводы не донимают. Стояла так и жевала жвачку. Но как ни чутка была лосиха, а медведя не услышала. Тот подкрался вплотную и с мыска по гладкой няше съехал прямо на спину лосихи. Лосиха хоркнула и рванулась на берег. Может быть, она в бешенстве скинула бы коварного медведя со спины, да ноги засосало мягкое илистое дно — ни туда ни сюда. А медведь железной хваткой вцепился ей в бока, подмял под себя — и лосиха захлебнулась и затихла.

Медведь выбрался на берег, отдышался, сел на корточки и, видно, размышлял, как ему дальше быть. Хоть и был он главным силачом тайги, да на этот раз мочи не хватило — пыхтел, кряхтел, тянул лосиху так и эдак, да не вытянул: больно большая и тяжелая была. А на сушу обязательно надо, чтобы песочком присыпать тушу — быстрее протухнет, духовитее будет — вместо соли. Без соли

какой смак?! И без душка какой смак?! Не любит он свежатину, всякое мясо обожает с душком. Наконец не выдержал медведь, прямо в воде начал рвать и глотать свою добычу. Насытившись, притянул тушу поближе к берегу, чтобы не унесло течением, и медленно и лениво направился в глубину сумрачного ельника. Там лег возле толстой трухлявой валежины на прохладный и мягкий кукушкин лен и задремал — пусть пища переваривается. А к вечеру он снова вернется к своей добыче. И этот его пир будет продолжаться несколько дней, пока он не съест всю тушу лосихи.

Стреляющий Глухарей, посасывая трубку, осматривал следы — медведь большой и упитанный, поперек отпечатка лапы можно поставить ступню в нырике¹. Он проводил взглядом медвежий след до тальника и вдруг сказал сердито:

— Ты — пакостник!.. Какую лосиху в грязь завалял!.. — и добавил в адрес медведя еще несколько крепких слов.

Сын не поверил своим ушам: медведя, священного зверя, главного силача тайги, шамана, сына самого верхнего бога — Нум Тсрыма — ни один охотник еще не ругал такими словами. Не то чтобы ругать, плохого слова о нем не говорили. А тут...

И сын тихо промолвил:

— Сам говорил: он все слышит...

— Пусть слышит! Я ему говорю,— Старик сердито пыхнул трубкой, искоса поглядел на озадаченного сына, потом пояснил, махнув в сторону ельника: — Это нечестная добыча — на земле бы он не догнал лосиху! Этот — нечестный охотник...— и добавил еще несколько слов, чтобы раскаялся медведь-охотник, чтобы слушал и стыдился и впредь так не делал.

Видно, Стреляющий Глухарей был уверен, что мед-

¹ *Нырики* — летняя кожаная обувь ханты до колена или паха.

ведь начнет раскаиваться и больше не станет пакостить в тайге. Ведь всякого надо учить жизни, чтобы не скудела тайга, чтобы не обижалась Земля на своих обитателей.

Глава четвертая

В ВЕРХОВЬЕ ВОНТЪЁГАНА

— Ты говорил, что Старик часто с копьем ходил на медведя? — спросил сын.

— Копье ему удачу приносило, — отвечал отец. — У каждого охотника есть оружие, которое ему удачу приносит. А Старик копье любил. Вот и охотился с ним. Все с ружьями охотились. А Стреляющий Глухарей, когда плавали по этой реке, на левой стороне обласка всегда копье возил. Мелкое зверье и птиц для котла ружьем стрелял. А как увидит медведя — бросает ружье и хватает копье. Такой был Старик.

— Всех медведей копьем низводил?

— Луком-самострелом немного. А так на таежных тропах — рогатиной. А ружьем не помню. Они уважали друг друга. Охотник и медведь. Поэтому Стреляющий Глухарей хотел быть на равных со зверем. Справедливый был... Я думаю, ему нужна была охота с копьем — встреча с медведем на равных, борьба с ним, опасность. Однако меру знал. Такой был дед у тебя.

— Копье держать и охотиться он тебя учил?

— Учил, помню. Главное — копье надо острием держать вверх, тогда зверь лезвие не видит. Если повернешь плашмя — увидит и ударит лапой.

— Ты ходил с копьем на медведя?

— Нет. Я не взял ни силой, ни ростом, ни отвагой. Стреляющий Глухарей был на две головы выше меня, вдвое шире в плечах. А о силе что сказать — не было ему равных. Он последний, кто с копьем ходил на медведя.

РОГАТИНА

Стреляющий Глухарей позвал медведя. Зверь, услышав зов, бросился к охотнику. И когда между ними осталось шагов десять, медведь поднялся на задние лапы и, переваливаясь с боку на бок, двинулся черной глыбой, чтобы сверху навалиться на охотника, подмять под себя, одолеть его. Старик крепко сжал древко левой рукой посредине, а правой — возле острия. И когда медведь почти навис над ним, словно для объятия раскинув лапы, Старик сделал выпад навстречу и всадил острие в левую половину медвежьей груди и тут же, перехватив древко, отскочил назад. На лице он привычно ощутил пронизывающий, горячий выдох зверя.

Рогатина остановила медведя. Он глухо взревел, обеими лапами схватился за древко и начал тянуть его на себя. Стреляющий Глухарей помогал зверю, сдерживая его многопудовую тушу, двигал острие в нужном направлении. Когда лезвие скрылось в густой шубе зверя, Старик по едва ощутимому толчку понял, что попал куда следует.

И оба замерли на мгновение. Отвердели. Онемели. Кто — кого?!

Наконец медведь присел, обмяк и медленно-медленно повалился на правый бок.

Стреляющий Глухарей выпрямился, постоял в задумчивости над медведем, словно оценивая своего противника. Он не чувствовал ни страха, ни усталости. Только руки, сдерживавшие яростный напор зверя, будто немного отяжелели и онемели. Но он привычным движением стряхнул с них онемелость, вытащил трубку, не спеша начал набивать ее табаком, потом так же не спеша раскурил ее. Он был спокоен. Был спокоен, потому что, как себе, своему оружию, своей рогатине верил. На таежных тропах рогатина была самым надежным оружием его. Надежность ее зависела от его рук, которые многое умели и многое видели. Его мозолистые, жесткие ладони помнят скупое теп-

ло березы в пору весеннего сока. Он нашел это деревце на краю березовой рощи, срубил, вытесал и заботливо высушил на весеннем легком ветру в тени старого лабаза. Дерево насквозь пропиталось соком, а потом, когда высохло, так отвердело, что топор не брал — отскакивал. Такое древко рогатины смастерили его руки. Пальцы помнят каждую выемку, каждую царапину на древке. И поэтому он был спокоен. Древно должно быть надежным, как друг. Никакой медведь тогда не страшен, ни один коготь зверя не заденет тебя.

Стреляющий Глухарей выкурил трубку и тут же снова начал набивать ее табаком.

Потом, когда медведь затих, он почистил лезвие рогатины: сначала пожухлой осенней листвой, затем мягким таежным мхом. Несколько мгновений молча смотрел на холодно блеснувшую сталь своего оружия. Может быть, он говорил своей рогатине: вот и одолели мы с тобой еще одного зверя, я сделаю зарубку на память о нем на толстом дереве. А ты отдыхай до следующей тропы, до следующей охоты. Сделал свое дело — теперь отдыхай.

Он обернул лезвие мягкой вываренной берестой, обмотал бечевкой, вдел в ножны.

В ту осень он больше не собирался идти по медвежьей тропе: он добыл столько, сколько ему было положено. А на большее не имел права — да и сам не хотел. На каждого зверя у него была своя мера. И он никогда не преступал этой меры.

Обласки были перегружены, поэтому он поставил рогатину под разлапистым кедром, чтобы не падала на нее дождевая вода, а под пятку подложил дощечку — не отсыреет и не сгниет. У него было какое-то нехорошее предчувствие, и он показал сыну, куда поставил рогатину: вдруг да тому понадобится отцовское оружие.

...Много лет спустя его внук Микуль поднял рогатину, осторожно стянул ножны, прикоснулся к холодно-строному острию и вздрогнул: словно ветром пронзило его,

словно прикоснулся к ушедшему времени, прикоснулся к дедовской силе и дедовскому мужеству. Подумал, как долго живет добрая сила и добрая память, даже всеильное время бессильно... Вон сколько лет и зим прошло, как не стало деда, а лезвие не притупилось ничуть, и ржавчина его не взяла. Словно только вчера Стреляющий Глухарей наточил рогатину, надел на лезвие ножны и поставил под разлапистым кедром на крутой излучине в верховье Вонтъёгана. Поставил рогатину на месте добычи последнего медведя, чтобы взять потом. Может быть, он знал, что если сам не возьмет, то сумеют взять сын или внук, будущие охотники...

Глава пятая

НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ

— А когда Стреляющий Глухарей с копьём ходил на медведя, не страшно было ему? — интересовался Микуль.

— Некогда было о страхе думать: зверь близко... Может быть, потому и любил он охоту с копьём, что — близко. Медведь — самый сильный зверь тайги. В урмане люди только медведя боятся. Женщины его след ягодами посыпают, чтобы он не пугал их. Считают его шаманом тайги, святым зверем. Иногда такое выкинет — слов нет сказать. Он разный бывает, иногда добрее зверя не найдешь.

— Может, Стреляющий Глухарей какой-то секрет знал?

— Вряд ли. Просто понимал умом. Все понимал. И медведей тоже.

— Наверное, только самый смелый с копьём на медведя идет?

— Таким и был твой дед Стреляющий Глухарей. Ничего не боялся. Ни пред чем не останавливался. Иной раз даже бывалые охотники удивлялись. Таким был твой дед...

ЛУКАНИЩЕ

Дело шло к полуночи: воды и берега слились воедино. Стреляющий Глухарей вел за собой караван обласков, будто видел в темноте и урман и реку.

Сын в обласке проснулся от залпа из пяти стволов. По обычаю, так извещают домашних, чтобы они приготовились к встрече таежного гостя — охотники возвращаются с удачей.

Четыре дня ездили охотники-промысловики в верховье Вонтъёгана. А возвращались на пустых обласках: осень выдалась неплохая, но охота не принесла удачи.

Припозднились. В черную осеннюю ночь подъезжали к луканищу¹ на Большом Урманном Яру. Там Стреляющий Глухарей четыре дня назад насторожил самострел на медведя — на случай неудачной охоты. Он знал: там хорошая медвежья тропа, и луканище было удачливым в осеннюю пору.

— Лук посмотрим. Думаю, тут нас удача ждет, — предложил Стреляющий Глухарей. Луканище досталось ему от предков и не раз выручало род охотников.

— Ты в своем ли уме! — воскликнул старейший охотник рода. — А если лук выстрелил?!

— Мне это и надо посмотреть, — сказал Стреляющий Глухарей.

— А если раненый зверь там притаился?! — предостерег старейший. — Даже ты — в такую-то темень как?! Ладно, когда светло...

— Если он там, у него шорох-морох есть, — отвечал Стреляющий Глухарей. — Так просто не накинется.

— Раненый зверь все может!

— Ух, тьма-то — дух захватывает! — признался моло-

¹ *Луканище* — место у звериной тропы, где настораживают самострел. Удачливое луканище переходит от поколения к поколению и имеет свое название.

дой охотник.— За каждым кустом так и мерещится кто-то, чернющий такой.

— Он зверь благородный,— рассуждал Стреляющий Глухарей.— И это... уважение у него к человеку есть.

— И-и... не причаливай! — опять предостерег старейший. Ствола ружейного не видно, в случае чего куда стрелять?!

— Он на должников зол бывает,— сказал Стреляющий Глухарей.— А у меня совесть чиста...

Тут все охотники заговорили в голос: оставь луканища, завтра проверишь.

Между тем подплыли к луканищу, и, не раздумывая, Стреляющий Глухарей пристал к берегу. Сыну, сидевшему в его обласке, сказал: я быстро, только посмотрю; добычу дома ждут.

— Ладно сам-то, а сына зачем под звериный коготь подводишь! — крикнул старейший.— Хоть бы о сыне подумал!..

— Пусть привыкает,— ответил Стреляющий Глухарей.— Он в обласке сидит.

Сын вцепился правой рукой за кустик, чтобы обласок не отбило течением от берега. Отец, как только ступил на землю, сразу растворился во тьме. Видно, на ощупь пробирался по тропинке на гриву, и шагов не слышно. Даже ружье и топор не взял, подумал сын, а если там и вправду раненый зверь притаился?! Кулаком его не пристукнешь! А стрелы на медведя совсем небольшие: наконечник не длиннее бокового ножа¹. Бывает, раненый зверь прячется возле луканища. Поэтому самострелы проверяют только днем, когда хорошо видны кусты и валежины вокруг. Многое зависит от охотника: иной все рассчитывает и так насторожит самострел, что зверь сразу падает замертво на тропу. А если зверь там притаился, что

¹ Охотничий нож. В деревянных или костяных ножнах постоянно висит на правом боку на поясе, у левши — на левом.

отец будет делать? А что дома ждут — так один раз можно и без добычи вернуться, решил сын.

Охотники, постукивая веслами, подгребали против течения и тихонько переговаривались:

— Все-таки ушел.

— Сам-то ладно, сын страху натерпится.

— С ним-то что, не одного зверя видел.

— Кто знает? Если медведь там — добра не жди...

Охотники смолкли. Над рекой нависла тишина. Непроглядная тьма, безмолвная река, безмолвная земля. Ни звука, ни шороха. Когда отец находился рядом, сын не испытывал страха. Сейчас, невольно съезжившись, он впервые почувствовал, как тяжелы темнота и тишина. Эта же тяжесть, видимо, давила и на других охотников на середине реки. Будто вечность прошла.

Наконец кто-то не выдержал и крикнул в сторону луканища:

— Ты... живой?! — Эхо глухо отозвалось в прибрежной тайге.

Спустя несколько мгновений из темноты пришли слова Стреляющего Глухарей:

— Только до лука добрался. Выстрелил!

— Иди обратно. Утром отыщем! — крикнул старейший.

— Сейчас. Нитку нащупал, натянута. Может, далеко не ушел, тут свалился.

— Вернись, если жить хочешь! — приказал старейший. — Может быть, там не один зверь! Остальные ждут, притаились!..

Только деревья повторили: «при-та-и-лись»! Больше ни звука!

Охотники тоже притихли, будто съезжились и растворились в черноте ночи. Кто-то нервно кашлянул — и опять тишина. Сын знал, медведь редко ходит один, особенно осенью. Обычно живут семейством — медведица с детенышами и отец-медведь. Если самострел поранит одного,

остальные располагаются недалеко в кустах, чтобы не дать его в обиду. Такой вот зверь — медведь.

Тут один из охотников протяжно так выдохнул в сторону луканища:

— Ты-ты-ы-и... — и смолк, будто воздуха не хватило.

— Тут, нашел! — донеслось из темноты.

В обласке кто-то шумно вздохнул.

— Нашел, — шли слова из темноты. — Нащупал. Шубу¹. Не шевелится... Выходите. Теплый еще, до утра протухнет...

— Там больше их нет, не притаились?! — невольно вырвалось у молодого охотника.

— Не слышно ничего, — отвечал Стреляющий Глухарей. — Если был зверь, так, наверно, давно удрал. Он тоже побоится. Идите.

Охотники вышли на берег, развели костер. А сын кипятил чай и, поглядывая на отца, думал, что пустые страхи, нагнанные темнотой, тишиной и невидимым зверем, теперь не должны вернуться к нему — он их однажды уже испытал.

Глава шестая

ВОЗЛЕ УСТЬЯ ВОНТЪЁГАНА

— Люди говорят о большой силе деда. Расскажи, — попросил Микуль.

— В ту пору я еще мальцом был, — припомнил отец. — В Сургут ехали. В низовье Агана случайно в дом попали, где медведя плясали². А хозяин, известный на всю реку силач, состязание устроил — на палке всех перетянул.

¹ *Шуба* — так называют шкуру медведя, шерсть.

² *Медведя плясать* — в честь медведя устраивался праздник: исполнялись песни, танцы, сценки из охотничьей жизни; состязание в силе, борьба и т. д.

Всех мужчин, человек двадцать. Кого одной рукой, кого двумя. Отец молча наблюдал. Молодой еще был, о нем ничего не знали. Тут ему хозяин-силач: «Иди, Роман! Твой черед!» И люди: «Иди, хоть медведя потешишь — через хозяйна перелетишь!» Отец поотнекивался, потом нехотя сел против хозяина. Дали команду. И тут хозяин через отца — хлоп! — растянулся возле порога. Встал, отряхнулся, говорит: «Ма чулкэм! ¹ Давай снова!» Отец пожал плечами: снова так снова. И хозяин опять — хлоп! — и у порога. Встал, говорит: «Ты первый меня побил. До сих пор сила во мне была. Теперь убедился: сила в тебе, Роман-икк!»

— А после Стреляющий Глухарей ни с кем не мерялся силой?

— Не помню. Если только с медведем. Сила нужна была ему для охоты, для жизни. Ездить очень любил. Ночью или днем, куда надумает, туда и едет. Не знал устали.

Бывало, когда каслали по болоту, он брал свою мать в обласок. И на перетасках, волоках между озерами, волок облас с домашней утварью и бабушкой. Если та порывалась встать, он говорил: «Будешь тут ноги мочить! Сиди!» А я с пустым обласком кое-как поспевал за ними. Вот для чего сила ему нужна была...

СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ

Стреляющий Глухарей слышал, как жена тыкала его в бок и шептала:

— Вставай! Пришел!..

А он никак не мог понять, во сне это или наяву. Тут жена опять:

— Вставай! Пришел!..

Он никого не ждал, и к нему никто не должен прийти. Выпавший три дня тому назад снег сегодня к вечеру растаял. Не черная осень и не белая зима. В эту пору кто

¹ *Ма чулкэм!* — Я оплошал!

сюда придет, соображал он. Пешком далеко, а на оленях рано. И снова провалился в сон.

С раннего утра он белковал, обошел почти весь бор. Вернувшись домой, поужинал и сразу заснул. Чутко спал он только в лесу, а в чуме спал крепко и сейчас не мог проснуться. А жена снова шепотом:

— Вставай же! Слышишь, пришел!..

И он опять стал перебирать в памяти, кто бы мог добраться до его становья на дальнем бору. А жена между тем тряхнула его за плечо и, припав к его голове, прошептала испуганно:

— Да вставай же! Дом ломает!

Ах, дом ломает, сообразил Стреляющий Глухарей, да я ему!.. Он вскочил, окинул взглядом чум. Слева мирно спали его дети, дочь и сын. В середине чума жена подкидывала дрова в ярко пылающий костер: кого-то огнем хочет напугать. Но тут все были свои. И он, не спросив ничего, бросился на улицу, где должен быть этот таинственный кто-то. Выходя, он заметил краем левого глаза, как нюки¹ в середине чума поползли вниз. И правда ломает, убедился он. Да кто ж ему такое позволил! — в следующий миг мелькнуло в его голове. И он почувствовал, как мгновенно отвердели мышцы и стали наполняться силой. Осенняя ночь чернотой ударила в глаза, ослепила его. Но сила негодования толкнула его в эту черноту, и он вслепую, на ощупь, двинулся вокруг чума. Не было времени ждать, пока глаза привыкнут к темноте... Мелькнул луч света из порванной нюки. Ему показалось, что он успел увидеть жену и спящих детей. Но после света ночь опять ослепила его. «Разве можно ломать дом, в котором есть человек и в котором есть огонь?! — бормотал он. — Никак нельзя! Нельзя ломать!» Он шагнул вперед, и тут руки наткнулись на что-то мокрое и холодное. «А, попался! —

¹ *Нюки* — полость из выделанных оленьих шкур, которой накрывают чум. На один чум идет две-три полости.

не то подумал, не то сказал вслух.— Ломать вздумал?! Детей пугать вздумал?! Да я тебя!..» И он в ярости рванул кого-то, сдвинул пальцами и поднял на руки. И шагнул прочь от чума. Шаг, второй шаг, третий... Будто низкое черное небо навалилось на него и вдавливало ступни в застывшую землю. Он сделал еще несколько шагов и отшвырнул свою ношу.

Глухой хрип — и все стихло.

Перед глазами по-прежнему стояла осенняя чернота черной земли, черных сосен, черного неба. Он постоял немного, прислушиваясь к тишине. Потом потер руки, будто хотел умыться. Тут почувствовал, как холодная земля слабо пощекотала его голые ступни. Он вспомнил, что босиком выскочил на улицу, и вернулся к чуму. Поправил порванный край нюки и, подняв полость-дверь, вошел в чум.

— Кто там был? — спросила жена.

Потрескивал огонь в чуме. Посапывали дети во сне. Глухо шептались сосны в бору.

— Зверь был, — ответил Стреляющий Глухарей.

— Ушел?

— Ушел.

— Обратного не вернется?

— Не вернется, — успокоил он. — Теперь не вернется.

Жена подложила дров в огонь и принялась за шитье. Старик раскурил трубку, два раза пыхнул ею и лег спать.

— Слышу, кто-то вокруг чума ходит, — говорила жена, поглаживая камус новых кисов. — Сначала подумала — олень ходит. А потом он начал нюки рвать. Тут я немного напугалась. Тебя стала будить. Всякий зверь охотника всегда побаивается. А женщину не боится. Они, звери, все понимают...

Она немного помолчала. Потом спросила:

— Ты почему ружье не взял?! Как в такую темень без ружья?!

Стреляющий Глухарей засыпал с трубкой в зубах. Это

самый сладкий сон. Голос жены доносился уже смутно, но смысл слов еще доходил до его сознания. Во-во, в такую темень куда ружье годится, мысленно возражал он жене. Никуда ружье не годится. И к тому же лед встал на реках. И снег был. В эту пору шуба у зверя льдом и снегом обрастает — никакое ружье не поможет. Пуля отскакивает, пуля его не берет.

Видно, жена и сама догадалась об этом, сказала:

— Хотя бы нож взял! Кто на зверя с голыми руками ходит?!

Что ножом сделаешь, возражал Стреляющий Глухарей. Так его и возьмешь ножом, если даже огня не побоялся. Куда там нож!..

Что дальше говорила жена, он уже не слышал — уснул с трубкой в зубах. Ночью только однажды просыпался. По горько-сладкому запаху нашел в потемках трубку, пустил облако дыма, повернулся на другой бок и снова захрапел.

Утром жена сказала ему:

— Ты, оказывается, зверя добыл?

— ...

— Возле нарт лежит. Посмотри.

Он надел домашние кисы и вышел на улицу. Возле нарт на сухой колодине, на которой он строгал копылья и полозья нартовые, лежал медведь. Ночной снежок припорошил его шубу, обледеневшую и клочкастую.

— Сколько в нем льда-снега, — пробормотал он.

— Чем ты его? Руками, что ли? — спросила жена.

— Чем? — переспросил он и, помолчав, сказал: — Сонный человек... чего только не наделает...

После завтрака он ободрал шатуна. Мясо, жилистое и черное, как уголь, сложил под деревом вдали от жилья и закидал ветками. Шкуру повесил на жердину между двумя соснами. Такова участь медведя-шатуна. Делая все это, он размышлял о том, за что Нум Торым наказал этого медведя, за что вовремя не уложил его в теплую берло-

гу, за что натравил на человека и на огонь. За что? И, размышляя о Нум Торыме, о медведе, о жизни лесов и болот, он неожиданно пришел к другой мысли: может быть, человек во всем виноват?! Может быть, человек не вовремя потревожил медведя и этим наказал его?! Может быть, и человек. Мало ли неразумных людей на белом свете.

Часть вторая
ТРОПОЮ МИКУЛЯ

Глава первая

ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ В ШКОЛУ

— Хорошо учись,— сказал отец.— Скажут считать — считай: один, два, три... Считать ведь умеешь.

— Считать я умею,— ответил Микуль.— Что я в школе буду делать?

— Бумагу читать научат, по-русски говорить научат и другим разным делам научат.

— В школу я не хочу. В тайге жить хочу, на охоту-рыбалку ходить хочу. Ты вот бумагу читать не умеешь, а звериный след читать можешь...

— Когда я маленький был, школы не было. Отец и мать бумагу читать тоже не умели — кто бы меня научил?.. Стреляющий Глухарей читать и писать не умел, а таежные тропы знал! И зверя, и рыбу умел брать! Что было на этой земле в его время — он все знал. Такой уж он был, все хотел знать, все постигнуть. Если бы школа

была — он бы обязательно учился, не обошел бы он школу стороной.

Замолчал Микуль, призадумался.

— Школа в большом селении, — продолжал отец после паузы. — А селение на твоей родной земле, а землю надо хорошо знать... Хорошо в школе учишься. Скажут считать — считай: один, два, три... Учишься, теперь все дети охотников учатся. Учишься и всегда о родившей тебя земле думай...

ПО НАСТУ

Микуль бесшумно мчался по насту. На полянках луч солнца на мгновение ловил его радостное веснушчатое лицо и всю проворную ладную фигурку. За ним едва поспевал неуклюжий круглолицый Егорушка из рода оленевода лесотундры. В тайге ему все было внове, но смелость и уверенность Микуля передавались и ему, рядом с другом он чувствовал себя отважным и смелым.

В эти благодатные весенние дни тайга властно манила ребят, и они, чуть забрезжит рассвет, тайком от всех поднимались и уходили из интерната.

Подражая опытным охотникам, мальчишки шли по тайге, прислушиваясь к весенним звукам. Изредка в первых лучах восходящего солнца где-то с шумом срывался с ветки и падал ледяной комок. Тогда Егорушка хватался за рукоятку ножа, висевшего сбоку в деревянных ножнах. Микуль с улыбкой объяснял другу звуки тайги, которых не надо пугаться, а просто надо знать. Они часами могли бродить по лесу, вслушиваясь в птичью перекличку, разгадывать замысловатые письмена на снегу, дышать смоляным настоем старого бора. В лесу не бывает мертвой тишины: в самую тихую погоду слышно, как перешептываются между собой кусты и ветки, как вздыхает древний дуплистый кедр.

Друзья шли к высокой гриве, что тянулась вдоль

урия — глухого речного залива, который мятой подковой огибал поселок. Там в прошлое воскресенье они видели много бурундуков. Весной рано утром зверьки выходят из норок и доверчиво идут на свист. Микуль подражал бурундучьему свисту. На его свист прибегает сразу несколько зверьков. Ребята выскакивают из укрытия и бросаются за зверьками. Бурундучок взбирается на дерево. Если он выбрал тонкую сосенку, то звероловы трясут дерево за ствол. Бурундучок падает и снова бросается в бегство, а ребята за ним.

На сосне бурундук по желтой коре не лазит — гладкая она. Он будет метаться по черной коре на нижней части ствола. Здесь и ловят его ребята петлей из прочной нитки.

Микуль и Егорушка уже четвертый год учатся и живут в школе-интернате. Ко всему привыкли, а без лесных зверюшек жить не могут. Чаще всего в живом уголке они держат бурундуков.

Колючий морозец освежал лицо, горячил щеки и руки. Дышалось легко и свободно. Солнце розово-желтым полукругом выплыло из-за леса и золотило верхушки сосен.

Тайга дышала резкой утренней свежестью. Такая свежесть бывает в тайге только ранней весной. Друзья тихо пробирались вдоль берега реки. Микуль неожиданно остановился, поманил рукой отставшего друга, раздвигая руками кусты, шепнул:

— Иди сюда! Лэйла ¹!..

И тут Егорушка, ухватившийся за рукоятку ножа, увидел такое, чему не сразу поверил. Среди кустов на проталине, под огромной сосной, лежал коричневый лосенок. Две пары удивленных глаз рассматривали беспомощное существо. А тот спокойно дремал, шевеля во сне торчащими на маленькой головке неестественно большими ушами.

¹ Лэйла — смотри.

Мальчишки замерли на месте.

— Живой... лосенок! — наконец прошептал непослушными от волнения губами Егорушка.

Друзья сделали шаг. Но лосиха сердито фыркнула и мотнула головой. Шерсть на холке нервно задвигалась. Она вплотную подошла к лосенку. Глаза ее пронзили ребят. А те ее не замечали. Они ничего не видели, кроме маленького лосенка.

Наконец лосиха опустила тяжелую голову и начала лизать наст, а затем влажными губами сорвала с ветки лишайник. Друзья, молча переглянувшись, стали медленно отступать в кусты. Потом повернулись и, не сговариваясь, помчались в сторону поселка. Перевели дух лишь на окраине селения, возле школьной конюшни.

— Есть она хочет! — уверенно заговорил Егорушка. — Давай отнесем ей сена, а?!

— Сена?! — переспросил Микуль. — Я думаю, надо им осиновых веток. Они кору осиновою любят.

— Можно и оспну и сено!

— Давай так: я наломаю веток, а ты сено возьмешь. Только быстро!..

— Да я мигом! — весело откликнулся Егорушка.

Вскоре ребята вернулись на полянку к лосям, положили осиновые ветки и охапку сена на снег и отступили в кусты. Лосиха подошла к веткам, обнюхала их и уставилась на ребят. Запах корма, видимо, дразнил ее, а инстинкт подсказал, что ребята ничего плохого им не сделают, — и она начала есть.

Друзья сидели под кустом и как зачарованные смотрели на маленького лосенка и его мать. Запасливый Егорушка достал из-за пазухи краюху хлеба, разломил ее пополам и один кусок отдал другу.

Только они принялись за завтрак, как лосиха вдруг насторожилась. Она бросила корм. Большие уши поднялись и замерли. Немигающие глаза смотрели на ближайший от мальчиков куст. Друзья повернули головы и...

совсем рядом увидели человека с ружьем. Руки поднимали к плечу двустволку. В тишине необычно громко щелкнули курки. Черные стволы выискивают самое уязвимое место — нижнюю часть левой лопатки. Корявый толстый палец нащупал спусковой крючок. Мгновение — и безжизненное тело таежной красавицы рухнет на твердый апрельский наст.

— Стой!.. — в голос взвизгнули мальчишки. — Это наш!.. Наш!

Ружье в руках опешившего браконьера вздрогнуло и медленно опустилось. Он злобно глянул на ребят и процедил сквозь зубы:

— У-у-у, гаденыши!

Потоптался еще немного, потом закинул ружейный ремень за плечо, резко повернулся и скрылся в кустах.

— Кто это был? — спросил пришедший в себя Егорушка. — Я только ружье видел, не успел на него взглянуть...

— Кирюха, — ответил Микуль. — Я его сразу узнал!

В интернат ребята вернулись поздно вечером и улеглись в кровати сразу же, как только воспитательница Нина Ивановна объявила отбой. Но заснуть не смогли. Когда все успокоились и стало тихо, Микуль встал и шепотом спросил друга:

— Не спишь?

— Нет, — ответил Егорушка. — Какой тут сон!

— Как ты думаешь, он больше не придет?

— Кирюха-то? Кто знает?

— Пойдем.

Друзья тихонько оделись в темноте, босиком вышли в коридор и бесшумно проскользнули мимо дремавшей ночной сторожихи. Обулись на крыльце.

Короткая весенняя ночь светла и тепла. Тайга в сумерках особенно таинственна: полумрак мохнатым покрывалом окутал деревья и кусты. Боровые сосны казались застывшими богатырями.

Вот и чернотелая косматая сосна, окруженная стайкой мелких кустов. Стараясь не шуметь, друзья замедлили шаг. Но когда приблизились к заветному дереву — увидели в полумраке широко утоптаный снег да под сошной на проталинке коричневые шерстинки. Найдя на краю поляны лосиные следы, Микуль обнаружил на плотном насте глубокие ямки от острых копыт лосенка.

— Ушли!.. — вздохнул Егорушка.

Как будто ушедшие лосиха с лосенком могли услышать, друзья закричали в голос:

— Приходите еще!..

И темный весенний лес повторил:

— Еще-о-о!..

Глава вторая

ДОМА НА КАНИКУЛАХ

— Почему зима такая длинная, а лето такое короткое? — вслух думает Микуль.

— Я про это легенду слышал, — сказал отец. — Прежде наши рассказывали. И Стреляющий Глухарей рассказывал... В давние-давние времена здесь стояло вечное лето. Много света и тепла было. И было много птиц: зеленых, голубых, розовых, белых. Взмахом крыльев они солнечное тепло и солнечную ласку притягивали. И само солнце притягивали. Но однажды пришел человек с черным сердцем и птичьи гнезда разорил. Птицы на человека обиделись, в далекие края улетели и с собой солнечное тепло и солнечную ласку унесли. И тогда пришла бесконечная ночь, и снежная зима пришла, и жестокий холод пришел. И стало человеку и холодно, и голодно, и жутко.

— А потом что? Что же потом?

— А потом... птицы пожалели человека и ему тепло на короткое время стали приносить, чтобы его согреть,

чтобы его суровую югорскую землю обновить. Так передавал мне легенду Стреляющий Глухарей.

ЖУРАВЛИ

В теплый весенний день по узкой тропке, что вела к речонке Еганишке, спешили трое мальчишек. Впереди старшекласник Пенчо. Дома у него настоящее охотничье ружье есть. Микуль и Егорушка завидовали ему, но старались не показывать этого. Пенчо ни минуты не мог молчать, все время рассказывал какие-то небылицы, что-то придумывал.

— В прошлом году я медвежонка поймал! — рассказывал он, оглядываясь на друзей. — Он был маленький такой, а потом вырос и стал вот так-ким! Громадным, как... пень столетнего кедра. Ну, гляньте! — И он разводил руки и показывал, каким стал медвежонок.

— За одно лето таким стал? — сомневался Микуль. — Такое не бывает!

— Отец, наверное, поймал, — не поверил и Егорушка. — Медведь сильный — в стаде любого оленя свалит! — со знанием дела заключил сын оленевода.

— Буду я врать! — презрительно усмехнулся Пенчо. — Со мной еще не такое приключалось. Рассказать — так ахнешь!..

Через минуту он уже болтал о чем-то другом.

А Микуль больше молчал. Он считал, что в тайге должны разговаривать деревья и травы, мхи и воды. А люди должны слушать.

Деревня скрылась за порыжевшими ветвистыми сосенками. Вышли на берег Еганишки, остановились на небольшой проталине с молодыми березками. Пенчо постукал по стволу березы и вытащил нож. Все приготовились полакомиться березовым соком, но напрасно: сока не было, дерево получило еще мало тепла, не проснулось.

Вдруг над головой раздалось приветливое и радостное: кур-лы, кур-лы-ы, кур-лы-ы-ы!

По-над Еганишкой низко-низко летели три журавля. Пенчо сложил ладони рупором и издал протяжное и зовущее: кур-лы, кур-лы-ы!..

Журавли слышали зов. Плавно, с достоинством описали над ребятами круг и, не обнаружив среди кочек своих сородичей, опустились на край соседнего болота, чтобы отдохнуть и поесть прошлогодней клюквы. Мальчишки стремглав понеслись в ту сторону. Проваливаясь в ямки между кочками, наполняя талой водой изношенные сапоги, они мчались за журавлями.

Птицы стояли у маленького круглого озера и подбирали клюкву.

— Стой! — скомандовал Пенчо. — За кусты! Прячьтесь!

Молча смотрели на журавлей. Смотрели, как они вышагивают на высоких ногах, наклоняются за ягодками, оглядываются вокруг, словно выискивают знакомые кочки и болотца, где садились в прошлом году.

— Снимай рубашку! — приказал Пенчо, повернувшись к Егорушке. — Давай быстрее!

Он срезал кривую ветку сосны, торопливо обмотал ее серой рубашкой. А на длинную жердь привязал нож — получилась пика. Натянул на себя серое пальто, к голове приставил сучок сосны и, изогнувшись как журавль, двинулся к птицам. Издали он все-таки смахивал на журавля.

Ребятам он велел притаиться за кочкой. И те молча наблюдали за ним. А птицы спокойно прогуливались по болоту. Пенчо подходил все ближе и ближе...

Тут Микуль вспомнил легенду о том, что весну на эту землю приносят перелетные птицы. Эта земля — их родина. Не надо без нужды убивать птиц. Ведь они могли бы не летать сюда, им хорошо и в теплых краях. А они вот летят, чтобы людям хорошо было.

Вспомнил Микуль легенду, и показалось ему, что Пенчо хочет весну убить.

— Вернись! — закричал он и бросился за Пенчо.

— Уйди прочь! — Пенчо толкнул Микуля в грудь.

Тот, падая на мшистую кочку, успел схватить противника за ногу. Оба скатились в бурю мокрую кашицу болота.

«Кур-лы-ы!» — услышал Микуль и повернул лицо.

В далеком безоблачном небе плыли журавли. Микуль забыл о своем разбитом носе и о холодной лужице, куда упал. Его лицо озарила улыбка: вестников весны не убили. Журавли живы, и весна жива.

Глава третья

У ОЗЕРА ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

— В давние времена здесь водились волки, — рассказывал отец. — Я еще маленьким был, помню, ночью однажды на наше пастбище два волка приходили. Долго выли. Отца дома не было, мы с матерью вдвоем. Она не может меня одного оставить, чтобы пойти оленей проведать. Мать говорит, волки воют — это они у Торыма оленей выпрашивают. Если разрешит — то оленей больше не увидим. Говорит, волк зря оленей не трогает. Когда Торым разрешит — только тогда он домашнего оленя зарежет.

— И они напали на оленей?

— Нет. Мать утром пошла за оленями — все они на одном месте были, спокойно паслись. Волки мимо них, через все пастбище прошли, потоптались и в сторону болота ушли.

— А после не приходили?

— Нет, больше не приходили. Я не слышал, чтобы они где-то в этих краях появлялись. Сколько лет прошло после этого — не было их... Предки наши говорили, волк зря домашних оленей не трогает. И твой дед так же говорил...

Только однажды вовсе необыкновенный случай вышел. Ты еще маленький был, в школу не ходил.

Но Микуль помнил тот случай.

КУТЮВИ

Лайка Кутюви таинственно исчезала и снова появлялась. Хозяйка ласково просила собаку не оставлять дом, гладила ее по голове, сытно кормила, но ничего не помогало. Приходило время — и Кутюви исчезала. Хозяйка ничего не могла понять. А потом Кутюви и вовсе удивила ее: стала воровать! Кутюви — воровка! Хозяйка никогда бы этому не поверила, если бы не увидела все собственными глазами. Сначала она заметила небольшой лаз в углу кул хота¹. Подумала, что он просто прохудился, обломались ветки и осыпался снег с улицы. Но через день лаз заметно стал побольше, и будто по нему что-то волоком тащили. Она решила, что повадился какой-нибудь зверь. Может быть, песец. Песцы не боятся жилья. И когда с тундры их много приходит, они обычно заходят даже в кораль² в надежде чем-либо поживиться. Она хотела поставить в лаз капкан и поймать зверя. Если песец — какая это удача! Но потом подумала: пусть этим делом займется муж, ведь он большой мастер настораживать капкан. Муж вернулся через три дня, и она сказала, что кто-то повадился в кул хот и таскает рыбу. Утром муж сходил туда и с улыбкой сказал:

— Это Кутюви!

— Что ты говоришь?!

— Кутюви таскает рыбу.

¹ *Кул хот* — «кул» — рыба, «хот» — дом. Конусообразный сарай из веток и жердей с круглым или квадратным основанием, зимнее хранилище для рыбы и мяса.

² *Кораль* — у хавтов: изгородь вокруг дома, куда загоняют оленей.

— Может быть, это песец?!

— Нет, не песец. В этом году песцов мало.

— Или росомаха. Ведь росомаха — большой пакостник! Это все знают.

— Что я — росомаху от Кутюви не отличу? — рассмеялся муж.

— Кутюви никогда не воровала! — убежденно заговорила хозяйка. — Что хочешь рядом с ней положи — без разрешения не возьмет. С голоду умрет — не возьмет.

— Поставь капкан — сама увидишь, кто рыбу ворует! — посоветовал муж и выдал свой главный аргумент: — На ветках в лазу я нашел шерсть Кутюви!

Хозяйка сбегала в кул хот и убедилась: на ветке клок белой шерсти. Но почему Кутюви стала воровать рыбу? Вернувшись в дом, спросила у мужа:

— Для чего ей рыба? Разве она голодная?!

— У собак иногда бывает такое, — ответил муж. — Про запас пищу прячут. На черный день.

— В этом году она не такая, как в другие годы. Что-то с ней случилось. Может, стареет — вот и чудит.

— До старости ей еще далеко. Не очень старая она.

Днем, после отъезда мужа, хозяйка подозвала Кутюви к лазу и повела разговор:

— Ты зачем продырявила кул хот, а?! Ты зачем рыбу вороешь, а? Разве ты голодная? И не стыдно тебе, Кутюви? Не стыдно, а? Вижу — стыдно тебе! Стыдно!

Кутюви внимательно прислушивалась к голосу хозяйки, отведя в сторону умные всепонимающие глаза, и слабо помахивала хвостом.

— Смотри, больше не воруй, — выговаривала хозяйка. — Не позорь себя и меня, твою хозяйку. И хозяина не позорь. Слышишь?! Ты ведь все понимаешь, все!

Хозяйка закрыла лаз сосновыми ветками, а с улицы закидала снегом. Нечего собаку к беспорядку приучать, пусть ест то, что ей дают, решила она. И с тревогой оглянувшись на свою любимицу, поспешила в дом.

И вспомнила она недавний случай.

В тот вечер муж вернулся домой с охоты на дальнем урочище, где пробыл более недели. И за ужином жена рассказала ему домашние новости. Дочка выучила несколько новых слов. Сын Микуль играл только на улице, в дом его невозможно было затащить. Олени не болеют, сами домой приходят каждое утро. С большого болота прилетали куропатки, целый день паслись возле кораля.

— Одно плохо — Кутюви пропала,— сказала жена.

— Куда же? — спросил муж после паузы.

— Кто знает?! Отвязалась — и пропала. Мы думали, за тобой убежала.

— Ко мне не приходила.

— Жалко,— опять вздохнула жена.— Все понимала, только говорить не могла. А понимать — все понимала. Жалко, если в урман ушла¹.

— Куда она могла убежать? — соображал хозяин.— Жилья вблизи нет. Люди далеко. Сколько здесь живем, к людям она никогда не убегала. Неужели и вправду в урман ушла?

— И такая послушная была! — вспоминала жена.— Что скажешь — все сделает. Скажешь «ложись» — ляжет. Скажешь «молчи» — молчит. Голос зря никогда не подавала. Только по делу лаяла.

— Надо было все-таки вторую собаку завести. Все бы ей веселее было,— и хозяин тоже пожалел Кутюви: она хороша была на белку и глухаря. Шла и на выдру. Осенью без такой собаки как без рук.

Пужинав, легли спать. Жена все вздыхала и вспоминала Кутюви. Утром она сказала мужу:

— Может, поищешь?

— Где искать? Снег был. Буран был. Все следы за-

¹ В урман уйти — устойчивое словосочетание, означающее — погибнуть. Так говорят о домашних животных.

несло.— Помолчав немного, добавил в раздумье: — Да и ни к чему искать. Если жива — сама придет.

— Так-так: если жива — придет! — подтвердила жена.— Она свой дом любит.

Днем хозяин уехал на болотную реку проверить морды на окуней и щук. В последующие дни ездил на водораздел настораживать капканы на песца. Пришло славное время его любимой охоты — на подволоках скрадывал зверя по свежему следу, оставлял на звериных тропах силки и капканы. Теперь он целыми днями пропадал на болотах и в урочищах. Благо, места были отдаленные и зверья-птицы было достаточно. К северу начиналась ненецкая земля. Там он ни разу еще не встречал охотников. Так и жил с семьей в уединении. В поселок ездил только при большой нужде — по малоснежным болотам добирался за два дня. И то на резвых оленях и на легкой нарте. Из-за этой отдаленности сюда почти не заезжали охотники. Но ему нравилось здесь, и он не думал покидать эти места.

Однажды вечером жена радостно сказала охотнику:

— Кутюви вернулась.

— Вернулась так вернулась,— проговорил хозяин, думая о чем-то своем.

— Худая такая. И где только носилась?!

— Накормила?

— Накормила. А пришла когда — олени дома были. Так оленей напугала. Раньше олени не боялись ее. А тут вскочили — и врассыпную! С чего бы это? Никак не пойму!

Они подошли к конуре. Кутюви выскочила навстречу им, взвизгнула и лизнула руку хозяйки, словно извиняясь за долгое отсутствие. Но к утру вдруг встревожилась и начала повизгивать. Хозяин вышел и прикрикнул на нее — замолчала. А после его отъезда на охоту она завыла жалобно и тонко. И когда хозяйке невольно стало от ее воя, она отвязала собаку.

— Я отпустила тебя, но ты не убегай! — попросила женщина. — Слышишь, Кутюви, не убегай!

С тех пор Кутюви не привязывали. Она не лезла туда, куда не разрешали хозяева. Днем лежала в конуре или сидела в сенках избушки. Когда хозяин проверял морды и привозил рыбу, она крутилась вокруг нарты до тех пор, пока не получала одну-две рыбы. Если хозяйка открывала кул хот, она делала то же самое — ждала рыбу. А когда маленький хозяин — Микуль — выходил на улицу поиграть, она бросалась к нему. И тот, тайком от родителей, давал ей солидные куски мяса и рыбы.

А потом она снова продырявила кул хот. Теперь уже в другом углу. Хозяйка сказала об этом мужу. Тот промолчал в раздумье, словно разгадывая какую-то тайну, затем ответил:

— Одна собака нас не объест!

«Оставь ее в покое!» — поняла жена и уже не жаловалась на Кутюви — в покое так в покое. А Кутюви по-прежнему исчезала, появлялась, куда-то прятала все съедобное, что ей попадалось. Хозяева, занятые своими делами, теперь почти не обращали на нее внимания. Пришла весна, у нее всегда много забот.

На весновку решили переехать поближе к поселку на приток реки Аган. Встали рано утром и начали готовиться к касланию: выносили и укладывали вещи. Кутюви подходила то к одной, то к другой нарте. Обычно она всегда радовалась перекочевке, а сегодня будто опечалилась. А перед самым отъездом Кутюви исчезла. Никто не заметил, куда она убежала. Кричали, звали ее — не пришла.

— Ладно, если захочет — догонит! Места ей знакомые! — сказал хозяин и тронул упряжку.

Неспешно проехали сосновый бор, миновали неширокое болото и спустились на озеро. Нарты были тяжелые, поэтому часто останавливались, чтобы олени могли отдышаться. После очередной остановки хозяин услышал крик жены:

— Стой, остановись!..

Он нехотя остановил упряжку — что там опять случилось.

— Смотри, Кутюви идет! — кричала жена. — И кого-то ведет.

Хозяин повернулся назад и прищурил зоркие глаза. Вслед за ними с берега на озеро спускалась Кутюви с тремя уже подросшими щенками. А за ними... Нет, не собака, сразу понял хозяин. По поджтому хвосту и ушам определил — светлый полярный волк. Ступал волк мягко и осторожно, словно шел по топкому болоту. Выйдя на открытое место, он остановился — настороженный и недоверчивый. Казалось, в любой миг он готов ринуться обратно. Кутюви оглянулась на него и тоже остановилась в нерешительности, затем присела на задние лапы. Только щенята беззаботно завозились возле матери — играли.

Все молча рассматривали друг друга — люди, Кутюви и волк. Было тихо. Было солнечно. Было тепло. Подтаивал снег.

До зверя было далеко, и хозяйка не сразу поняла, что это волк. Наконец она удивленно прошептала:

— Смотри, Микуль, это Кутюви и... Высоконогий!¹.. Я уж думала, Кутюви совсем из ума выжила!..

Когда упряжки тронулись, муж оглянулся и увидел, как Кутюви встала и пошла с щенятами за нартами. А за ними, все еще недоверчиво, тронулся полярный волк. «Ему, наверное, в тундре тяжело без людей, — подумал хозяин о волке. — Одному тоскливо стало, не выдержал — вот и пришел к человеку».

Волк мелкой рысцой трусил вслед за караваном.

— А он оленей не напугает?! — встревожилась жена.

— Оленей? — наконец переспросил муж. — Не должен напугать. Это теперь домашний волк.

¹ *Высоконогий* — так в разговоре обычно называют волка.

В долгие зимние вечера, вернувшись с охоты и поужинав, отец иногда вспоминал эту историю. Микуль слушал, смотрел на веселые языки пламени в чувале. И ему уже казалось, что не пурга завывает за стенами старого зимовья, а одинокий полярный волк, которому нелегко в тундре без людей.

И, должно быть, всему живому нелегко в снегах без тепла человеческого дыхания, без человеческих троп и дорог.

Глава четвертая

НА ЯГЕЛЬНИКАХ ВАТЬЁГАНА

— Медведь всегда охотника предупреждает,— говорил отец Микулю.— Если вздумает напасть. Охотник однажды возле реки заночевал. От комаров полог натянул и тут же заснул. А разбудила его вода — сверху капает. Удивился — откуда вода?! Видно через полог — раннее утро, солнце взошло. Ни облаков, ни дождя. Тут слышит — шаги, кто-то идет. Сразу спящим притворился, похрапывает себе. А вполглаза видит: медведь подошел — и полную пасть воды на полог. И снова к реке.

— Додумался — водой будить! — удивился Микуль.— Мог ведь и прихлопнуть сонного человека!

— Однако такой грех не взял на свою душу,— вставил отец.— Разбудил охотника. Бывает, раненый или в злобе бросается к человеку. На испуг хочет взять. Вот тут на уши надо смотреть. Если они прижаты к голове, не видно их — значит, наложит лапу на человека, надейся только на свою силу и умение. Если уши видны, торчат в стороны — не тронет человека, уйдет по-доброму. Стреляющий Глухарей, бывало, так говаривал: посмотри внимательно на медведя — сразу поймешь, что у него на уме: хорошее ли, плохое ли. Он ничего от человека не скрывает. Доверять надо ему.

НА ПАСТБИЩЕ

Прошлым летом Демьян крепко обругал медведя. Уж очень разозлился. Ведь надо же придумать такое — целый мешок муки пустил по ветру. Ладно бы, если слопал. Можно понять — голод что угодно заставит сделать. А то ведь явно из озорства напакостил. Кочевали со стадом по болоту. На старой стоянке Демьян оставил нарту-ларь для продуктов и мешок муки. Через день поехал за ними и вскоре вернулся угрюмый и злой. Подошли пастухи узнать, что случилось. Оказалось, на становье набрел медведь и вспорол уголок мешка с мукой. Видно, понадеялся найти лакомство, но мука явно пришлась ему не по вкусу. И разочарованный зверь рассыпал всю муку по становью — то тут, то там. Носился с мешком до тех пор, пока сыпалась мука. Затем выкинул пустой мешок в лужу и поплелся по своим делам.

Подивились пастухи его озорству.

— Мых пыкем, такой-сякой! Там бы сидел — так я бы его проучил! — ругался Демьян. — Запомнил бы навеки, так бы его проучил!

— Наверно, лепешки собирался испечь! — сказал кто-то из пастухов. — Печку ему надо было еще оставить.

— Я бы ему такую лепешку испек — навсегда отбил бы охоту к хлебному! — не мог успокоиться Демьян. — Я бы ему!..

— Не голодный был, однако, — сказал отец Микуля. — Это он озорство свое показал.

— Когда-нибудь он попадетя мне на глаза! Попадетя — тогда сочтемся за муку! — не унимался пастух. — Слышишь, косолапый вор! Слышишь, косолапый пакостник! Попадись мне на глаза! Я косые твои лапы поправлю мигом — чтобы знал, что ими можно трогать, а что нельзя.

— Зачем его так? Поругал и хватит, — испугалась жена Демьяна. — Услышит — добра тебе не видать.

Микуль впервые слышал, как ругают хозяина тайги, самого сильного и умного зверя. Все грехи посыпались на него. И Микуль спросил у отца, разве можно так о медведе. Отец немного помолчал и ответил, что Демьян — взрослый человек: говорит — значит, понимает тяжесть своих слов. Каждый берет на себя то, что ему под силу. Но Демьян, кажется, немного перебрал. Ведь медведь-то взял у него не последний кусок хлеба. Не последний...

А Демьян все не мог остановиться, разошелся вовсю: — Где ты, пакостник такой-сякой?! Слышишь меня?! Черта ты услышишь!

Медведь и вправду не услышал Демьяна и на глаза ему не попадался. Не попадался в июле, когда пасли стадо на болотах. Не попадался в августе, когда перекаслали в сосновый бор и пустили оленей на жировку. Не попадался и в сентябре, когда Демьян с карабином за плечом обходил пастбища. Не попадался, как в воду канул. А затем Демьян и вовсе забыл о медведе. Не думал о нем и сейчас, возвращаясь с объезда пастбища на четырех быках. Голова была занята другим. Низенький и плотный, он крепко сидел на нарте, чуть наклонившись вперед. И, сощурившись от скромного осеннего солнца, укладывал в цепкой памяти все, что видел: где и сколько приблизительно оленей пасется, куда ведут следы, сколько оленей болеет, где их следует искать по первому снегу. Его черные быстрые глаза схватывали все сразу: и болото слева, и желто-светлую полоску яра справа, под которым течет река Ампута, и песчаную нитку дороги, что убегает вдаль по узкому сосновому бору, и темные спины четырех быков, что легко тянули нарту по опавшей хвое и шишкам.

И тут — Демьян вздрогнул от неожиданности — медведь из-под яра.

Бурый медведь семенил вперевалку, не спеша. Демьян понял, что тот еще не увидел человека и упряжку оленей, и рванул вожжу на себя — четыре быка подошли к

нему вплотную. Теперь он не видел медведя — его закрыли собой олени. Но Демьян почувствовал, что зверь увидел оленей и сейчас мчится прямо на них. Времени оставалось совсем немного. И Демьян яростно стал наматывать на правую руку вожжу, чтобы удержать быков, когда они рванутся.

Раз мотнул. Другой мотнул.

И мысль его понеслась в глубь прожитого им времени, обгоняя движения мечущихся рук.

Удержать оленей. Девять лет пасет колхозное стадо. Всяко приходилось, но черной осенью ни разу не упустил упряжку. Ни разу. Олень зацепится ремнем за дерево и, если не найдешь его, погибнет. По черной земле где его искать? Нет следа. Выпадет первый снег — тогда другое дело. Но до снега еще недели две, если не больше. Четыре здоровых ездовых быка — это слишком много. Рыбакам-охотникам и так не хватает оленей. А через полмесяца они приедут... Снег бы побыстрее! Но и по снегу всяко бывает. Повезет — отыщешь! Не повезет — и следов не увидишь. Но лучше удержать! Удержать, удержать!..

Трижды мотнул. Медведь набирает скорость.

Вспомнил, как в детстве впервые увидел медведя. С отцом плыли по таежной реке. Медведь собирал черемуху. Запомнился почему-то ярко-желто-бурым. Такого ярко-желтого медведя больше никогда не видел. Он стоял на задних лапах и показался очень высоким и большим. Но мальчик не испугался — отец был спокоен. А медведь оглянулся на обласок и, будто нехотя, недовольный тем, что прервали ужин, скрылся в кустах. После, уже став охотником, Демьян не однажды встречался с медведем. Сам низводил четырех зверей. Робости в себе не чувствовал. Но, увидев медведя, всегда вздрагивал. Вздрагивал в первое мгновение. Потом начинал делать то, что нужно было. Он уважал медведя и ладил с ним. Все говорили, что характеры у них одинаково вспыльчивые. Мед-

ведь быстро выходил из себя. И он — тоже. А в гневе самыми последними словами крыл медведя, если тот шкодил ему или оленям. Аж бывалым охотникам становилось не по себе.

Четвертый виток. Медведь разогнался вовсю.

Пятый виток. Шестой. Медведь мчался в мшистом вихре.

Утром Демьян спешил — надо за день объехать несколько боров и болот. Запряг оленей и сразу тронулся в путь. Уже отъехав, обнаружил, что нет ни ружья, ни карабина. Но возвращаться не стал: авось не пригодится. Теперь уже нечего жалеть об этом. Если бы даже было ружье, все равно оно сейчас ни к чему — то ли за ружье хвататься, то ли за вожжу. Возьмешь ружье — оленей надо бросить, не удержать их. Может быть, и хорошо, что ружья нет. Иногда без ружья лучше.

Седьмой виток. Медведь пылит во всю мочь.

Конец вожжи попал под левый полоз нарты. Демьян яростно дернул раз, другой. Наконец выдернул вожжу. Руки заметались еще быстрее.

Восьмой виток. Медведь все ближе, ближе.

Неужели не удержать?! Нет, намотал крепко — разве что с рукой оторвут?! А силы много в четырех быках, что запрягают в черную осень, когда нарта ходит по песку и хвое. Быки приучены к тяжелой нарте. Если рванутся — только чудом можно удержать. Но, может, медведь свернет в сторону и не напугает оленей?! Кто знает, что у него в голове. То ли свернет, то ли не свернет. Трудно удержать таких быков! Один вожак Высокий Рог чего стоит?! Рослый и плотный, силы у него — что у лошади. Это главный вожак Демьяна. У каждого пастуха по одному главному вожаку. Особой резвостью не отличается, но у него сила и хороший ход по глубокому снегу. В бездорожье он никогда не останавливается и не ложится. Демьян обучил его нарте пять лет назад, а в позапрошлом году сделал его главным вожаком и очень ценил и уважал за

спокойный характер. И кажется, впервые сила вожака обойдется ему боком!..

Девятый виток. Медведь все ближе и ближе.

Забеспокоились олени — переступают с ноги на ногу, подняли уши, оглядываются. Только второй в упряжке, рядом с вожаком, бык Ворон еще ничего, кажется, не подзревал. Он наклонил голову и хватал кусочки ягеля. Видно, проголодался и поэтому решил, что остановили для кормежки.

Десятый виток. Медведь где-то совсем рядом.

Демьян оглянулся в ту сторону — ничего не увидел. Олени полукругом закрыли его от зверя. Они тоже не видели еще медведя, тот был позади них. Но они почувствовали приближение опасности. Третий бык, Вондыр, и крайний справа, Торых¹, рванулись вверх — встали на дыбы. И гулко ударили копытами по остывающей земле.

Еще виток. Медведь где-то тут.

Демьяну показалось, что он уже слышит тяжелое дыхание зверя. Не видит его, но дыхание слышит. Вожак расширил лиловый глаз. И в этом огромном глазу, видел Демьян, мелькнул маленький человек с откинутым капюшоном малицы. Мелькнули черные усы, копна черных волос и бледное тонкое лицо. Все мелькнуло и пропало. И в то же мгновение бешено рванулись вверх правые Вондыр и Торых. Затем рванулись Высокий Рог и Ворон. Они рванулись вразнобой. Сначала правые, потом левые. Поэтому Демьян удержал их.

Еще виток.

Олени опять рванулись. И опять вразнобой. Сдавленная вожжой, рука тупо заныла, затем онемела и будто омертвела вдруг.

Не успел сделать виток. Упряжка метнулась влево — обошла Демьяна. За оленями нарта крутанулась вокруг

¹ *Вондыр и Торых* — Выдра и Журавль. Всем оленям обычно дают имена.

пня. И Демьян столкнулся с медведем. Рост в рост. Лицо в лицо¹. Медведь стоял на задних лапах. Их разделяла только нарта.

Тут олени рванулись враз. Вожжа лопнула, и быки с нартой полетели прочь.

Человек и медведь. Теперь ничто их не разделяло.

Рост в рост. Лицо в лицо. Глаза в глаза...

Медведь смрадно выдохнул — выдох пронзил Демьяна с волос до пяток... Медведь упал на передние лапы и рванулся прочь. Упряжка в одну сторону, медведь — в другую.

Наконец Демьян вдохнул воздух. Медленно оживали глаза. Медленно оживало сердце. И разум возвращался не сразу.

Глаза видели: невдалеке нарта наскочила на сосну — лопнул упряжный тяж, и нарта осталась. Быки четвериком летели прочь. Затем они обошли дерево с разных сторон, порвался еще один ремень, и теперь неслись они парами — левые вместе и правые вместе.

Умчались олени.

Умчался медведь.

Демьян медленно и бездумно переступал с ноги на ногу. Затем ноги повели его к нарте. Покачивалась земля. Покачивались сосны. В голове не было ни одной мысли. Глаза бездумно натыкались на плавающие в тумане деревья и кусты. Левая рука нашла омертвевшую правую и машинально стала разматывать вожжу.

Один виток. Второй.

Вот идут куда-то сосны. Плышет пень. Ползет валежина.

Третий виток.

Куст багульника бежит от болота к реке.

Четвертый виток.

¹ Охотники-ханты считают, что у медведя не морда, а лицо, как у человека.

Нарта обходит сосну, катится куда-то без оленей, сама собой.

Пятый виток.

Все качается. Все куда-то плывет.

Рука размотала вожжу и бросила. Глаза наткнулись на аркан, что лежал на нарте. В голове, видно, родилась первая слабая мысль: «Аркан нужен». Рука взяла аркан, а ноги понесли его в сторону дома.

По-прежнему покачивалась земля. Покачивались боро-вые сосны.

На другой день пастухи приехали на яр, где Демьян оставил нарту. На подмерзшем ятеле все хорошо было видно: и следы полозьев, и следы четырех оленей, и следы человека.

Только возле пня, вокруг которого проехала нарта, не нашли медвежьих следов. В стороне есть следы, а возле пня нет.

— Наверно, на полозе нарты стоял, — предположил отец Микуля. — Видно, прокатиться решил. Не в воздухе же висел?!

— Точно, на одной нарте вы проехали, Демьян! — заулыбались пастухи. — На одной нарте с медведем!

В тот же день разыскали и поймали трех быков с лямками. Четвертого, Торыха, заарканили по первому снегу. Все выжили. Только аркан нигде не мог найти Демьян: и домой не принес, и на нарте его нет.

— Одно хорошо помню: взял аркан! — говорил Демьян. — Точно помню: взял! А вот где он — не знаю! И куда дел?!

У Микуля этот случай не выходил из головы. И он как-то спросил у отца, когда тот приехал домой:

— Почему медведь так напугал Демьяна? Может, потому, что тот поругал медведя летом? Крепко ведь поругал.

— Не думаю. Вряд ли из-за этого. Демьян сам виноват: ввел медведя в заблуждение! — объяснил отец. — Медведь вышел из-под яра, смотрит — олени стоят. Помчался к ним. А Демьян-то маленького роста, не видно его из-за оленей. Он там стоит, знай себе наматывает вожжу на руку. Лишь когда олени отскочили и рванулись вокруг пня — медведь столкнулся лицом к лицу с человеком. Медведь, видно, тоже крепко напугался — не ожидал увидеть человека. А потом опомнился первый и кинулся прочь... Не было у него в голове плохой мысли. Это человек ввел его в заблуждение. Ему надо было покричать медведю, показать надо было, что эти олени — с человеком. Медведь сразу бы ушел своей дорогой. Не надо вводить зверей в заблуждение.

Глава пятая

В ПЕРВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН

— Наш род издалека идет, — ответил на вопрос Микуля отец. — Родоначальник нашего рода водяной зверь — махи¹. Мы из рода махи — твои родственники, братья и сестры, дядья и тети. Вот у Лейковых другая фамилия, а все равно наши родственники. Потому что они тоже из рода махи.

— А я думал, мы из рода какого-нибудь большого зверя, — разочарованно признался Микуль. — А что махи?! В школе на картинке видел — совсем маленький зверь. И в наших краях его совсем нет. Одно только имя сохранилось — махи.

— Верно, зверь не крупный и в наших краях его давно нет. Но он был когда-то здесь самым сильным зверем,

¹ *Махи* — бобр.

самым ценным зверем. Их тут много водилось. Об этом говорил и мой отец Стреляющий Глухарей. Но потом, еще во времена белого царя, люди побили всех махов. Побили, потому что у них были самые дорогие шубки. Вот и не стало маха. Стреляющий Глухарей говорил, что, когда люди станут добрее, махи понемногу начнут возвращаться на свои старые места на таежных реках. Ты еще увидишь их.

У ОСЕННЕЙ ВОДЫ

Вода на озере была тихой и печальной. По ней проносились лучи солнца и плыли осенние облака. Они набегали на медведя — и тот становился еще темнее. Голова его у самой воды. Но озеро было спокойным, и вода не тревожила сон зверя.

Микуль подгреб поближе — медведь даже не шелохнулся. Что же с ним случилось, соображал Микуль. Может быть, кто упустил раненого зверя. Но в окрестностях, он знал это, никто не стрелял в медведя. Может, стреляли из вертолета? Но в последние дни в этой стороне не слышно было вертолетов. Что же случилось с медведем? Он еще ни разу не слышал, чтобы медведь просто так умер от старости или болезни и кто-то находил его мертвого, погибшего своей смертью. Не рассказывал об этом и отец. И дед, Стреляющий Глухарей, по слухам, никогда не видел такого. В тайге так просто ничего не случается.

Микуль причалил обласок и вышел на берег. Он постоял в раздумье над зверем и двинулся по медвежьему следу, что привел его в приречный осинник. Сначала примятый багульник, расцарапанные кочки, вывернутый болотный мох. Затем поляна в осиннике, поломанные кусты и ветви. След лосихи. Копыта ее глубоко вонзались в плотную урманную глину — значит, неслась галопом, во весь дух. Вот тут и побывал медведь.

Микуль шел по следу и увидел все, что случилось здесь...

...Лосиха паслась в осиннике. Она лакомилась корой молодых осинок. И тут па нее наткнулся медведь-охотник. Он бесшумно подкрался и рванулся к ней. И уже встал на задние лапы, и уже сверху падал на свою жертву — но тут лосиха метнулась в сторону. И он, падая, лишь одной лапой задел лосиху. В когтях остались клочок шерсти и капли теплой крови. Передние лапы больно шмякнулись о глину. Медведь быстро повернулся и помчался за лосихой. Но тут на поляну выскочил навстречу ему тяжелорогий самец и протрубил свой боевой клич.

Медведь резко остановился: мчался за безрогой лосихой, а вместо нее — свирепый самец-рогач. Он сразу понял, что с рогачом ему в эту пору не совладать. Особенно спереди. Но отступать было поздно. Медведь слишком сильно разогнался и упустил мгновение, когда перед самыми рогами можно было сделать скачок вправо и напасть сбоку. Понял это, когда из-под лап ушла земля. Не было земли. Не было неба. Не было солнца. Ничего не было, словно на мгновение ослеп. И когда обрел землю — напружинил задние лапы и резко оттолкнулся. Оторвался от рогов, перекувыркнулся через спину и помчался. Поединок окончен — теперь можно мчаться прочь... Но обмякли лапы, и его стало покачивать из стороны в сторону. Пробежал еще немного и перешел на шаг. Потом остановился и припал к дереву. Дерево это почему-то не стояло на месте, а ходило влево-вправо, вперед-назад. И его водило за деревом влево-вправо, вперед-назад. И кусты перед глазами тоже качались и ходили. Он закрыл глаза и опустил отяжелевшую голову. В ушах глухо шумело.

Постояв немного, он открыл глаза и, когда деревья и кусты обрели ясные очертания, на слабеющих лапах побрел в чащу. Тепло его тонкой струйкой уходило в таежную землю. Сначала струйкой, а затем каплями уходило оттуда, где побывали рога сохатого. И, пошатываясь, он

оставлял на холодных листьях красные капли своего тепла.

В зарослях он остановился между двумя кочками, медленно и тяжело сел, вытянув задние лапы, и стал зализывать раны. Делал он это старательно и долго и наконец остановил уходящее тепло. Чуть полегчало. Тогда он положил голову на кочку и впал в забытие. Но вскоре очнулся — теперь жгло ниже груди. Он отполз на ровное место и лег животом вниз на остывающую землю тайги. И земля приятным холодком остудила раны, и будто опять стало немного легче.

Не впервые он получил раны. И боль ему знакома. Но случись это еще зим пять-шесть назад, он нашел бы целебные корни и травы, которых в тайге множество, и отлежался бы в сумрачной чащобе. В молодости его тело быстро залечивало все раны. Но сейчас он старик, и осень слишком близка. И забот немало — отыскать место для берлоги, выкопать берлогу, застелить ее полы сухими мхами-травами. И нужно успеть залечить все раны. С болью в теле ни он, ни другой из его рода никогда не ложился в берлогу на долгую зимовку. Успеет ли старик?! Если не успеет — его ждет бездомное шатание по заснеженной тайге. Обледенение и злоба. К чему все это старику?! Он никогда не держал злобу на людей и тайгу, на землю и небо. К чему все это старику?!

Он лежал и чувствовал, как жизнь из него уходила в остывающую землю. Он лежал неподвижно, и было ему покойно и хорошо оттого, что жизнь его возвращалась в ту землю, что родила и вскормила его. Он как бы уходил — и снова возвращался обратно. В одно и то же время и уходил, и возвращался. Поэтому лежал он покойно и неподвижно. Он лежал и ждал, когда жизнь его до последней капли уйдет в землю тайги и снова вернется в тайгу. Сколько лежал зверь — Микуль не знал.

Очнулся медведь от жгучей жажды. Приподнял голову — где напиться? Слева была река, справа озеро. Река

Handwritten Chinese characters, likely a form of shorthand or a specific dialect, arranged in a large, roughly rectangular shape. The characters are small and densely packed, forming a dense field of text. The arrangement is somewhat irregular, with some characters appearing more frequently than others. The overall appearance is that of a large-scale calligraphic exercise or a specific form of shorthand.

ближе, но там берег крутой и вода мутная, илистая. А в озере осенняя вода — прозрачно-чистая и холодная. Озеро-друг не однажды дарило ему осеннюю свежесть и доброту.

Он встал и, пошатываясь, не разбирая дороги, напролом двинулся к озеру. Он слабел и падал. Но вновь поднимался и шел. Он знал, что не отдаст свое последнее тепло, пока не доберется до осенней воды озера. Он цеплялся за кусты, прислонялся к стволам деревьев, рвал когтями болотные мхи — но шел вперед.

Осенняя вода встретила его тихой и светлой печалью.

Он долго лежал и смотрел на задумчивое и доброе лицо друга-озера. Затем попытался отползти немного назад — и подвернул под себя правую переднюю лапу. Он не стал ее освобождать — осенняя вода принесла ему покой, и уже ничего не хотелось тревожить в этом мире. Он лежал неподвижно и чувствовал, как замедляется дыхание и уходит жизнь из него. Он теперь уже не противился этому — пришло время.

Микуль медленно шел по следу. И в уши все еще врывались отзвучавшие звуки. И в нос били улетучившиеся запахи. А ниже груди нарождалась боль, словно там побывали рога сохатого. И пришла жажда, и потянуло к озеру — к осенней воде.

Он вернулся к медведю и остановился над ним. Ни один зверь с такими ранами не ушел бы так далеко от места поединка, подумал он. Только медведь способен на это.

Потом Микуль поправил неловко подвернутую лапу, чтобы удобнее было медведю-старик у осенней воды.

Глава шестая

НА ОХОТЕ В УРМАНЕ

— Вот тут, по преданию, святое место раньше было, — отец повернул голову к высокому, крутому берегу реки. — На вершине этой горы когда-то боги жили. Дома у них тут стояли в незапамятные времена. А после, старые люди говорят, на небо ушли, к Нум Торыму, а землю людям оставили, чтобы они места заповедные тут охраняли, деревья и травы без нужды не трогали. Без нужды дерево не рубили.

— А зверя и рыбу брать можно?

— Когда нужда заставит — можно. И в старину брали, когда совсем туго приходилось охотникам. Такие места на помощь человеку приходили: здесь зверь-птица потомство выводили, никто их не тревожил, отсюда они по всей тайге расходились. В тихих лесных озерах рыба икру метала, тоже свой род продолжала. Святые, заповедные места были. Люди их берегли.

НА СВЯТОМ БОРУ

Человек остановился у древней сосны.

Кора сосны выцвела и стала такой же светлой и чуть голубоватой, как ягель. На ее вершину и ветви-руки опирается огромное небо вселенной. А ночью там отдыхают усталые звезды и усталая Луна.

Более трех веков в жаркие летние дни солнце грело спину старой сосны. Грело и тянуло туда все соки и смолы, и кора стала красноватой, а древесина стала кремневой. Стала твердой как сталь. И если бы сосна стояла на другом бору и ее грели другие лучи солнца и омывали другие дожди, тогда, может быть, ее давно срубили бы на полоз нарты, куда идет только кремневая древесина. Мо-

жет быть, срубил бы ее удачливый рыбак и выстругал надежное кремневое весло.

А возможно, охотник бы ее срубил на матицу зимовья или лабаза. Это могло бы случиться, если бы она выросла не на этом светлом бору, а где-то далеко отсюда. На этом же бору никто ее не тронет. На этом бору она неприкосновенна. Она будет возвышаться здесь много-много лет. А потом, когда не станет мочи стоять, она осторожно уляжется на мягком ягеле светлого бора. Затем на нее вскарабкаются маленькие гибкие сосенки. И она медленно уйдет в землю живительным соком, чтобы потом родиться на свет новым бором.

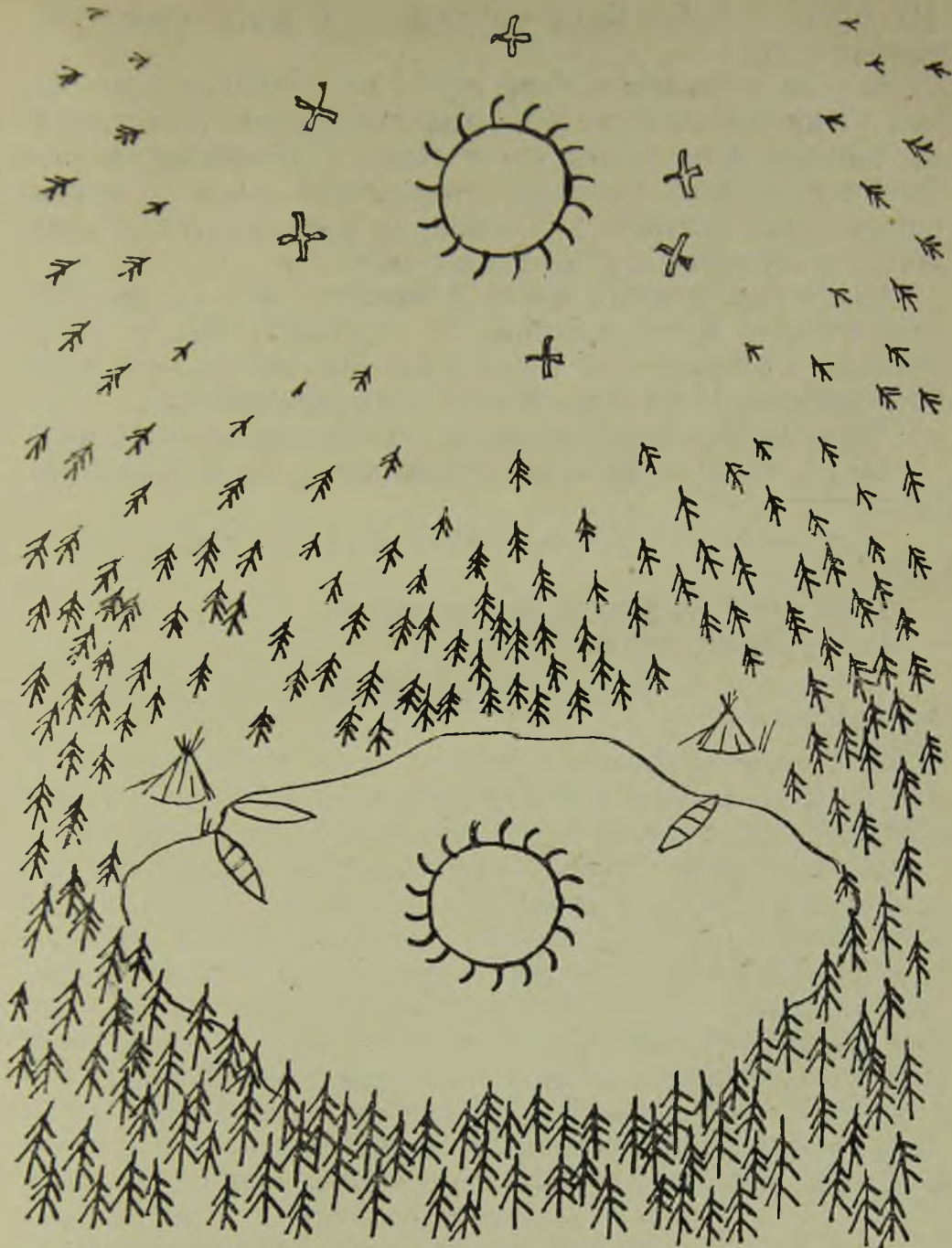
Человек на шаг отступил от сосны.

Старшее поколение сосен еще не одряхлело и держалось потому, что среднее еще не набрало силу. Темнокудрые сосны только выпрямились, только раскинули ветви-руки в стороны, но еще не дотянулись до старших. Солнце не так щедро к ним, оно отдало мало тепла, и спины их еще не закремневели, и не выстоять им в сильный ураган без старших. Еще нужно расти, чтобы возмужать и набрать полную силу. Ведь после ухода старших им быть в ответе за эти земли и за эти воды...

Человека позвал рыже-зеленый молодой сосняк. И нащептывал ему сосняк, что уйдет все живое и... вернется все живое. Но уйти — легче! Вернуться — труднее! Вернется ли?!

Сосняк захватил ровную чистую поляну пять-шесть лет назад. Солнце щедро отдает ему свое тепло и заботливо тянет деревья ввысь. Дожди ласково омыают теплыми струями. Земля поит своими соками. А светлый бор немолчно напевает свою дивную мелодию. Ведь без подрастающего сосняка немислимо будущее светло-звонкого бора.

Бор все зовет человека. И сказали ему сосны: уйдет поколение, но останется земля. Уйдет человек, но родится человек. И всегда будет человек. И у человека всегда бу-

дет земля и небо. И щемящая боль в груди стала медленно уходить...

В этом заповедном бору ничто не тревожит и не беспокоит крылатых птиц и некрылатых зверей. Они спокойно выводят свое потомство и затем разлетаются и разбегаются по всей таежной и нетаежной земле. В приборовых реках-заливах и в озерах-ручьях непуганая рыба живет и нерестится, играет и кормится.

Стоит бор испокон века. И кажется, что все началось отсюда: и звери-птицы, и деревья-травы, и реки-заливы, и озера-ручья. Но сначала был только этот светлый изумительный бор. Живой вздыхающий бор...

Светлый бор ведет человека, что-то ему нашептывает.

Сосны бора то ли сказку сказывают, то ли песню напевают.

Ягель бора то ли песню напевает, то ли сказку сказывает...

Ведь бор-то вздыхает, бор-то живой.

Послушайте, люди...

Хангы-Мансийск
1981

Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ

Глава первая

ДЕНЬ ОБРЕТЕНИЯ

Я пришел на Землю в самый долгий день года. Быть может, поэтому мне кажется, что я помню себя со дня своего рождения. Помню, как мама носила меня на руках. Помню теплоту ее добрых рук. Помню трещины и зарубки на стенах домов, где мы жили, и сосну, что увидел впервые, выйдя на улицу. Помню высокое-высокое небо над головой и перелетных птиц, что приносили теплую весну. А за весной приходило лето с очень вкусными ягодами. Мама и моя старшая сестра Лиза приносили мне эти ягоды. Ягоды бордовые и красные, черные и голубые, янтарно-желтые и малиновые. Помню, как наступала осень и перелетные птицы уносили тепло в далекие края. Уходила осень — и первые снежинки медленно парили в пронзительно прозрачном воздухе...

И первый снег, обновляющий Землю...

Но на этом снегу оставались не мои, а мамины следы. Я ходил тогда еще ногами мамы. Ведь я пришел на Землю незадолго до первого снега, в самый длинный день года, в пору изумительно светлых белых ночей. Быть может, поэтому все жители нашего селения решили, что судьба моя будет такой же светлой, как и белые ночи нашей Земли...

И получил я счастливое имя моего деда по отцу — Роман. Его имя отдали мне затем, чтобы я вырос таким же благородным, отважным и сильным, каким был мой дед. Деда своего я не видел, он не носил меня на своих крепких руках медвежатника. Его дни на Земле кончились до моего рождения. Но я слышал столько рассказов о его необыкновенной отваге, что мне стало казаться, будто я видел его, будто жил с ним когда-то рядом. Мне казалось: я и он — это один человек. Ведь я помню тяжесть и строгий и холодный блеск острия его копья. Я вместе с ним вступал в единоборство с медведем. В стужу и зной вместе с ним я пробирался по тропам родной Земли, по большим и малым рекам и озерам.

Рядом с ним я не знал ни усталости, ни покоя...

Мне отдали его имя, чтобы мое сердце стало таким же трепетным и чутким к людской печали и радости, каким было сердце деда...

В крестные отцы мне достался столетний старец Ефрем. Это чтобы я стал таким же мудрым, как и мой крестный. И чтобы я прожил такую же долгую жизнь, и чтобы стал таким же сказочником и певцом, каким был старец Ефрем. Его я тоже помню с самого рождения. Помню, он еще промышлял зверя и птицу, плел рыболовные морды и жильники, мастерил всякий промысловый инструмент... Я любил наблюдать, как все ловко делают его руки. Но еще больше любил слушать его песни и сказки, его легенды и предания. Он был родным братом моего деда. И, слушая сказки, я всматривался в его иссеченное временем лицо. Старался отыскать в нем черты моего ле-

гендарного деда, от которого, кроме имени и добрых дел, ничего не осталось. Нет даже карточки...

Когда мне исполнилось три года, на Землю моя сестра Даша пришла. Ту осень я отчетливо помню — седоголовые волны на реке, прибрежный белый песок. И чистое-чистое небо. А после: зима — лето, зима — лето. Еще зима и — весна. Вытаявшее на солнце взгорье на окраине бора, сочная зелень листьев брусники, белый ягель, трухлявый цвет опавших игл. Порыжевшие сосны и — солнце, солнце, неуемное солнце отовсюду и повсюду. Много-много солнца. Вместе с весной и солнцем пришла моя младшая сестра Оля...

Это была счастливая пора познания и открытий, пора обретения людей и себя, пора обретения Отечества и Мира...

Я пришел на Землю в самый долгий день года. И был уверен, что вырасту таким же удачным и отважным, как мой дед Роман. Что буду таким же мудрым сказочником и певцом, как мой крестный старец Ефрем. Что оставлю на Земле и в сердцах людей добрый след, добрую память...

Но прошли годы. И, повзрослев, я понял, что нет во мне той богатырской отваги и благородства, чем был знаменит мой дед. Нет во мне мудрости и удивительного жизнелюбия моего крестного столетнего старца Ефрема. Нет во мне той гармонии и жизнепонимания, что были присущи моему отцу и матери, дяде Василию и многим другим родственникам моим. Но с годами все острее становится память о счастливом детстве. И среди размышлений о людях, о тех, среди кого жил и рос, вдруг, словно молния, сверкнет озарение: какие это были великие люди!

К сожалению, поняв это, осознаешь и другое: многие уже оставили нашу Землю. Лишь изредка в суете сует, остановившись на миг, с запозданием извлекаешь из глубин памяти поучительные мгновения жизни наших предков... А о величии человека следует помнить при его жизни.

Глава вторая

Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ

Вечером, когда солнце садилось, мама, понизив голос, попросила меня:

— Скоро солнце сядет. Не шуми.

— Почему нельзя шуметь? — удивился я.

— Вечером воды и земли засыпают, — пояснила мама. — Пришло время их сна. Они устали за день, нельзя их тревожить. Поэтому и нельзя шуметь...

— А солнце куда уходит? — я покосился в сторону заката. — Тоже идет спать?

— Солнце тоже идет на отдых, — сказала мама. — Солнце вон сколько дел делает за день...

Воды и земли, оказывается, тоже спят, соображал я. И солнце уходит в свой дом, тоже спит. Значит, и они все устают за целый день, как люди.

— А птицы и звери что делают ночью? — спрашиваю маму.

— Каждая крылатая птица, — сказала мама, — каждый ногоастый зверь, каждый жучок-паучок — всё засыпает, ко всем приходит сон.

— И деревья-травы ночью спят?

— Разве они не живые? — переспрашивает мама. — И деревья-травы засыпают. Все живое ночью спит. Вот почему нельзя вечером громко смеяться, громко разговаривать, громко стучать и греметь. Нужно думать о других.

Я стал прислушиваться к тишине. И вправду, замолкли пташки, что весь день весело щебетали в золотистых соснах возле нашего дома. Наверное, уже уснули в теплых гнездышках до утра. Только перед самым восходом запоют и засвищут, а когда солнце поднимется выше — разбудят меня.

Потом заинтересовался, что же делается вдали от нашего селения — все ли думают о вечерней тишине. Я на-

прягаю слух, пытаюсь уловить все звуки засыпающей Земли. Но не слышно речных куликов на Протоке Болотной Стороны. Замолкли крикливые кедровки в припроточном кедровнике. На болотном озере, на окраине бора, смолкли горластые халеи — речные чайки. Днем я хорошо слышал их беспричинный хохот. И ветер убежал за дальние реки и озера и затих там — ни хвоинка не шелохнется на ветвях старых сосен.

Тишина на Малом Яру на востоке.

Тишина на Большом Яру на западе.

Тишина опускалась на Гору Осеннего Селения, где стояли дома людей нашего рода.

Утомонились и ворчливые сороки, что каждый день прилетали к селению. И даже наш белый пес Харко, кажется, задремал — не звенит цепью, не подзывает меня радостным лаем.

И я убеждаюсь: все вокруг засыпает, все вокруг замирает.

Солнце садится.

Мама спрашивает в открытые двери, что закрываются с заходом солнца:

— Ты что там делаешь, Роман? Давно тебя не слышно.

Я ответил:

— Я слушаю Землю.

Отец с матерью и сестры о чем-то тихо говорят в доме. Наверное, припоминают события прошедшего дня. Ведь за день случается столько необычного, о чем вечером обязательно нужно порасспросить родителей...

— Иди домой, Роман, — зовет меня мама. — В постели дослушаешь тишину.

И я бегу домой.

Слушая тишину, я засыпаю. И вижу, как Солнце, опустившись за горизонт, открывает двери своего удивительного дома-дворца. Стены и потолки из длинных тонких пластинок-лучей, отливающих золотом. Все сверкает, все горит. Я невольно зажмуриваю глаза. Солнце входит

во дворец и засыпает. Там спят и дети Солнышка-матери — девочки и мальчики моего возраста. Когда в наш дом входит луч Солнца, мама говорит, что это Солнышко-матушка протянуло нам свою руку. Если же лучей много, значит, по словам мамы, это дети Солнца пришли на Землю поиграть с нами, со своими ровесниками... Потом я увидел, как Солнце выходило из дворца. Мне показалось, что наступила зима: «Солнце надело шапку и варежки к сильным морозам», — говорил папа зимой. Тогда же, зимой, я был поражен тем, что Солнце в короне очень похоже на мою маму. Я сказал об этом папе, и он ответил: «Солнце — это мама всех людей. Поэтому, наверное, все мамы похожи друг на друга». Мне нравилось смотреть на Солнце в короне и думать о маме. И я немного жалел, что летом Солнце никогда не надевает свою корону и варежки... Теперь же, выйдя из дворца, Солнце так ослепило меня, что я тут же проснулся.

Было утро. И через окно в стене ласковая рука Солнца разбудила меня. Это, наверное, чтобы я поспешил навстречу детям Солнца. Им, видно, одним тоже бывает скучно. Не с кем поиграть и порезвиться...

Вечером я провожаю долгим взглядом входящее в свой дворец Солнце, смотрю на маму и вспоминаю о вечерней тишине и о засыпающей Земле...

С тех пор прошло немало лет. Все чаще всплывают в моей памяти наше маленькое селение в золотых соснах и свято оберегающая вечернюю тишину моя мама. И засыпающие воды и земли. И засыпающие деревья и травы. И звери и птицы. И засыпающее Солнце. И я слышу их немой вопрос об одном и том же, об одном и том же...

Кто теперь так свято оберегает сон таежной Земли?!

ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ

Я очень не любил, когда мне голову мыли. В этом мало приятного. Если не купали, а просто в большой куженьке¹ намыливали мои волосы, то вода всегда порывила попасть за ворот. И тут хорошего мало. А если мыло попадало в глаза — я начинал вопить на все наше маленькое селение. Соседи уже знали: это мне моют голову. Я изо всех сил вырывался из маминых рук, но вырваться не удавалось.

Большая разница между сухой и мокрой головой. Это я хорошо усвоил. После мытья головы не сразу пускали гулять на улицу. С мокрыми волосами не поваляешься в песке. Не залезешь на деревце возле лабаза. Да мало ли дел, которые никак не сделаешь с мокрой головой. Если нужно будет, даже подраться не сможешь с двоюродными и троюродными братьями. Вот я и старался увильнуть, когда мама начинала греть воду для моей головы. Но однажды я по доброй воле согласился вымыть голову. Мама сказала мне:

— Роман, я тебе так чисто вымою волосы — птичка сядет на твою голову!

— Птичка на голове! — удивился я.

— Да-да, — повторила мама. — Птички садятся только на очень чистые головы!

— Сядет? — усомнился я.

— Пожалуй, я вымою голову, — неторопливо сказал папа. — Пусть птички садятся на мои волосы.

— И мне, мама, помой голову, — попросила моя старшая сестра Лиза. — Я тоже хочу птичку!

Этого я, конечно, не мог допустить: чтобы птичка, которая должна сесть на мою голову, досталась бы друго-

¹ Большая куженька — корыто из бересты.

му. И я решил подороже отдать свою голову. За самую лучшую птичку, которую знал. И я спросил об этом маму:

— А трясогузка сядет на мою голову?

— И трясогузка может сесть,— сказала она.

Я сдался. Мама вымыла мне голову. И теперь я не сопротивлялся и не вопил на все селение. Потом с куском черного хлеба, который бывает очень вкусным только на улице, меня выпустили погулять. Пусть птичка садится на мою чистую голову. Я чинно расхаживал возле дома и с надеждой смотрел на трясогузок. Которая из них сядет на мою голову? Всё в этих птичках нравилось мне: и нежная спво-белая одежда. И длинный узкий хвост. И округлое черное пятно под шейкой. И певучая радостная песня. Они одними из первых приносили весеннее тепло, наверное, поэтому я и любил их. Правда, иногда во мне просыпался охотничий азарт и я с луком и стрелами бегал за ними. Но стрелы мои всегда летели куда-то в сторону и не причиняли им никакого вреда. Я не унывал и смеялся над своей неудачей. Наверное, и трясогузки смеялись надо мной.

Мне хотелось подержать их в руках, погладить их нарядное оперение. Хотелось получше рассмотреть их. Теперь я ждал, ждал того мгновения, когда одна из них опустится на мою голову. Ведь эти чистые птички должны заметить мою чистую голову! Не должны пролететь мимо моей чистой головы! Так я думал, расхаживая под седыми соснами нашего селения. А трясогузки были заняты своим делом. Они собирали шерстинки линяющих оленей — строили гнезда. Я видел, как они рады весне, как они суетились и весело переговаривались. Они искоса поглядывали на меня, но на мою голову не спешили. Наверное, некогда им, подумал я. И побежал домой.

— Мама, они не садятся на мою голову! — пожаловался я.

— Погуляй еще! — сказала мама. — Они должны заметить твою макушку.

— Может быть, ты плохо мыла мою макушку? — спрашивал я.

— Нет, я очень хорошо помыла тебя! — уверяла мама. — Иди, жди птичку!

И я шел на солнечную улицу и ждал птичку. А потом забывал про нее и убегал к друзьям поиграть. До вечера я успевал порядком напраказничать. Что-то ломал, разбивал, проливал, протыкал. С кем-то подрался. Кому-то надерзил. И, укладывая меня спать, мама говорила со вздохом:

— Опять нашалил... Когда ты ума наберешься?..

После недолгого молчания она сказала, поглаживая мои волосы:

— Твоя макушка чистая. Таким чистым должен быть и твой ум. Чистым и добрым. Тогда птичка обязательно прилетит на твою голову...

Я до сего дня думаю об этом. Чист ли, добр ли мой ум? Высоки ли, чисты ли мои помыслы в жизни? Прилетит ли ко мне заветная птичка далекого детства?

Глава четвертая

ГНЕЗДО ТРЯСОГУЗКИ

Весной прилетные птицы свили себе гнезда. И вскоре самочки снесли первые яички. Как-то за завтраком отец сказал:

— В моем гнезде уже три костяных птенчика!

Это значило — папа нашел гнездо с тремя яичками и наблюдал за ним. Но тут выяснилось, что у всех взрослых есть птичьи гнезда. И даже моя старшая сестра Лиза гордо промолвила:

— И у меня есть гнездо! Трясогузкино! Там четыре костяных птенчика!

Только у меня не было гнезда. И я тут же пристал к сестре:

— Покажи, покажи мне свое гнездо!

Сестра сделала серьезное лицо и совсем по-взрослому сказала:

— Нет, ты еще маленький!

— По-ка-жи-и! — просил я. — По-ка-жи-и!

— Нет! — сказала сестра и пояснила свой отказ: — Нельзя трогать руками костяных птенчиков. Если притронешься к ним — птичка-мама сразу их оставит. И они умрут в костяной оболочке. Понимаешь, Роман?

Я ничего не хотел понимать и все канючил:

— Покаж-жи! Я только один раз гляну! Один раз!..

— Не проси — не покажу! — твердо сказала сестра Лиза. — Ты такой шалун — утащишь, пожалуй, костяного птенчика!

Это был ее самый убедительный довод. Знал, по словам старших, какой я шалун. Трудно со взрослыми. Что ни сделаю — все не так! Куда ни повернусь — все не туда! Хотя ничего плохого не замышлял. Все получалось как-то само собой. В одно мгновение. Я не успевал подумать о своем поступке. Сначала делал, после — думал, если было время.

И теперь я понял: не видать мне гнезда трясогузки. А взглянуть на костяных птенчиков очень хотелось. Но я не стал унывать. Побыстрее позавтракал и убежал на улицу.

Решил сам разыскать гнездо. Любое гнездо, лишь бы там сидела птичка.

Я долго ходил за трясогузками. Они обычно гнездились под стрехами лабазов и амбаров, на крышах навесов и под навесами на полках, на развилинах деревьев, в брошенных старых куженьках и берестяных кадушках. Я следил за полетом птиц. Бросался туда, куда они садились и откуда взлетали. Мне казалось, они только тем и занимались, что летали от одного гнезда к другому. Я носился за ними, но все впустую. Видно, и трясогузки смотрели на меня глазами моей сестры Лизы — не доверяли мне

свои гнезда с костяными птенчиками. Может быть, они и правильно делали... Я не внушал доверия.

Вскоре я проголодался и сбегал домой за куском черного хлеба.

— Поиграй немного и приходи домой,— попросила мама.

Но играть мне не хотелось. Я слонялся возле дома и все думал о птенчиках трясогузки. И тут заметил сестру Лизу. Она замерла у стены старой амбарушки, где хранилась всякая деревянная и берестяная утварь. А лицо у нее светлое и таинственно-загадочное. Я вздрогнул: гнездо трясогузки! И когда сестра ушла в дом, я подкатил к стене чурочку, взобрался на нее и заглянул в замшелую кадучку-берестянку, что лежала на крыше. Там было гнездо трясогузки. А в гнезде четыре яичка — продолговатые, ровненькие, с множеством мелких крапинок. Эти крапинки мне напомнили улыбчивое лицо тетушки Катерины из соседнего дома. И мне показалось, что костяные птенчики улыбаются веснушками. Обрадовались моему приходу, подумал я.

Я стоял неподвижно и зачарованно смотрел на костяных птенчиков. Не мог оторвать взгляд от них. Они были такие хорошенькие, что меня так и подмывало прикоснуться к ним. Но удержался от соблазна — вспомнил слова сестры Лизы. Мне совсем не хотелось, чтобы птенчики трясогузки погибли.

Стоял я, наверное, очень долго. Лишь когда птичка-мама с тревожным криком закружила над моей головой, я очнулся. И перепугался — птичка чуть за волосы не хваталась, так близко она подлетала ко мне. Я мигом скатился с чурбачка.

Свою тайну я хранил до ужина. А когда сели за стол — не выдержал, сказал сестре, что нашел ее гнездо. Сначала она испугалась за костяных птенчиков. Я сказал, что руками их не трогал,— и она успокоилась. Теперь по утрам мы вместе бегали смотреть гнездо. К амбарушке подхо-

дли осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить птичку-маму. И замирали — и забывали обо всем на свете.

Меня захватила одна тайна. Тайна превращения шарика-япчика в живого птенца. И я ждал этого мгновения.

Время шло. Появились комары. Наступило лето.

И вот мама однажды сказала:

— Скоро появятся птенцы. Обычно в гнезде сидят и пищат. Такие неуклюжие, забавные, глупые. И такие миленькие — просто слов нет!

— Как птенцы вылетят из гнезда — комар на убыль пойдет, — неторопливо проговорил отец. — Комаров ловят. Помогают людям.

— Только руками их не трогай, — предупредила сестра Лиза. — Слышишь, Роман?.. Если, конечно, птенцов хочешь дожидаться!

Сестру Лизу я слушался. Мы все ее очень любили. И когда ее отправляли в школу в соседнее селение, мы с младшей сестрой Дашей в голос ревели. После, когда не стало мамы, она растила нас — меня и младших сестер. И мы еще больше привязались к ней.

А птенцов я так и не дождался.

Как-то утром сестра Лиза вбежала в дом и дрожащими губами прошептала:

— Погибли птенчики!.. — А потом повернула ко мне разгневанное лицо: — Ты, наверное, прикоснулся к ним?!

— Нет! — закричал я. — Я их не трогал!

И, не поверив сестре, помчался к амбарушке. В косом надломе скорлупы — красное тельце птенца. Красное тельце — это мне врезалось в голову. Врезалось в глаза. Врезалось в память. Я всем нутром почувствовал — птенцы тусклые и холодные. Они умерли, не родившись. Может быть, кто-то прикоснулся к ним — и мама бросила их. А может быть, она погибла вдали от гнезда и уже не могла согреть их своим теплом. А может быть, случилось и что-то другое...

За завтраком все молчали. Молчала мама. Молчал

папа. Молчала сестра Лиза. Молчал я. Всё делали молча. Вдруг по лицу сестры Лизы потекли слезы. Без всхлипа. Без сопения. Без единого звука.

Я выскочил вон.

Мне было жаль птенцов, что не наденут парадные одежды-оперения и не споют свои песни. Мне было жаль их птичку-маму. Мне было жаль самого себя. Особенно мне жаль было сестру Лизу. Ее слез я еще не видел. Все было впервые...

Глава пятая

ВОРОНЫ МЕСЯЦ

Мы с нетерпением ждали прилета Вороны. А прилетела она самой первой среди перелетных птиц, с первым теплом — в апреле. И апрель получил имя «Вороны месяц».

Не только наш дом, а всё селение радовалось, когда кто-нибудь сообщал, что видел первую Вурни — Ворону. Весть передавалась из дома в дом, из селения в селение:

«Ворона прилетела!»

«Ворона пришла!»

«Ворона с теплых краев вернулась!»

Жила Ворона возле нашего селения, перелетала с дерева на дерево, дразнила глупых щенков. Высматривая себе пищу, ходила вокруг таганка летней кухни, заглядывала под лежащие на бревнышке куженьки и корыта. А иногда ухитрялась, зацепив клювом или лапкой, переворачивать посуду. Могла при случае утащить кусок мяса или рыбы у нерасторопной хозяйки. Но даже самые грозные старухи, добродушно ворча, сквозь пальцы смотрели на все проделки Вороны.

Ворону в нашем селении любили.

Она всем напоминала хозяйку, которая после долгой зимы возвращалась домой и обходила свои владения, при-

дирчиво оглядывая — всё ли на месте, всё ли в порядке.

После обхода она важно усаживалась на коньке лабаза или амбара и подолгу и молчаливо смотрела на селение. О чем она размышляла?! Меня это очень заинтересовало, и я старался разгадать ее думы. Мне казалось, что она в это мгновение думала не о птичьих делах, а о судьбах людских, о моих сородичах. Быть может, и обо мне думала. Ибо с таким важно-задумчивым видом можно размышлять только о судьбах народов, о судьбах человечества.

Ворону мы любили.

Быть может, любили ее и за весеннее тепло. Ведь с ее пменем — Вороны месяцем — многое было связано.

И первое дыхание весны.

И первое тепло.

И первая улыбка весны.

И первые проталины.

И первые ручьи.

И первые оленята в стаде.

И первые ростки зелени.

Всё — первое.

Наш дом особенно радовался прилету Вороны. Мама обычно говорила:

— Вот и мы до весны дожили — Вороны дождались...

И вздыхала.

И мне тогда показалось, что не будь Вороны, мы бы до весны не дожили, и не наступил бы Вороны месяц, и не пришла бы весна. Но ведь Ворона не священная, а самая обыкновенная птица, каких немало в наших лесах.

Я пристал с вопросами к матери:

— Мама, ведь Ворона хорошая птица?

— Хорошая, — соглашается она.

— А почему хорошая?

— Почему?

Мама оторвалась от шитья, взглянула на меня, а потом перевела взгляд на моих сестер и тихо сказала:

— Ворона... рождению человека радуется.

— А как она радуется?

— Как люди радуются, так и она радуется,— проговорила мама.

Я ничего не понял. Поэтому, поудобнее устраиваясь возле мамы, попросил:

— Про Ворону расскажи...

Мама кивнула на спящую в покачивающейся люльке мою младшую сестрицу Олю и начала свой рассказ:

— Ворона и приходу твоей младшей сестренки была очень рада...

Я молча слушал.

По обычаю ханты, говорила мама, за всеми вещами вновь пришедшего человека — младенца — нужно строго следить, чтобы они всегда находились на самом чистом и лучшем месте, чтобы они не попадали туда, где им не подобает быть. Иначе вновь пришедшему маленькому человеку станет плохо.

Это касается и тех предметов, которые младенцу уже не надобны.

Поэтому мокрый цап¹ из детских люлек насыпали в одно место на окраине селения, в укромном уголке, под пеньком. Не под деревом, а именно под пеньком. И пенек выбирают не высокий и не очень низкий, чтобы зимой не заносило снегом, чтобы был виден в любое время года.

Я вспомнил, что такой пенек есть и у нас, недалеко от нашего дома, куда мы с сестрой Лизой относили мокрый цап из люльки сестрицы Оли. Бывало, когда мама отправляла туда с маленькой куженькой меня, всегда с порога наказывала, чтобы я не рассыпал по тропинке мокрые стружки, чтобы не стало плохо нашей малышке.

Цап насыпали вокруг пенька. Кучка была ровной и

¹ Цап — стружки из белой обмягшей древесины высушенной на корню березы, которые насыпались в люльку под меховую подстилку.

островерхой, как чум. И Ворона, прилетев с юга, в холодные дни садилась на эти теплые стружки — лапки свои грела. Ведь она прилетала первой, в апреле, в пору, когда оттепели сменялись заморозками, и у нее мерзли лапки. Садилась на теплые стружки и говорила:

— Побольше бы детей на землю приходило, чтобы было мне где погреть свои лапки!

С такими словами она перелетала с одной кучки стружек на другую, громко радуясь появлению одного маленького человека, второго, третьего... При этом она весело и добродушно кричала:

— Вак-вак, вак-вак, вак-вак!..

И осенью, улетая на юг, она тоже оставляла людям свое пожелание:

— Пусть, пока я летаю, побольше младенцев на землю прибудет — будет мне где погреть свои лапки весной!

И, как водится, прощаясь, добавляла:

— Вак-вак!.. Вак-вак!..

Я, конечно, тут же заинтересовался:

— Мама, а Ворона радовалась и моему приходу на Землю?

— А ты как думал?! Конечно, радовалась...

— Но ведь я пришел на Землю в самый длинный день года, когда было совсем тепло и Вороне не надо греть лапки...

— Да, ты пришел в самый долгий день года, — согласилась мама. — Но ты сидел в люльке осенью, когда Ворона собиралась в теплые края, и ее лапкам в ту пору было уже холодно. Ты сидел в люльке и весной, когда Ворона вернулась из теплых краев, и когда повалил мокрый снег, а потом ударил северный ветер и многие перелетные птицы попятились на юг, повернули в обратную сторону. Только Ворона не отступила. Она знала, что ты согреешь ее лапки...

И Ворона, как бы ей трудно ни было, все бормотала добродушно:

— Вак-вак, вак-вак!..

Жители нашего селения и нашей реки почитали и никогда не обижали эту птицу. Пусть живет. Пусть всегда живет с добрым пожеланием маленькому народу.

И я другими глазами стал смотреть на неприметную серую Ворону, которая радуется рождению каждого человека Земли.

Глава шестая

ХАЛЕЙ ХОХОЧЕТ

Я провожаю взглядом стаю халеев¹, что летит с Протоки Болотной Стороны на приборовое озеро. Над селением стая замедляет полет и вразброд, дергаясь, начинает бестолково гоготать и гомонить:

— Каллэк! — крикнет один.

— Каллэк-каллэк! — тут же откликается второй.

— Каллэк-лэк-лэк-лэк-лэк! — захлебнется хохотом третий.

Так стая повисит над селением, а после, все еще дергаясь и хохоча, лениво уплывает к болоту.

Я бегу домой и спрашиваю у мамы:

— Халей хорошая или плохая птица?

— Плохая птица, — не задумываясь отвечает мама.

— Почему плохая?

— Потому что халей над людским горем хохочет, — говорит мама.

И она рассказала, что когда осенью халей улетает в теплые края, то кричит, чтобы за зиму многих людей не стало, чтобы многие ушли в Нижний мир — весной, вернувшись обратно, он захохочет над тем домом, где не стало человека.

¹ Халей — речная чайка. От хантыйского названия птицы «каллэк».

Вот такая плохая птица халей. Все поровит посмеяться над чужим горем. Поэтому ханты не любят эту птицу.

Тут мне припомнилось и другое, за что не очень жаловали халея. Весной, приезжая с рыбалки, отец часто привозил испорченную рыбу. Халеи замечали попавшую в сеть рыбу — тут же проклевывали ей брюхо и вытаскивали жирные кишки. Ладно бы, если были голодные и всю рыбу съедали. Так нет — только лакомились.

Отец, рассердившись, иногда подстреливал халея и подвешивал его на колышке вставной сети — чтобы другим было неповадно и меньше зарились на чужую добычу.

И мне ничуть не было жаль убитых халеев. Хотя, наверное, это по-своему красивые птицы — с продолговатыми красными клювами, с желто-оранжевыми лапками и в бело-спзном оперении. Но больно они бесцеремонны и нахальны. И когда я подрос, то вместе с друзьями, с двою- и троюродными братьями всячески начал их травить.

Мама, узнав о моих с друзьями проделках, испуганным голосом восклицала:

— Да разве можно так?! Над живой птицей?!

А потом она добавляла, что раз халей живет — значит, он нужен Земле и Небу. Коли бы он не надобен был — так не было бы ему места в жизни лесов и болот, в жизни рек и озер.

Отцу тоже не нравились мои проделки. Когда замолкала мама, он строго говорил:

— Халеев в покое оставь!

Я оставлял их в покое, но ненадолго. При всяком удобном случае старался чем-нибудь досадить халеям.

В их бестолковом галдеже и хохоте мне чудилось что-то зловещее, темное, жуткое. Ведь они радовались кончине человека. И казалось мне, чем меньше будет халеев, тем больше людей останется в живых, тем больше людей доживет до следующей весны. Я не хотел, чтобы люди нашего селения, милые сердцу родственники преждевремен- но уходили в неведомый Нижний мир.

И, быть может, поэтому я так возненавидел эту птицу.

И только после, годы спустя, однажды, задумавшись о жизни вод и земель и всего сущего, понял, что, наверное, напрасно преследовал и истреблял в общем-то безобидную птицу — речного халея. От гибели халеев не убавлялось зла на земле, носителями которого являются отнюдь не звери и птицы...

Глава седьмая

ОЛЕНЯ ДОМ

На окраине нашего селения, на песчаной поляне, стоял оленья дом — оленник. Это большой бревенчатый дом с двускатной крышей и земляным полом. Посредине дымокур, огороженный крепкими жердочками. А дымили сырые сосновые чурки. Эти чурки со всех сторон обкладывали влажным торфом или болотными мхами — чтобы не горели, а медленно шаяли.

Грязную землю пола постоянно выкапывали и выносили на улицу. Крышу накрывали еще слоем мха и песка. Поэтому в летнюю жару в оленнике всегда было чисто и прохладно. А если дымокур работал исправно — не было и комаров.

Весной, когда заканчивался отел и сходил снег, оленей отпускали на волю. Они сами паслись. А потом наступало время комаров и паутов. И они собирались в стадо и прибегали к дымокуру. Наверное, это трудное время легче было пережить вместе, бок о бок.

Олени приходили рано утром. И кружились возле наших домов до тех пор, пока им не разводили дымокур.

— Дыма, дыма просят! — говорила мама и спешила в оленник или будила папу.

Иногда она не успевала разжечь дымокур — и олени убегали на пастбище.

— Обиделись! — говорила мама. — Вовремя не встретили. Скоро опять придут!..

И они приходили. И уже до самого вечера, жуя жвачку, стояли или лежали в оленнике. Только изредка делали один-два круга по пастбищу, чтобы немного поесть и попить. И снова возвращались. Возвращались, как сказал папа, «комариной рысцой». В это время года они шагом почти не ходили — их всегда сопровождала туча комаров, мошкар и паутов. Захочешь — не постоишь.

На ночь у дымокура они никогда не оставались. Садилось солнце — «падали» пауты и мошкара. И они пускались по своим дальним тропам. Если уходили далеко, то на следующий день возвращались поздно.

Мы все — мужчины и дети селения — собирались возле дымокура. Оленей ждали.

— В какую сторону они вечером ушли? — спрашивал дядя Василь. — Кто видел?

Кто-нибудь да видел. Выяснялось — на север, в сторону болота ушли. За домашним бором начиналось болото с множеством больших и малых озер. Там когда-то держали оленей предки нашего рода.

— Да-а, — тянул дядя Василь. — На болоте сегодня хороший ветер, вот и не спешат домой. Обдувает их ветром.

— И места хорошие, кормовые, — добавлял папа. — куда им спешить.

— А я ждал их сегодня, — сказал дядя Василь. — Рано встал дымокур запалить.

С нетерпением ждали оленей и мы, дети селения, чтобы поиграть с оленятами и раньше всех узнать, какие пришли, а какие отстали. Бывало, они приходят не все сразу, а двумя или тремя небольшими группами.

Должны они вернуться домой.

Но олени всё не приходили.

Я поглядывал на седую сосну, где висели бечевки с пучками оленьей шерсти. Я свято верил в их магическую

силу. Весной, когда оленей отпускали на волю, сначала их подводили к этой сосне с побелевшей корой. За длинную шерсть под шеей их привязывали бечевкой к дереву. Мы чмокали оленей в нос и в щеку. А кто не мог дотянуться — проспал приподнять. И дядя Василь поднимал малышей, чтобы и они с оленями попрощались.

Когда олени уходили — на бечевке оставался пучок шерсти. Они оставляли нам частицу себя. И мы дружно кричали:

— Помни о пучке шерсти! Не забывай свой дом!

Это чтобы он в урман не ушел, чтобы всегда думал о своем доме.

Олени помирнее долго стояли у седой сосны. Наверное, думали, что они привязаны веревкой. Некоторые ложились у дерева и жвачку жевали. Но потом все равно поднимались и шли на пастбище. Теперь они сами отвечали за свою жизнь, за вольную жизнь, потому что пасты их было некому, у всех была своя работа.

Пучки шерсти так и оставались на седой сосне. Никто их не трогал.

Мама сказала мне, что олени умные. Но больше понимают и чувствуют они сердцем, а не умом. Теперь в какие бы земли они ни попали — их все время будет тянуть домой, туда, где они оставили клочок шерсти, где оставили частицу себя.

Тогда я свято верил этому: так и должно быть...

Сейчас я вспоминаю седую сосну и пучки оленьей шерсти на бечевках. Вспоминаю, и приходят думы. Каким узлом, какую нитью нужно связать человека с домом, с землей, с отечеством, где он родился и встал на ноги, чтобы не слабела и не рвалась эта связь? Каким узлом, какую нитью?..

ПРИСТАНЬ

Хорошо, когда у человека есть своя пристань. Хорошо, когда в непогоду есть куда причалить...

Помню, как меня в первый раз повели на пристань. Папа поехал ставить сети, и мы с сестрой Лизой пошли его провожать. Нужно было помочь ему отнести сети, новые поплавки и грузила в берестяных одежках-покрышках. Мне, правда, дали нести только маленькую куженьку для черпания воды. Мал еще, сказали мне, свой живот до пристани дотащил бы.

Больше всех беспокоилась мама. Помогая мне одеться, она давала наставления старшим:

— Смотрите, чтобы он в воду не упал! Чтобы на мостках не остушился! Чтобы руки-ноги не оцарапал!

Маме все казалось, что я еще очень маленький и на пристани делать мне нечего. Не хотела она отпускать меня так далеко от дома.

— Чтобы комары его не искушали! — говорила она и переспрашивала сестру:— Слышишь, Лиза?! Вы такие — за ним не уследите!

— Слышу, слышу! — откликалась сестра Лиза.— Смотреть буду!

А папа заметил:

— От комаров пусть уж сам отбивается... Никто его на пристань не звал. Сам напросился.

И мы взяли вещи и пошли. По светлой песчаной дорожке спустились под Гору Осеннего Селения и взяли слегу. Папа — большую. Сестра Лиза — среднюю. Я — самую маленькую. И, опираясь на слегу, по шатким мосткам из двух рядом уложенных бревен-сухостойн двинулись через широкий ровный сор¹. Весной сор заливало

¹ Сор — ровное болото без больших кочек и деревьев.

талой водой, а когда вода сходила, мы бегали сюда собирать клюкву. Впереди шел, оглядываясь на меня, папа. Я — за ним. А сестра Лиза — за мной. Сухостопны-настилы шершаво-неровные, и по ним было хорошо идти. Но я все равно раза два оступился и намочил правый нырик¹.

— Вот мама тебе даст — придешь домой! — проворчала сестра Лиза. — Смотри под ноги, не верти головой.

Я-то знал: от мамы никакой нахлобучки не будет, она высушит нырик — и все дела. Поэтому я не стал расстраиваться.

Кончились мостки — и мы прислонили свои слуги к засохшему на корню древнему кедру. Я потрогал его замшелый ствол. Кора давно отвалилась и, наверное, уже сгнила. А его тело — серое и крепкое — все еще поблескивало на солнце. Кедр гордо возвышался над всей округой. И мне он показался стражем вот этих мостков, клюквенного сора и ближнего леса. От старости он весь высох и замшел, но продолжал стоять на своем посту. Так он живой или мертвый? Высох — значит, умер. Но он стоит и охраняет округу — стало быть, живой. Разве мертвый может держать слуги и стоять на страже?!

Такие мысли пришли мне в голову, когда я прикоснулся к стволу древнего кедра.

— Пойдем, — позвал папа. — Что ты там стоишь?

— Он что-то бормочет, — улыбнулась сестра Лиза, останавливаясь возле меня. — Кажется, со стариком кедром разговаривает!

Я оставил кедр и поспешил за папой.

Мы шли по смешанному лесу. О деревьях я уже кое-что знал. Знал, что на верхушках мягкохвойных кедров к концу лета поспеют шишки. Папа принесет их, я поджарю плоды на костре, чтобы не стало смолы. И начну шелушить. Какие вкусные орехи! Это мое первое лакомство!.. Я поглядывал и на березы: не забыл еще вкус

¹ *Нырики* — замшевая летняя обувь до колена или выше.

сладкого весеннего сока. А елки немного недолюбливал — хвоя у них больно колючая, до крови могут уколоть. Мама говорит, что это тоже дерево пужное — белки любят еловые шишки. Раз кормит белку — пусть стоит себе, думал я про елку, на почтительном расстоянии обходя ее ветви. А что до красноствольной сосны — так это наше «домашнее» дерево. Я смотрел на сосны как на давних знакомых. Хвоя — для большого черного глухаря, шишки — для белки, ствол — на стены дома и лабаза, сучья — пища для теплого очага. Все в дело идет.

Крепко пахло цветущей черемухой и молодой листвой.

Я вдыхал этот терпкий дух леса и радовался тому, что меня взяли на причал. Тут и про комары не вспомнишь.

— На тропу смотри,— просила сестра Лиза, когда я приближался к мочажинам и корневищам на дороге.— Упадешь ведь!

За руку она меня не могла взять — тропинка слишком узкая. Рядом была широкая оленья дорога, но по ней тоже не пройдешь — сплошные мочажины, ступить негде.

Наконец мы поднялись на поросшую соснами гриву, и я увидел причал и Протоку Болотной Стороны. На воде лежала «солнца рука», о которой говорила мне мама,— золотисто-серебряная дорожка. Она искрилась и переливалась — ветерок слегка рябил воду.

Пахло посоленной рыбой и смолой. Пахло нагретой древесиной и сосновой хвоей. Пахло мокрыми сетями и травой.

Пахло рекой.

Вдоль берега лежали перевернутые вверх дном малые обласки¹. Так они отдыхают после плавания, говорила мама. А на воде покачивались дощатые лодки-неводники².

¹ *Облас* — лодка-долбленка из цельного ствола дерева.

² *Неводник* — большая лодка из кедрового теса, шпангоуты — из кедровых корневищ.

Они тяжелые, их на сушу не вытаскивают. Мне очень хотелось посидеть на лодке, покачать ее на волнах, но сестра Лиза не пустила. Говорит, еще в воду упадешь.

Папа возился с сетями возле деревянных бочек, что стояли в тещи. Я знал — в бочках солили рыбу. Когда они наполнялись, папа на большом обласе отвозил рыбу на Аган-реку. Там недалеко от наших Летних Домов, на Домашнем Острове, был приемный пункт — избушка и длинный высокий склад-лабаз. Рыбу принимал добродушный Кудрявцев-старик. Его хозяйство называли просто Приемная. Меня брали туда очень редко, хотя я часто просплся — хотелось все увидеть своими глазами.

У воды комаров больше, чем на сухом бору. И папа выпроводил нас домой. Мы шли теперь без папы, одни. И за каждым валежником и замшелой корягой мне чудились таинственные лесные существа из сказок и легенд. Я их немного побаивался, и поэтому ни на шаг не отставал от сестры Лизы. И раза два уже наступил ей на пятку.

— Куда так спешишь? — упрекнула она. — По моим пяткам все идешь!

Я напомнил ей старинную примету, которую слышал от мамы: если кому-то наступил на пятку, значит, ровно через год с тем человеком по той же тропе пройдешь. Разве это плохо, бормотал я.

— Хорошая примета, — согласилась сестра Лиза. — Но ты мне пятки оттопчешь.

Потом и вправду мы не раз ходили с ней по этой тропе. По ней, когда наступило время неводного лова рыбы, мы перетаскали вещи на пристань и на большой лодке поплыли на Аган-реку, где стояли наши Летние Дома, наше Летнее Селение. Там тоже было много интересного и нового. По реке проходили катера с баржами на буксире, на обласах и лодках заезжали к нам на чай путники, жители других селений. Изредка посещала нас Красная Лодка — кино показывала и говорила на непо-

нятном языке о неведомых краях, путь в которые начинался с пристани.

Все начиналось с пристани.

Отсюда и я начал свой путь в неведомый мне мир. Бродя по дальним тропам и дорогам, скитаясь по другим рекам и морям, в мыслях я не раз возвращался сюда...

Глава девятая

КИВРИ

За водой ходили под гору, где у подножия были маленькие колодцы. Над ними сооружали островерхие навесы из жердей и болотного мха. Это «домики киври», чтобы в колодец не попадали хвоинки и листочки, крошки сосновой коры и другой сор кустов и трав. А «киври» — это и колодец на болоте или в низинке на окраине бора, это и прорубь на озере или реке, откуда берется питьевая вода.

Я охотно ходил с мамой под гору за водой. Воду носили в берестяных ведрах. Мама сшила для меня маленькое ведерко. Я смотрел, как она делала это. Кусок бересты, нагрев на огне, изогнула по четырем углам. Получилась куженька. Верхний край, приложив с внешней и внутренней стороны саргу¹, обшила мятым корнем кедра. Папа нашел изогнутый дугой сучок сосны, обстругал его, а концы просверлил сверлом. И кедровым же корнем пришил ручку к берестяной куженьке. Готово ведерко.

— Помогай маме, — сказал папа. — Носи воду!

И я бежал за водой. С мамой или с сестрой Лизой. Одного меня еще не отпускали к колодцу.

В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой. Ковшиком черпали воду. Лезть ведром в колодец

¹ Сарга — ленты из лыка молодой черемухи.

строго возбранялось. Играть и резвиться вблизи тоже не разрешалось. Единственное, что мне позволяли возле киври, — это испить воды из берестяного ковшика.

А вода необыкновенно вкусная.

Сор Осеннего Селения питали неиссякающие родники.

Вечером, если отец приходил усталый, то обычно говорил:

— Свежей бы воды.

И мы с сестрой Лизой спешили за водой киври, чтобы напоить отца. Иногда на обратном пути нас подзывали к себе дядя Василь или мой крестный отец старец Ефрем, которые вечно мастерили что-то возле своего дома.

— Дайте свежей водицы! — просили они. — Горло совсем пересохло.

Испив холодной воды, крестный кивал мне седой головой и говорил степенно:

— Спасибо, спасибо, крестник-сын! — И всегда добавлял свое пожелание: — Чтобы и тебе, когда доживешь до моих лет, было кому поднести свежей водицы!..

А было ему в ту пору около ста лет, и мне он казался таким же вечным, как наш Сосновый Бор, Протока Болотной Стороны, Гора Осеннего Селения.

Мы приносили папе воду, и мне думалось, что эта вода снимает усталость и приносит человеку хорошие мысли, хорошее настроение. Ведь возле киври строго запрещалось браниться и говорить всякие плохие слова. Слово упадет в колодец, и пьющий воду может проглотить его. И тогда человеку будет плохо. А разве вы пожелаете плохого своему ближнему и человеку вообще?

Я и сам чувствовал, как берестяной ковш родниковой воды прибавлял мне силы. Это была живительная вода. И вкус ее трудно передать словами. Я улавливал и запах талого снега, и вкус спелой клюквы, и аромат листочков брусники, и едва уловимый дух только что проклюнувшейся травы, и свежесть болотного мха, и смолистость кедровой и сосновой хвои, и тонкую прель прошлогодних

листьев, и сок от корней многих трав и деревьев. Тут была и береза, и черемуха, и рябина, и шиповник, и смо-родина...

Это была вода, настоенная на лучших солях Земли. Это был сок таежной Земли.

Возможно, поэтому я так любил бегать за водой под гору, где были колодцы и берестяной ковшик с деревян-ной ручкой.

Только после, когда я объехал многие земли, многие города и села, испил воду многих рек и озер, многих родников и колодцев, я понял, что такой воды, какая была в киври под Горой Осеннего Селения, нигде больше нет. И — с годами я уверовал в это — не должно быть...

Глава десятая

ГОРА ОСЕННЕГО СЕЛЕНИЯ

Наше Осеннее Селение стояло на высокой горе под сенью седых сосен, на южной окраине белоягельного су-хого бора. Гора тянулась с запада на восток и была прямой и ровной, как тетива лука-самострела. Весь склон был в рыжей хвое, в бордовой бруснике, в разохшихся шишках.

Гора смотрела в полдень.

Поэтому весной здесь появлялись первые проталины, куда мы бегали собирать прошлогоднюю бруснику — сморщенную, суховатую, но очень вкусную. А немного позднее, когда сходил снег, спускались на сор за клюквой. Сор был чистым и длинным, как Гора. На его окраинах зацветала царица болот — морошка. Это наша любимая ягода. Она напоминала мне солнце в ясный полдень — была такой же прозрачно-желтой и сочной. Но, к сожа-лению, она созревала только в июле, когда мы перебирались в Летние Дома на Агане.

Бор был чистым и светлым от белого ягеля. И был еще необыкновенно звонким. Помню, когда я впервые закричал в бору, то бор долго звенел напевно и мелодично, словно заиграла хантыйская десятиструнная арфа — Журавль. И я, пораженный волшебством бора, замерев, слушал эту мелодию.

Гора смотрела в полдень.

И дома селения тоже смотрели в полдень.

Мы выходили из дома и шли прямо к спуску, шли под Гору, где в колодцах брали родниковую воду. Снизу Гора Осеннего Селения казалась мне высокой-превысокой. Когда я стоял наверху, то через верхушки росших на подножии сосен видел Припроточный Лес.

Мама с водой поднималась на Гору, а мы с сестрой Лизой на подъеме отдыхали два-три раза. Свои берестяные ведерки с водой ставили на заранее выровненные на песке пяточки. И мы всегда с большим уважением говорили об этом склоне, где обрывался сосновый бор — Гора Осеннего Селения. Всякий путник, идущий с пристани, не проходил мимо, не отдав поклон нашей Горе.

Много лет спустя я снова увидел Гору Осеннего Селения. Лесорубы вырубил Сосновый Бор. Невдалеке нефтяники поставили буровую. В первое же лето, когда жители переехали в Летнее Селение, иные лихие «искатели» прошли по лабазам и амбарам. Такое соседство пришлось не по нутру жителям, и они навсегда покинули Гору Осеннего Селения. Дома и другие постройки обвалились и торчали из земли грудой полустгнивших бревен. Лишь три или четыре лабаза стояли на курьих ножках — с отодранными дверцами. Из тех, кто жил здесь, осталось две или три семьи. Не было моего крестного старца Ефрема. Не стало добрейшего дяди Василя. Нет многих моих двоюродных и троюродных братьев и сестер, дядюшек и тетюшек. За эти годы многие навсегда оставили землю и Гору Осеннего Селения. Ушли многие, ушли навсегда...

Ушли. Это есть жизнь. Это можно понять, как бы больно ни было, ибо ничто не вечно под солнцем и луной. Хотя многие ушли преждевременно, ушли до срока. Ушли люди — и Гора Осеннего Селения показалась мне до обидного маленькой, до обидного низенькой. Гора, что в моей памяти была всегда высокой, чистой, светлой.

Я поспешил прочь. Я шел, и память восстанавливала Гору Осеннего Селения моего детства. Я шел, и память шла со мной. И, быть может, я счастливее многих, у кого не было Горы Осеннего Селения — чистой и светлой — высоты, на которую я взбираюсь всю жизнь.

Глава одиннадцатая

ЗДРАВСТВУЙТЕ, РОДСТВЕННИКИ!

У меня много родственников. Все жители нашего селения до десяти домов — это люди рода Бобра, мои родственники. Кто старше моего отца, те приходятся мне дядюшками и тетушками. Кто младше отца — это все мои братья и сестры. С ними я играю, озорничаю, а иногда и дерусь. Среди сверстников меня перебарывает только троюродный брат Архип, сын дяди Василя. Правда, он на полтора-два года старше меня. И я все жду, когда появится во мне дедовская сила, чтобы одержать верх над соперником. Сила почему-то не спешит вселиться в меня. Но я не отчаиваюсь, жду.

Не зря же дали мне имя моего деда-богатыря.

Есть у меня родственники и за пределами нашего селения по всей нашей Аган-реке. У мамы остались дети от первого дома — дочь Федосья и сын Галактион. Мои брат и сестра. Брат приезжает к нам не часто. Он работает «почтовым человеком», возит почту между двумя большими селениями в разных концах реки. Зимой — на оленях, летом — на обласе. Изредка заезжает домой.

Я всегда с нетерпением жду его: он делает мне игрушки из дерева и бересты, мастерит луки и стрелы, охотно катает на нартах и на обласе.

Возле старшего брата всегда чувствуешь себя увереннее.

А сестра бывает у нас еще реже. Далеко она живет, вышла замуж в низовье реки. Но путники часто привозят нам от нее слово «Здравствуйте!». Мы все кричим тогда хором:

— Здравствуй, здравствуй, сестра!

А мама обычно тихо, словно сестра рядом, в нашем доме, говорит:

— Здравствуй, дочка! Здравствуй, старшенькая!

Последним, выждав, когда утихнет шум, подавал голос отец:

— Здравствуй, здравствуй, Федосья!

Мы были уверены, что она слышит нас и теперь будет здоровствовать много-много лет и зим. И мы в свою очередь с каждой оказией посылаем ей свое слово-пожелание — «Здравствуй!».

Когда я стал старше, узнал, что помимо кровных родственников у меня еще есть родственники среди других народов — это манси, венгры, эстонцы, финны¹. Все люди, у кого родоначальником был Бобр, глава нашего рода — сира, — это тоже мои братья и сестры, дядюшки и тетуськи. Об этом мне говорила мама. Говорил папа. Говорил дядя Василь. Говорил мой крестный отец старец Ефрем.

Где вы, люди рода Бобра?! Откликнитесь!

И я, гордый таким родством, наверное, на все стороны света посылал свое слово-пожелание:

— Здравствуйте, родственники! Здравствуйте!

В те дни зародилось и живет во мне до сих пор ощущение, что все люди Земли — это мои родственники.

¹ Ханты родственны по языку финно-угорским народам (прим. автора).

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ ОЛЕНИХА

В тот год мы весновали у бабушки, на Яру рода Сардаковых. Возле бревенчатой избушки, на чистине, снег горел на глазах — и вскоре появилась большая проталина. На ней земля в полдень так нагревалась под щедрым солнцем, что я украдкой от мамы босиком выбегал из дому, чтобы попрыгать на песке. Оказывается, за зиму я очень соскучился по теплой и ласковой земле.

Было много солнца. И на красно-оранжевых бревнах избушки выступала прозрачная смола. На боровых соснах сверкала и трепетала под ветерком золотистая кора. Под высоким белым Яром наша Аган-река несла голубоватые льдины, и по ним скакали шаловливые лучи солнца.

В высоком небе ни облачка.

Воздух наполнен ароматами весны.

Пахло сосновой хвоей и смолой.

Пахло теплой древесиной.

Пахло ростками первой зелени.

Нас со старшей сестрой Лизой все время тянуло на улицу. И почти целый день мы играли на проталине перед домом.

Проталина эта приглянулась и нашей оленихе. Звали ее Стройный Олень, или Стройная Олениха. Придя с пастбища, она сначала подходила к двери. Мы с сестрой бежали к ней и кормили ее с руки. Ее лакомства — поджаренную чешую с подоушек, плавники и щучьи хвосты, головы чебаков — мы заранее запасали. Знали, какие рыбьи кости следует давать оленю, а какие нет. Мама всегда предостерегала нас, чтобы мы не давали ей щучьи челюсти с острыми зубами. С щучьими зубами не мог справиться даже наш клыкастый пес Харко.

Я иногда выносил нашей Оленихе кусок-другой хлеба. Делал это тайком от взрослых, поскольку с хлебом в те

годы было туговато. Олениха тянулась ко мне и, раздувая ноздри, шумно втягивала в себя воздух. Наверное, ловила запах поджаренной подушки и хлеба. Она любила хлеб и, получив кусок, благодарно кивала мне головой. Так мне во всяком случае казалось.

Я гладил ее по светлой шее и по светлым бокам. Почти до белизны обветривалась она под весенними ветрами и солнцем. Мне нравилось, что она становилась такой же светлой, как и снежно-белый олень. Хотя скоро начнет линять — и шерсть на ней повиснет клочьями. Зато осенью я не узнаю ее в новом наряде: шерстинка к шерстинке, вся она будет сверкать и серебриться на солнце. На голове звонкие ветвистые рога. Тогда ее с рук не покормишь. Я начну подзывать ее: «Та-та-таа-а!» Она издали будет коситься на меня выразительным глазом. И как только я сделаю к ней шаг — она, пугливая и осторожная, отступит на два. Тут уж и хлебом не подманишь, и жареными плавниками и чешуей подушки не подзовешь.

Так бывает осенью. А сейчас, полакомившись, Олениха не спеша обходила наш открытый, без городьбы, двор, потом ложилась на теплую проталину возле входа в дом. И, прикрыв большие темные глаза, жевала жвачку и дремала.

Так было изо дня в день.

С каждым днем становилось все теплее.

Потом наша Олениха пропала. Не приходила с пастбища. По таинственным улыбкам взрослых я понял: они что-то знают об Оленихе, ничего плохого с ней не случилось, просто не говорят. Пришла она на третий день утром. Да не одна — а с маленьким красношерстным олененочком. Олененочек едва касался земли высокими тонкими ножками, словно по весеннему воздуху парил. Но на песке оставались крохотные ямочки от копыт — значит, он все-таки ходил по земле.

Нашей радости не было предела.

— Ох, олененочек! — прошептал я.

— Смотри, смотри! — дергала меня сестра. — Какой махонький! Какие высокие ножки!

— Теперь у нас два оленя — целая упряжка! — сказала мама. — Только бы хорошо рос олененок!

— Ах-ах! — закудаhtала наша седовласая бабушка. — Ах, какой олень!

— Олень вроде ничего, — сдержанно проговорил отец. — Хорошо на ногах стоит. Крепко стоит.

Даже муж бабушки, сумрачный и суровый отчим нашей мамы, вдруг улыбнулся и сказал негромко:

— Н-да, олень!..

И мы все поняли, что олененок и вправду родился хороший. Хоть куда!

Олененок пугливо озирался по сторонам, прижимался к боку матери. И при любом неосторожном движении бросался прочь. Но Олениха успокаивала и подзывала свое дитя ласковым хорканьем. А отец тихонько подкрался к нему и поймал за ножку. И мы все по очереди чмокнули его в мордочку со словами:

— Расти большой! Расти сильный! Расти быстрый!

А мы с сестрой Лизой погладили его по теплой головке. Отец выпустил его из рук — олененок отбежал и отряхнулся. Видимо, не понравилось первое прикосновение человека. Но потом он успокоился и вместе с Оленихой-мамой обошел наш двор. Мне показалось, что они, осматривая строения, тихо переговаривались на оленьем языке. Показывая на избушку, Олениха говорила:

«Это дом. Пахнет хлебом, поджаренной рыбой и теплом. Запоминай, дочка, эти запахи».

«А кто в доме живет?» — спрашивала дочка.

Ведь она все видит впервые. И ей, конечно же, все хочется знать.

«В доме люди живут, — отвечала мама Олениха. — Наши хозяева. Маленький хозяин и маленькая хозяйка. Большой хозяин и большая хозяйка».

«А с белыми головами кто такие?»

«Это старые люди. Наверное, родители наших больших хозяев».

«А это что за дом на чурочках стоит?»

«Это не дом — в нем нет чувала. Это амбар».

«А что в амбаре?»

«Там всякие куженьки, туюски, корыта, набирки».

«Для чего они?»

«Для рыбы, для сбора ягод. Пахнет чешуей и брусникой».

«А тут почему нет стен? Одна только крыша...»

«Это навес. Так и должно быть. Под ним стоят нарты. На таких нартах мы зимой станем возить наших хозяев. Особенно любит кататься наш маленький хозяин, который каждый день выносит мне разные лакомства. Это чтобы я зимой катала его на нартах».

«А в высоком доме кто живет?»

«А-а, это ты про лабаз спрашиваешь. Видишь, он стоит на четырех ножках с насечками. Это чтобы мыши туда не пробрались. Там хранится меховая одежда, подволоки — это охотничьи лыжи, подбитые мехом, упряжные лямки и съестные припасы. Обычно там бывает мука в мешке и сел в берестяных кадушках. Сейчас, по-моему, муки там нет — маленький хозяин почти не угощает меня хлебом».

«А что такое сел?»

«Сел — это прокопченные чебаки и подъязки, всякая мелочь рыбья. Очень вкусная. Вот подрастешь — и тебя начнут баловать такой рыбкой».

«А это что за зверь такой?» — спросила дочка, подходя к собачьей конуре.

«Это пес наших хозяев. Зовут его Харко. Ты близко не подходи. Может цапнуть за ножку».

«За что? Я ж ему ничего плохого не сделала!»

«Ни за что. Собаки все хитрые и коварные. При людях они тихие и мирные, а как хозяин отвернулся — сразу цап!»

«А тебя они кусали, мама?»

«Да. Когда я маленькой была, однажды, помню, собака отвязалась и долго гоняла нас, оленей, по пастбищу. Мы догадались — прибежали домой. Тут хозяин поймал и крепко наказал собаку. А у меня потом болели раны на задних ногах. Если нападет на тебя какая — надо всегда бежать к дому хозяина, — говорила Олениха. — Хозяин всегда выручит!»

Они подошли к таганку, где на открытом огне варилась уха и кипел наш большой медный чайник. Дело шло к обеду, и тут хлопотала бабушка.

«А это что за красный зверь?» — спросила дочка Оленихи, показав на таганок.

«Это не зверь, это — огонь!»

«Тоже кусается?»

«Да, очень больно может укусить. Пока он под прищмотром человека — за тобой не погонится. Но все равно будь осторожна, не наступай на пепел кострища — копытца можно обжечь».

«Сколько же у нас врагов! А друзья у нас есть?»

«Есть и друзья. Наш маленький хозяин, маленькая хозяйка и их родители. Это друзья, понимаешь?»

«Понимаю».

Так, тихо переговариваясь на оленьем языке, они обошли наш двор. Потом вернулись на проталину, потоптались немного и легли на горячий песок бок о бок. Мы с сестрой не подходили к ним, смотрели издали, чтобы не беспокоить зря. Как только приближался человек, пугливый красношерстный олененок сразу вскакивал.

Теперь мы с сестрой ломали голову, какое имя дать маленькому олененку, дочке нашей Стройной Оленихи. Ни одно имя не подходило, поскольку олененок пока никакого поступка не совершил. Еще не показал свой характер, не показал свой нрав. Да и не простое это дело — придумать имя. Ведь оно должно быть таким же звонким

и красивым, как и сам олененок. И чтобы оно обязательно «пристало» к нему.

— Имя придумали? — спросила мама.

— Нет еще, — ответили мы с сестрой. — Не пристают имена к нему.

— Думайте, думайте.

А папа посоветовал нам:

— За ним внимательно наблюдайте.

— Зачем?

— Он сам подскажет вам свое имя.

Но мы и так почти не спускали глаз с олененка. С каждым днем он все подрастал и становился резвее. Задрав пушистый хвостик, пускался вскачь по проталине. Словно поддразнивал меня — кто быстрее, кто быстрее! И я удивлялся: он только родился, а бегаёт быстрее меня. Я не мог догнать его. Ай да олененок!

Было тепло. Границы проталины заметно отодвигались — вместе с ними расширялся и мир моих владений. Я все дальше и дальше уходил от избушки вслед за тающим снегом.

Шли дни. Олененок подрастал, а имя все не приходило. А потом мы и вовсе забыли об имени. Как-то днем, покормив Олениху, я забежал домой. Тут следом влетела бабушка и крикнула маме:

— Вера, вашей Оленихе плохо стало!

— Что с ней? Где?!

— Там! На проталине! Беги!

— Зови отца! — крикнула мне мама и выбежала из дома.

Весь дом всполошился. Все забегали, засуетились. Все что-то кричали, кого-то звали.

Я тоже выскочил на улицу. Олениха на одном месте кружилась среди проталины. Вдруг ноги ее подломились, и она, задрожав вся, рухнула на землю. Забила ногами и, загребая копытами песок, неловко поползла по кругу. В правую сторону. На правом боку.

— Может, подавилась! — крикнула бабушка и глянула на меня. — На подоконнике гвозди лежали. Может, с чешуей отдали ей!

— Не давал я гвоздей! — закричал я. — Не было там гвоздя.

— В рот, что ли, ей загляните! — попросила мама.

Отец приподнял голову Оленихе с закатившимся глазом, подержал немного, а потом осторожно опустил.

Отец молчал. Все притихли.

Наконец отчим мамы сумрачно выдавил:

— Всё. Кончилась.

И проталина вдруг сузилась до пяточка, на котором лежала наша неподвижная Олениха. И мы стояли возле нее и молчали. А вокруг нас с горьким плачем носился маленький олененок. Он не мог пробиться через людскую стенку к своей матери, не видел ее, но понял, что случилось несчастье. Услышав его плач, мы с сестрой тоже заплакали. Но бабушка тут же зашикала на нас и увела в дом.

— По оленю нельзя плакать, — сказала она. — Утрите слезы.

Мы размазали слезы по лицу и забились в темный угол.

И нам стало холодно и жутко.

Приходили соседи, люди рода Сардаковых. Вздыхали, о чем-то спрашивали отца и отчима мамы. Я сначала улавливал лишь не очень понятные слова: «война», «фронт», «груз», «червь в сердце», «война время». Потом понял, что говорили о нашей Оленихе. У нее «сердца не стало». Олениха нас всю войну везла и «из войны» вывезла, говорили взрослые. Иначе бы мы не выжили и войну бы не одолели.

Последняя Олениха.

Военная Олениха.

А недавно, приехав в отчий дом, я вспомнил ту послевоенную весну далекого детства. Вспомнил нашу

последнюю Олениху. Оказалось, что и мой отец не забыл ее.

— Да,— сказал он.— Это была последняя Олениха вашей мамы. И ты помнишь ту весну?

— Да.

— Война и олений род подорвала...

Потом, встряхнувшись от дум, стал расспрашивать о жизни людей земли, о войне и мире.

И надолго замолк. Видно, в его памяти всплыло, как он выражался, «война время», те тяжкие годы, о которых напомнила ему наша последняя Олениха.

Глава тринадцатая

КРАСНЫЙ МАЛЫШ

Олененок с плачем носился вокруг избушки — звал Олениху-маму. Потом ненадолго останавливался и прислушивался — не отзовется ли мать ласковым голосом. Но было тихо. И он недоуменно оглядывал двор и бросался то в одну сторону, то в другую.

Отец вылавливал его и на руках уносил на пастбище, где паслись олени наших соседей. Но несмышлениш тут же, как только выпускали, убежал домой. И жалобным хорканьем взбудораживал все селение. А вскоре он потерял голос — уже не хоркал, а просто хрипел.

Отец смазал его мордочку кровью Оленихи и снова на руках отнес в сосновый бор к оленям.

— А зачем кровью его смазали? — спросил я.

— Это чтобы его сердце меньше ныло по матери,— объяснила бабушка.— Так древние считали. Так наши предки делали.

Возможно, что и вправду притуплялась боль в сердце. Но наш олененок все продолжал звать Олениху-маму хриплым голосом. Он не находил себе места ни на пастбище среди оленей, ни дома возле людей.

И бабушка, завидев его, говорила:

— Сиротинушка... Опять домой бежит!

— Куда ему еще бежать? — вздыхала мама.

— Да, некуда, — соглашалась бабушка. — Красный олененок никогда не оставляет то место, где теряет свою маму. Как далеко ни увезешь — все равно бежит обратно, на то место.

— Ох, тяжело ему... — печалилась мама. — Голодный ведь, чем его кормить?

Молока, конечно, не было. Началл кормить болтушкой из рыбы. Вареную рыбу очищали от костей, потом мяли и заливали ухой. Получалось что-то похожее на молоко. Из деревянной чаши мы поили олененка этой болтушкой, жидкой рыбной кашцей. Вскоре он привык к такой пище. С пастбища он прибегал прямо к дверям избышки и ждал, когда вынесут поесть. Если мы мешкали, он начинал стучать копытцем в дверь. Видно, сердился, торопил нас: есть хочу, давайте скорей. А коль дверь настежь — то без всякого стука просовывал голову в дом. На что бабушка всегда махала руками и добродушно ворчала:

— Не впускайте его в дом. Не впускайте.

— Почему? — спрашивал я. — Может, ему хочется посмотреть, как люди живут.

— Нельзя оленю в человеческий дом, — стояла на своем бабушка. — Плохо ему будет. Нельзя.

Нельзя так нельзя. И я неохотно закрывал дверь.

Теперь олененок совсем стал ручным. И я целыми днями играл с ним. Я говорил ему, что вырастет он большим и потянет одну половину нарты, а вторую половину потянет колхозный олень. Отец говорит, что осенью колхоз даст нам одного оленя. Временно, на зиму. У колхоза тоже мало оленей — часть из них взяли на войну. Там что-то они возили по тундре в сторону фронта. И не вернулись... Осенью, по первому снегу, мы поедем в зимний дом. Отец станет ездить на охоту и рыбалку. И я прокачусь с ним до ворот корая. А вечером буду выбегать ему

навстречу, чтобы проехать на оленях до стоянки нарты возле избушки. А потом быстро слетаю в дом и вынесу своему любимцу разные лакомства, что припасу для него за день.

Я буду кормить тебя каждый день, говорил я олененку. Только ты спеши, подрастай поскорей. По словам бабушки, скоро появятся комары и пауты. И если ты не станешь крепко на ноги к этому времени, то тебе придется туго. Комары и пауты почему-то больше всех обижают осиротевших оленят. Могут совсем замучить. Я не хочу, чтобы тебе плохо было. Поэтому тайком от взрослых буду приносить свой хлеб. Ведь хлеб вкуснее намного, чем рыбная кашница. Это я хорошо знаю. Особенно свежий хлеб.

Ты будешь хорошо расти, говорил я олененку. Потому что все тебя любят и жалеют.

Олененка каждый звал по-своему:

— Сиротинушка... — вздыхала бабушка.

— Дочка Оленихи... — ласково и грустно говорила мама.

Олененок напоминал всем нашу старую Олениху, которая, уходя, оставила память о себе.

— Малыш... — такое имя понравилось папе.

— Красный Малыш! — сказала моя сестра Лиза.

— Красный! — подхватил я. — Красный!

«Красный», пожалуй, всем по душе. Красный — значит красивый, прекрасный, хороший. Никто этого не отрицал. У всех глаза, все видели это... Красный — потому что у Малыша шубка красная. И всех оленят, до первой линьки в середине лета, называют красными. После линьки цвет будет другой. А осенью, наверное, станет серебристым, как старая Олениха.

Теперь взрослых мучает один вопрос. Они спрашивают друг у друга:

— Выживет ли?

— Не знаю. Совсем еще махонький...

— Вот если бы чуть постарше был...

— Да, свой желудок еще не поднял.

— Без материнского молока...

— Выживет, если к другой оленихе приучить.

И мама вспомнила оленные времена. Бывало, если олененок оставался сиротой, его приучали к другой оленихе, у которой есть свое дитя. И она привыкала и со временем начинала кормить и растить двух оленят. Но у нас нет оленихи. И у соседей почти не осталось оленей — у кого два-три, а у кого и вовсе нет ни одного. Да к тому же соседские олени обижали нашего Малыша. Когда он подбегал к какой-нибудь оленихе, та сердито фыркала и замахивалась копытом. Я тут же, в отместку за это, швырял в драчунью щепки и сосновые шишки.

— Ух, я вам дам!.. — кричал я обидчикам Красного Малыша.

Мы кормили его рыбной похлебкой каждый раз, как только прибежал домой. И он, привыкнув, целый день топтался возле дверей избушки. А потом у него стал расти живот. И он как-то заметно отяжелел, уже не летел к дому птицей, едва касаясь земли. Теперь ступал он степенно, как старый олень, у которого плохо сгибаются суставы. Напоминал маленького старичка-хлопотунчика — ходил только шагом, вскачь почти не пускался. Наверное, тяжело с брюхом, соображал я.

Спросил у мамы:

— Почему у него живот таким большим стал?

— У сирот-оленят всегда такие животы.

— Отчего они такие?

— Видишь ли, — объяснила мама, — он растет без молока. Ест рыбную болтушку. Ест зеленые листочки — травки и ягель. Это грубая пища. Он еще не окреп. Вот его желудок и не справляется с такой пищей.

— Может, чем-нибудь другим надо кормить его?

— Да ничем материнское молоко не заменить... — вздыхает моя мама.

— А живот у него всегда таким будет?

— Нет, когда он подрастет, живот у него будет нормальным. Как у всех оленей.

— Это хорошо! — обрадовался я. — Ему легче бегать. Я тут же выскакивал из дома и бежал к олененку.

— У тебя все пройдет! — кричал я Красному Малышу. — Как только подрастешь! Слышишь?! И станешь так же быстро скакать, как и другие оленята, которые с матерями растут. Ты не расстраивайся, Малыш! Все пройдет. Все пройдет...

И он тыкался носом в мой живот, обнюхивал мои руки. А я гладил его по теплой маленькой головушке, и на моих ладонях оставались его красные шерстинки. В это мгновение я был уверен, что он понимает мой язык. Понимает все, что я ему говорю.

Но его огромные глаза грустные-грустные. И мне, глядя в них, хотелось плакать...

И в словах взрослых я улавливал тревогу:

— Выживет ли?..

— Будет ли жить?..

— Сколько еще протянет?..

Только суровый отчим мамы все чаще сводил кустистые брови и молчал, когда шел разговор о Красном Олененке. И это его молчание меня беспокоило больше, чем тревога в словах бабушки, мамы и папы и наших соседей. Впрочем, когда с нижнего конца Яра, с ягельника, где паслись олени, показывался наш олененок, я забывал обо всем на свете — тут же опрометью бросался к нему навстречу, ловил его и чмокал в теплую мордочку.

Наверное, на всем белом свете только я один был уверен до конца: ничего с олененком-сиротой не случится — выживет. Обязательно выживет!..

Эту мою уверенность видели и взрослые. Бабушка сказала мне с улыбкой:

— Ты каждую хвоинку с него сдуваешь, каждую шерстинку ему поправляешь. Конечно же, он должен выжить!..

А мама грустно заметила:

— На твоём лишь дыхании живет...

Но моего дыхания хватило ненадолго.

Солнце делало свое дело. Снег почти полностью сторел, и проталина стала бескрайней. Река очистилась ото льда. Вернулись на Север стаи перелетных птиц.

Прогредел первый гром.

Прошел первый дождь.

Появились первые комары. И я их безжалостно прихлопывал, чтобы поменьше досталось комаров на долю Красного Олененка. Теперь я провожал его на пастбище до самого конца Яра. И утром, если рано просыпался, встречал там же.

Но однажды Олененок не пришел домой. Солнце уже поднялось высоко, и мы все, ожидая его, забеспокоились. К полдню отец отправился на поиски. Вернулся он неожиданно быстро — с Красным Олененком на руках. Тот лежал на тропе головой в сторону дома. Совсем недалеко, за ближним сосняком.

— Видно, бежал домой и свалился замертво, — сказал отец и положил Олененка на землю возле бабушки.

Мы молча обступили его. А он такой маленький, красношерстный и... неподвижный. И мы с сестрой тихо заплакали. Но теперь почему-то никто не шикал на нас, никто не говорил нам, что по оленю нельзя плакать.

Сквозь слезы я представил себе, как все это произошло.

На рассвете Олененку стало плохо, и он рванулся домой — поспешил к людям. Но не добежал до дома, не добежал до человека — преждевременно свалился и не встал. И я был бессилен помочь ему. И это бессилие угнетало меня: ни о чем другом не мог думать.

Потом он вернулся и, трепетно легкий и пугливый, ускользающий при каждом неосторожном движении, долго жил в моих снах...

Так кончился род оленей нашего дома.

СКАЗКИ МОЕГО КРЕСТНОГО

По вечерам мы обычно собирались в доме дяди Василя, где жил мой крестный отец старец Ефрем. Мы приходили к нему, и друзья тыкали меня в бок и шептали:

— Сказку проси! Он твой крестный отец!..

Я придвинулся к старцу и громко — он стал туговат на ухо — просил:

— Крестный, нам сказку расскажи!

— Сказку? — переспрашивал он. — Да сказки давно покинули мою голову.

Я недоверчиво косился на его седую голову и лукаво тянул:

— Может быть, од-на-а коротенькая сказка осталась, а?

— Коротенькая? — снова переспрашивал он. — А что толку от коротенькой? Ведь мало вам будет коротенькой!

— А легенду! — невозмутимо добавлял я. — Можем и легенду послушать, если совсем нет сказки...

— Легенду? — степенно спрашивал крестный.

Мы согласны были и на легенду. Хотя всегда предпочитали сказки подлиннее.

— Да-а, — неопределенно тянул старец. — Вот трубка моя куда-то запропастилась. Вечно из-под рук уходит... неведомо куда.

Я быстро отыскивал его трубку и кисет и подавал ему.

— Спасибо, вот спасибо, крестник мой! — благодарил он и непременно добавлял свое пожелание. — Чтобы и тебе, когда доживешь до моих лет, было кому подать трубку и огонь!

«Это я должен дожить до ста лет!» — удивлялся я.

Он неторопливо набивал табаком трубку, неторопливо раскуривал ее и, сделав две-три затяжки, говорил, словно вслух размышлял:

— Старееет моя голова... Уходят мои сказки...

Потом, немного помолчав, спрашивал:

— Может, загадку поискать?

— Загадку, загадку! — хором кричали мы. — Загадку, дедушка!

— Ну ладно, одну загадку в памяти разыскал, — соглашался старец и, сипнув трубкой, выдавал: — Загадка-загадка, посреди бора длинный хвост. Что это?

— Тропинка, тропинка! — хором отвечали мы.

— Молодцы! — кивал старец белой головой. — Правильно: тропинка это.

Пыхнув трубкой, загадывал новую загадку:

— Загадка-загадка, две сестрицы через валежину оглядываются-оглядываются, но никак не могут друг дружку увидеть. Что это?

Теперь мы кричим вразнобой, кому что взбредет в голову. Каждому хочется первым отгадать трудную загадку. А крестный молчит. Значит, еще не попали в точку, не сообразили, что за сестрицы. Мы начинаем оглядываться на родителей — не поможет ли кто? Не подскажет ли? Вечерами возле старца Ефрема собирались и взрослые, наши отцы и матери, тетушки и дядюшки. Когда начиналась сказка, они замолкали и слушали с таким же интересом, как и мы, дети.

Крестный мой ждет отгадку. Что же это такое — две сестрицы, которые никак не могут друг дружку увидеть? Мне даже становится жаль этих неведомых сестриц: живут рядом, самые близкие родственницы — и вот такое наказание...

Что же все-таки такое? Кажется, перебрали всё, а ничего не подходит. Молчит крестный. Наконец потихоньку подсказали родители. И кто-то крикнул:

— Две сестрицы — это глаза!

— Верно, так! — соглашается крестный.

Мы начинаем вращать глазами и убеждаемся: и вправду, глазом глаз никак не увидеть. Разве что зеркало поможет.

— А валежина что? — спрашивает крестный.

— Это — нос! — кричим мы радостно. — Валежина — нос!

— Верно! — кивает старик. — Все-таки изловили отгадку. Молодцы!

Мы замолкаем в ожидании сказки.

Возвращаются и те ребята, которые бегали за отгадкой в соседние дома. Но, увы, не успели. Мы победоносно поглядываем на них, перешептываемся, укладывая в памяти загадку.

А крестный, прикрыв усталые глаза, молчит, покуривает трубку. Потом, очнувшись от дум, тихо говорит:

— Вот тут в памяти одну небольшую сказку изловил...

И в дом входила неторопливая сказка.

Мы вплотную придвигались к сказочнику и, забыв обо всем на свете, замирали со сказкой в ушах. Сказка завораживала и взрослых. Если к хозяевам приходили соседи что-то попросить, то они говорили только шепотом. А бывало, забыв о делах, оставались «на сказку».

Слушал весь дом. Слушал, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова...

Такова была сила сказки моего крестного.

Это он только говорил — «небольшая сказка». По старой привычке. На деле же сказка оказывалась такой же длинной, как и его жизнь.

Он не трогал сказок коротких. Наверное, знал, что мы сами выудим их у наших родителей, у тетушек и дядюшек. Он рассказывал нам древние мифы, о которых мало кто слышал. Я узнал, что такое Земля и как появились на ней люди, звери и птицы, травы и деревья, реки и озера. Что есть Верхний мир, где живут боги. Средний — для людей. И есть еще Нижний мир, куда люди уходят после окончания жизни. Что в давние времена и боги устраивали сражения между собой, и отзвуки тех битв остались в названиях созвездий, в названиях многих

сопок, рек и озер Среднего мира. А после и человечество Земли не раз пускалось по неразумной тропе войны...

Что такое Средний мир, в котором живут люди? Это островок в пространстве, передает миф. Это островок Земли в пустоте.

Все, что есть в этом мире,— все объяснимо, все имеет свои истоки. Я слушал неторопливое повествование, и мне уже казалось, что все изначальное в жизни связано с моим крестным отцом — мудрым старцем Ефремом. Со сказкой на устах он казался мне центром Среднего мира, центром Земли и Неба, центром Вселенной...

Я выучил многие его сказки. И когда в нашем доме собирались дети, я рассказывал им древние мифы моего крестного.

После, когда пришел в школу и впервые увидел глобус, я поразился: мой крестный был прав. Был прав, хотя ни разу глобуса и карты Земли не видел. Земля — это шар в пространстве. Просто он называл его не шаром, а островком Земли. И первый космонавт, облетевший нашу планету, еще утвердил меня в мысли моего крестного, что во Вселенной есть разумные существа. Просто мой крестный называл их богами. Прав он и о Нижнем мире — ведь все мы, живущие на этом свете, в конце концов уйдем в Землю.

Прав мой крестный: жизнь вечна, ибо мы просто переходим из одного физического состояния в другое. Но след наш остается. И остаются наши сказки. Останутся и сказки моего крестного — частица его жизни...

Глава пятнадцатая

СТАРИК МЕСЯЦ

Огненно-медный лик Луны медленно выплывал из-за боровых сосен. И весенние снега, и вечерние облака, и дома, и люди — всё вокруг становилось таким же огненно-

пурпурным, как и восходящая Луна. Когда я впервые увидел круглый огромный лик Луны, спросил у мамы:

— Это кто?!

И мама ответила:

— Это Старик Месяц.

Пораженный его живым румянцем и огненной величиной, я показал на него пальцем. Мама строго внушила мне:

— На Старика нельзя пальцем указывать.

— Почему? — удивился я.

— Палец этот заболит. Есть такая примета, — пояснила она и, повернувшись к Старику, добавила: — Он не любит, когда в него пальцем тыкают. Кому это понравится?

Строгий, видно, Старик, подумал я. Надо с ним ухо держать востро. Мне совсем не хотелось, чтобы заболел мой указательный палец. И я спросил у матери, что теперь будет. Она сказала, что в первый раз Старик простит меня. Ведь я показал на него по незнанию, а не с умыслом оскорбить. Впредь я этого не стану делать и с большим уважением буду относиться к небесному Старику.

Я согласился со словами мамы и успокоился.

Оказывается, Старик похож на человека. Он понимает меня, соображал я. Совсем как у людей на Земле. И это еще больше утверждало меня в мысли, что все небесное и земное — взаимосвязано, едино, цельно. Значит, я могу жить и на Земле, и на Небе. Ведь и Месяц-Старик жил когда-то на Земле. Быть может, он является моим родственником...

Мой крестный старец Ефрем рассказал древний миф о происхождении Луны.

ЛУНА-ЧЕЛОВЕК

Жил Человек. Жил счастливо. Но его постоянно тянула дорога: хотелось поездить по Земле, посмотреть, что там за дальним болотом, за дальним урманом, за дальней горой. Он загрустил. И жена, заметив его грусть, отпустила его, сказала: езжай. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал — увидел город. Остановил коня возле дома, вошел в дом. Там жила женщина. Он остался с ней. Жил-жил, опять не стало покоя, опять позвала его дорога. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал — снова увидел город. Вошел в дом, в доме жила женщина. Он стал жить в этом городе. Но через некоторое время он снова пустился в путь. Долго ли ездил, коротко ли ездил — наконец сердце потянуло его в родной дом. Он повернул коня и поехал в сторону родного дома. Оказывается, он так долго ездил, что город, где жила его третья женщина, уже сровнялся с землей, а земля заросла травой-кустарником. Только на месте дома был небольшой бугорок. Он остановил коня и стал ковырять носком этот бугорок. И неожиданно из бугорка выскочила его женщина. С криком: «Дорогой мой, иди ко мне!» — кинулась к нему. Он вскочил на коня и поскакал в сторону родного дома. Но женщина из потустороннего мира не отставала от всадника, с криком и воем неслась за ним по пятам. И когда он скакал мимо другого города, который тоже сровнялся уже с землей, из бугорка на месте дома выскочила вторая женщина. Теперь обе женщины с воплями мчались за всадником. Хотя он гнал коня изо всех сил, конь летел галопом, но женщины настигали и уже тянули руки к хвосту коня. Тут показался родной дом. И он послал мысль вперед — жене, первой, единственной: «Жена моя, спасай меня!» И та уловила его мысль и выскочила на улицу, схватила мужа за правую руку и ногу. Он не успел соскочить с коня. С другой стороны его схватили за руку и ногу преследовавшие женщины.

И начали тянуть его в разные стороны: женщины — в одну, жена — в другую. Ни та, ни другая сторона не хотела уступать. И наконец разорвали Человека посередине. Две женщины со своей половиной с радостным визгом, хохотом и воем тут же ринулись прочь. И сгинули бесследно.

Жена Человека занесла свою половину в дом, скатала из того, что ей досталось, маленького ребенка, посадила его в люльку и стала качать, лелеять, растить. Ребенок рос, вырастал, взрослел. Но взрослым он был всего три дня. Затем начинал убывать и превращаться в неразумного младенца. Она снова принималась качать его, лелеять, растить. И он вырастал за три дня. А затем все начиналось сначала. Жена качала его, лелеяла, растила днем и ночью. И наконец от усталости уже не могла поднять руки.

И тогда она сказала:

— Если бы мне досталась твоя половина с сердцем, я бы сделала из тебя Человека. Но мне досталась половина без сердца — я ничего не смогу сделать...

Она скатала шарик из того, что ей досталось, и вышла на улицу. И со словами:

— Я не смогла... Пусть тебя Небо растит и лелеет! — бросила шарик в небо.

И шарик этот стал Луной. Сначала растет, затем на три дня взрослеет, а после начинает убывать. И так из месяца в месяц, из года в год, из столетия в столетие. И люди уважительно стали называть его Стариком, а он стал освещать землю по ночам.

А жена его... первая... единственная... которую он, быть может, недооценил сначала, — не захотела жить на Земле без любимого Человека. Она ушла в Небо и стала Солнцем.

Мне было до слез жаль Человека сказки. И, чтобы не разреветься, я долго молчал. А после потребовал у взрослых:

— Почему ей досталась половина без сердца? Скажите!..

Взрослые переглянулись между собой, помолчали, потом объяснили:

— Если бы ей досталась половина с сердцем, то не было бы сказки. Понимаешь?!

Но я ничего не хотел понимать. Мне не нужна была сказка. Мне нужен был живой Человек, который жил бы рядом со мной на Земле. А взрослые этого не допускали...

Я много думал о Человеке пострадавшем. И однажды понял, что женщины мифа — это силы добра и зла. Эти силы непременно должны были столкнуться и, столкнувшись, разорвали Человека пополам. А впоследствии также понял и то, что в каждом человеке есть два начала — светлое и темное. С годами одно из них берет верх, и оставшуюся часть жизни человек живет с этим цветом, и все его дела и помыслы идут уже по определенному руслу. Размышляя об этом, я все чаще думаю: кому достанется мое сердце? Светлому ли, темному ли началу?

ЛЮДИ МЕСЯЦА

Чистый и доверчивый лик Старика Месяца так мне понравился, что я смотрел не отводя глаз, как он, путаясь в ветвях сосен, поднимается в Небо. Казалось, он был так близко, что протяни руку — и прикоснешься к его теплому лицу.

Я отчетливо видел на правой стороне очертания человеческой фигуры. Он чуть наклонился вперед, протянул руку к сидящему слева человеку. Внизу, между ними, прорубь — круглое темное пятнышко.

Легенду о том, как эти двое попали на Луну, помню смутно. Ее рассказывала соседка тетя Аксинья, мать моей родовой¹ сестры Катерины и брата Андрея. Помнится, она

¹ *Родовые* — троюродные или четвероюродные сестры и братья.

говорила, что людей Месяца видит не всякий живущий на Земле. Это не зависит от зоркости глаз. Человек даже с очень острым зрением может не увидеть лунных людей, детей Неба. Их разглядит только тот, кому судьбой предначертана на Земле долгая жизнь.

Меня тогда не очень волновало то, какую жизнь мне предопределила судьба — долгую ли, короткую ли, ведь существование Неба и Земли я не представлял без себя. Главное, я мог рассматривать лунных людей, их фигуры, протянутые друг другу руки, бездонную пасть холодной проруби. Я отчетливо видел их и мог с ними разговаривать. Это же дети Земли, попавшие на Небо. Может быть, из моего рода. Значит, мои близкие родственники.

В ГОСТЯХ

После ужина я попросился на улицу, чтобы взглянуть на Старика Месяца. Он уже поднялся высоко в Небо, и свет его стал густым и голубоватым. От огненной красноты не осталось и следа. Если в начале вечера только голова его была видна из-за горизонта, то сейчас он весь предстал предо мной и пред людьми Земли.

Возьми сколько хочешь лунного света!..

Мне всегда казалось, что чем дольше я стоял под Луной, тем больше лунного света уносил с собой в дом. Словно Луна насквозь просвечивала меня и лунный свет надолго оставался во мне.

Но с каждым вечером Старик Месяц все позже и позже стал выходить на свою небесную тропу. Я заскучал, ожидая его. В начале полнолуния он появлялся чуть ли не с первыми сумерками. А теперь!.. До полночи его надо ждать. А меня спать отправляют: поздно, говорят родители, ложись, не то утро проспичь. А кому утро хочется проспать? Я спрашиваю:

— Где небесный Старик?

— Задерживается, — ответил отец. — Он в разное время вверх поднимается.

— А где задерживается?

— Да у него свои дела,— говорит отец и переводит взгляд на маму.

Я к маме. Она конечно же знает, где задерживается Старик.

— В гостях он задерживается,— начинает она, не откладывая шитья, одно из многочисленных сказаний о Старике Месяце.

У Старика три сына, говорит мама. После полнолуния он начинает навещать своих сыновей. В первый вечер идет в дом старшего сына. Гостеприимная и расторопная старшая сноха встречает гостя, быстро готовит ему угощение, кормит и поит его. И тот, не задерживаясь попусту, поднимается на небесную тропу, чтобы осветить Землю и Небо.

Второй вечер Старик проводит в доме среднего сына. Средняя сноха особым радушием и гостеприимством не отличается. Она долго размышляет, что приготовить гостю, чем его угощать, чтобы свекра не обидеть и себя внакладе не оставить. Сноха все прикидывает, все решает, а время идет. Старик задерживается и с опозданием выходит на свою тропу.

В следующий вечер Старик приходит в гости в дом младшего сына. Жадная сноха, не долго думая, повесила варить в котле голову хора, самца оленя. Голова жилистая, твердая. Сколько времени-то варить ее надобно!.. Вот Старик и сидит, ждет, томится. На Земле уже ночь. Темно. Давно наступила пора на тропу выходить, тьму развеять, пути-дороги людские осветить. А он все котел ждет, все сидит в гостях. Ведь солидному гостю никак нельзя выходить из дому, не дождавшись стола. Обычай такой есть.

— Когда Старик начинает задерживаться за горизонтом, люди говорят: жадная сноха повесила варить для свекра жилистую голову хора,— закончила мама.— Не скоро он выйдет на небесную тропу...

Я представил, как Старик поглядывает на потолочное

окно, покашливает, волнуется, что опаздывает со светом для людей на небесную тропу. А хозяева и усом не ведут. Ладно, сноха, а сын-то куда смотрит? Неужели не видит, что отец торопится по своим делам? Я все грезил чем-нибудь досадить жадной снохе Старика, которая задерживала лунный свет для людей.

Спросил у мамы:

— Почему сын Старика не поторопит свою жену?

Мама взглянула на меня, молча сделала несколько стежков, затем поинтересовалась:

— Где это видано, чтобы мужчина вмешивался в женские дела?.. Мужское ли занятие?

Я подумал: вот отец стал бы указывать матери, что и как сварить для гостей, что и как сшить для зимы. Наверное, это выглядело бы просто смешно. Ведь каждый должен знать и делать прежде всего свое главное дело.

СТАРИК В ДОМЕ

Зимой вокруг Старика Месяца иногда появлялся светлый круг.

— Что это такое? — спрашивал я.

— Это Старик Месяц дом себе построил, — говорил отец.

— А зачем ему дом? — интересовался я.

— Это к морозу. Он заранее видит, какая будет погода, — пояснил отец.

Дом у Старика бывает большой, средний и маленький. По его величине отец обычно определял степень и продолжительность ожидаемых морозов. Если дом появлялся у растущего Месяца, который смотрит влево, или убывающего — когда смотрит вправо, то жди бурана.

Многое знает и видит небесный Старик.

Все верно, соображал я. От большого мороза спасает только хороший дом. А от свирепого бурана где укрываться охотнику? Тоже в дом надо спешить. Какая охота в

такую погоду. Ни в мороз, ни в бурян нет охоты. Сиди, переждидай их. Делай что-нибудь другое. Промысловый инструмент чини, мастера ловушки и нарты.

Умный Старик Месяц — сам готовится к морозам и бурянам и людей предупреждает. И я еще больше уважал этого скромного небесного Старика.

СОБАКА СТАРИКА МЕСЯЦА

Весной Месяц на небе заметно бледнел. Наверное, мягкий свет белых ночей оттеснял его с весеннего небосклона. И казалось, все жители нашего селения забывали о нем до самой осени. Ведь летом по нему ничего не определяли и он, словно чувствуя свою ненужность, уходил на отдых.

Я думал, что за зиму он очень уставал, и поэтому ему нужно отдохнуть. Он много работал зимой.

Зима...

Вечером никто не входил в дом, не взглянув на Старика Месяца.

Помню, как-то зимним вечером, вернувшись с улицы, отец сказал неторопливо:

— Месяц-Старик очень коротко привязал свою Собаку — большие холода видит!

Я тут же встрепнулся:

— У Месяца-Старика есть Собака?!

— Есть, есть, — сказала мама. — Разве я тебе не показывала?

— Как-нибудь покажу, — пообещал отец.

Но меня так заинтересовала эта таинственная Собака Старика, умеющая предсказывать погоду, что я тут же потребовал:

— Покажите сейчас!

И мама согласилась:

— Ладно, пойдем.

Я мигом оделся и вышел на улицу вслед за мамой.

Сочный свет Луны лежал на борových соснах вокруг дома, на неошкуренных жердях кораля, на рыбном сарае, на нартах и на хрустко звонком снегу.

Все вокруг было в лунном свете.

Мы с мамой, выйдя из дому, попали в поток лунного света и, потеряв земное обличие, стали вдруг лунными людьми. Удивительно и ни с чем не сравнимо это ощущение лунности! Словно я превращался в лунный свет и этот поток лунного света уносил меня сквозь настоящее и прошлое в неведомое будущее. И, оторвавшись от Луны, я уже самостоятельно витал в пространстве среди миров и был независим от времени, от Луны, от земной жизни... Быть может, это длилось всего одно мгновение. А может быть, очень долго...

Потом сквозь лунный свет я увидел звездное небо. И услышал голос матери:

— Найди самую ближайшую от Месяца звезду!

Я поднял голову и быстро разыскал эту звезду. Она молча смотрела на меня, и я чувствовал ее пристальный взгляд.

— Вот это и есть Собака Месяца — самая ближайшая к Старикку звезда, — сказала мама.

Она немного помолчала, а затем пояснила: если Старик коротко привязывает свою Собаку — к большим холодам, далеко — к оттепели, на среднем расстоянии — к умеренной погоде, не очень холодно и не очень тепло.

— Вот так Собака Месяца! — воскликнул я в восхищении. — Сколько знает!..

— Да, много знает, — согласилась мама. — Высоко она, далеко ей видно кругом.

Я замороженно смотрел на удивительную звезду, неразлучную спутницу Луны. А имя-то какое придумали ей — Собака Месяца. Наверное, это имя дал ей древний охотник: ведь собака — самый верный и надежный друг человека в тайге.

Сколько же всяких тайн знает эта высокая звезда!

Наверняка помнит всех моих предков, помнит всех моих родственников, живших когда-то на Небе и на Земле...

Наверное, на моем лице появилось сожаление, поэтому мама сказала, успокаивая меня:

— Вот подрастешь, выучишься и, как эта маленькая звездочка, узнаешь многие тайны Неба и Земли...

— Когда же я подрасту! — вздохнул я. — Так долго ждать...

Я начал разыскивать на небе знакомые созвездия. Вот Большая Медведица. Люди нашего рода называют его Ногастым Зверем, Лосем. Вот Малая Медведица. Вот Звезда вечерней зари. К этому времени я еще знал Звезду утренней зари. Она появляется на востоке перед утренней зарей. Первый признак нового дня. И вот прибавилась к ним звезда Собака Месяца...

Вернувшись с Неба на Землю, я подбежал к конуре нашего большого белого пса Харко и весело спросил:

— А ты можешь предсказать погоду, как Собака Месяца?

Харко быстро отряхнул свою снежно-белую шубу, звякнув цепочкой, подпрыгнул выше меня, пытаясь лизнуть мое лицо, и, широко разевая пасть с крепкими клыками возле самого моего носа, сказал радостно и важно:

— Ав-вав, ав-вав!..

Наверное, я не понял его, потому что ответил так:

— Фу, какой глупый — ничего не знает!

На что пес не обиделся нисколько: подпрыгнув, радостно повторил:

— Ав-вав!.. Ав-вав!..

— Он не глупый, — сказала мне мама. — Он знает не меньше Собаки Месяца. Только вот говорить по-человечески не может. За ним нужно наблюдать, если хочешь что-то узнать. Он многое предчувствует, многое может предсказать...

И, словно уловив смысл этих слов, Харко солидным голосом подтвердил:

— Авв-вавв!.. Авв-вавв!..

Впоследствии я убедился в этом: собака охотника знает не меньше Собаки Месяца. А может быть, и больше. Ведь собака охотника тут, на Земле, всегда рядом с хозяином — и погоду предскажет, и об опасности предупредит, и на помощь человеку придет.

Тут мама позвала меня, и мы вернулись в дом.

— Видел? — спросил отец.

— Видел! — так же кратко ответил я.

Засыпая, я думал о Старике Месяце и его Собаке. Добрый Старик, соображал я. Когда видит мороз, притягивает к себе Собаку, маленькую звездочку. Это чтобы ей теплее было возле хозяина. А в хорошую погоду отпускает ее подальше — пусть бегаёт и резвится на воле. В непогоду же прячет ее за спину — прикрывает от холодного ветра, от бурана. Добрый Старик. С такими мыслями я и заснул. Ночью мне приснился Старик Месяц. Он поднялся из-за горизонта, чтобы отдать свой щедрый свет людям Земли, чтобы осветить их пути-дороги, чтобы с помощью своей верной Собаки-спутницы показать им, что ожидает их в грядущем. Он был удивительно похож на моего легендарного деда Романа — ведь тот был таким же добрым и щедрым к людям Земли...

Месяц-Старик что-то говорил мне и улыбался. Хорошо так улыбался. Правда, проснувшись утром, я не смог вспомнить его слова. Но улыбка его осталась во мне...

В те годы я узнал немало примет о явлениях природы, о Солнце и Месяце, о звездах и Земле. Позже, поселившись в городе, где над головой только тусклое небо и тусклые звезды, я многое растерял, многое позабыл. Но по сей день, по старой привычке, в зимний вечер я не захожу в дом, не взглянув на доброго Старика Месяца и его верную спутницу...

Глава шестнадцатая

БОЛЬ ЗЕМЛИ

Когда мама случайно острием топора задевала Землю, она быстро ровняла порез, закрывала его щепками и хвоей. Я вспомнил, что так делал и отец, если его топор нечаянно соскальзывал с дерева на Землю. И я спросил маму, что все это значит.

— Это рана на теле Земли,— сказала мама.— Ни в коем случае нельзя оставлять раны. Больно Ей!..

— Больно? — удивился я.— Ты мне раньше этого не говорила.

— Если случайно поранишь Землю — Сидящую, нужно сразу же полечить рану,— продолжала мама.— Нужно выровнять порез, чтобы побыстрее заживал.

К этому времени я уже знал, что нельзя часто повторять священное имя Той, что держит нас: Земля!.. В особо значительных случаях, во время больших торжеств и в критическую минуту, когда обращаются к Ней за помощью,— вот тогда называют Ее этим именем — Земля. А в обиходе зовут Ее просто Сидящей. Наверное, от частого употребления имя изнашивается, тускнеет, соображал я. Вот детям поэтому и не разрешают попусту называть это имя.

Я вспомнил слова матери о том, что у всего живого есть душа. Есть душа у человека. Есть душа у дерева, у травиночки, у цветка. А все, у кого есть душа, чувствуют боль. И у Земли есть душа, наверное. И поэтому я снова спросил у матери:

— Ей от раны больно, да?

— Конечно,— ответила мама.— Помнишь, когда ты палец порезал,— тебе ж больно было?

— Помню. Я плакал.

— Вот и Сидящей так же больно,— грустно проговорила мама.— Только мы не чувствуем Ее боли.

Я живо представил себе Сидящую: сидит величественная женщина-красавица, а мы, люди, живем и бегаем по Ее плечам, и, по неразумности своей, иногда причиняем Ей боль, приносим страдания. Но Она — мне казалась одновременно и человеком и богиней — прощает нам многие обиды. Ведь Она такая же добрая и справедливая, как и моя мама, и понимает, что дети могут и пошалить. Недаром называют Ее Сидящая Мать. Стало быть, все люди Земли — Ее дети...

Я взглянул на свою маму. И мне пришла мысль: моя мама чувствует боль Сидящей Матери, боль Земли. Если и не до каждого человека доходит эта боль, то моя мама наверняка чувствует ее. Когда она острием топора задевала Землю, я видел на ее лице боль. И я спросил:

— Мама, а ты чувствуешь боль Земли?

Она внимательно посмотрела на меня, помолчала немного, затем сказала тихо, в раздумье:

— Может быть, иногда и чувствую...

Тогда мне еще неведома была чужая боль. Позже, размышляя об этом, я понял, что корень всех корней жизни находится в Земле. Корень дерева, само дерево, плоды дерева, жучки-паучки, звери и птицы, человек... Все взаимосвязано, все держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю. И поранивший Землю поранит и корень всех корней. И замахнувшийся на корень прежде всего замахивается на себя и на человечество. Но боль изначальную чувствуют очень немногие, а конечную — почти все. Ибо каждый замах потом обязательно откликнется...

Я слушал маму. А затем в мою голову пришла другая мысль. И я спросил:

— Мама, а когда мы острой лопатой копаем Землю — разве не делаем Ей больно?

— Нет, лопатой мы не делаем Ей больно, — уверенно сказала мама. — Когда для нужного дела мы копаем или что-то строим. За это Она не сердится на человека.

И я стал думать о разумном и неразумном в жизни

Земли. А мама стала мне пояснять, почему нельзя делать больно нашей Земле. Все люди-народы, все звери и птицы, деревья и травы на Земле живут. Всех Земля держит. Всем дает жизнь священная Земля... А если поранишь Ее и Она обидится насовсем — тогда где жить? Как жить?! Не станет Земли — не станет жизни... Вот поэтому и нужно беречь Землю. Вот поэтому и нужно думать о Ней ежедневно, помнить о Ней до последнего мгновения...

А вскоре пришло это мгновение — мама ушла в Землю...

После я с завистью смотрел на тех, у кого были мамы. И мне казалось, что в них не было того священного трепета, с каким нужно подходить к матери. Ибо они не знали, не представляли, каково это остаться без матери в детстве. Растить без матери. Жить без матери...

При маме мир был одним, а без мамы другим...

Мужчины нашего рода с черными лицами рубили Землю. Рубили оледеневшую январскую Землю топорами. Рубили Землю молча. Мы со старшей сестрой Лизой сидели у костра и смотрели на них без слез. Мы давно выплакали все слезы. Мы сидели одни. Младших сестер не взяли, ибо самой младшей было семь месяцев от роду, и ее кормили жвачкой. Она была в люльке, а обычай строго запрещал привозить сюда детей в люльке. Мы сидели у костра. А мужчины рубили Землю. И мы видели, как мерзлые комья падали на черный снег. Рубили ту Землю, которую так любила наша мама и в которую она уходила преждевременно. Ее не стало утром, после восхода солнца. По примете хантов, смерть после восхода — это преждевременная смерть.

Рубили Землю нашей мамы. И нам было больно. И во мне до сих пор жива эта боль...

*Ханты-Мансийск — Пярна Талю
1982—1983*

СОДЕРЖАНИЕ

ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ

Олынгмит палык. ЛУК ЛЯКТЫ ИКИ ЛЭКИТЫ

- Олынгмит ох. ВОНТ ЯВЫН ТУЙНАМ 4
Инэл лыхэл сайны 5
Кимытмит ох. ВОТЭЛ КАРЫНЫ 7
Явын унцы тахины 8
Кулмит ох. ИТТЭН НАЙ КУЧИНГНЫ 9
Рахпынг воих кинцы ко 10
Нилмит ох. ВОНТ ЯВЫН ТУЙНЫ 12
Пуци сохъюх 13
Ватмит ох. МЕМИ ЛЭКНЫ 16
Явыл карыны 17
Кутмит ох. ВОНТ ЯВЫН ОНГ КУЧИНГНЫ 20
Сувыс ат олым 21

Кимытмит палык. МИКУЛЬ ЛЭКИТЫ

- Олынгмит ох. ШКОЛАНАМ ТУТА ВАРМАЛ ЛАТНЫ 26
Пой охтыны 27
Кимытмит ох. ЯГУНАМ АСЛЫХЛЫМАЛ ЛАТНЫ 31
Торхит 31
Кулмит ох. КОТЫНГ ЯХИМНЫ 34
Кутюви 35
Нилмит ох. ВАЧ ЯВЫН ЛАНТЫНГ ЯХМЫТНЫ 42
Каимны 43
Ватмит ох. ВОИХ КИНЦА РАНГИПМАЛ ЛАТНЫ 52
Сувэс ингк кучингны 53
Кутмит ох. ТУЛЫХ ВОНТНЫ 58
Имынг яхимны 59

МА МЭХИВ КОЛЫНТЭЛЭМ

- Олынгмит ох. ОИХТЫТЫ КАТЛ 63

Кимытмит ох. МА МЭХИВ КОЛЫНТЭЛЭМ	66
Кулмит ох. ПИЧИНГКЕЛЫ ОХПЭТЭНЫ	69
Нилмит ох. ПУРЛЬВАЙКЕЛЫ ТЫХЛ	72
Ватмит ох. ВУРНГИ ТЫЛС	76
Кутмит ох. КАЛЭК НЯККЕТЭХЕЛ	81
Лапытмит ох. ВЕЛИ ХОТ	83
Нилыхмит ох. КЕЛНГЫТ	86
Ирѣнгмит ох. КИВРИ	90
Енгмит ох. СУВЭС ХОТЫТ РАП	93
Енгурыкккийимит ох. ПЭЧА ВОЛЫТЭХ, РАХЕМ ЯХ!	95
Енгурыккикимытмит ох. КИЧИПМИР НОНТЭХ	96
Енгурыккикиколыммит ох. ВЭРТЫ МОКЕЛЫ	104
Енгурыккинилмит ох. МА ПУКЛЫКЕМ МОНЬЧЕТ	109
Енгурыккикутмит ох. ТЫЛС ИКИ	113
Тылс Кантэх Ко	114
Тылс Яхкин	117
Мойэнг хотны	117
Ики хотны	120
Тылс Ики Амп	121
Енгурыккикутмит ох. МЭХ ЦЕВК	125

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Часть первая. ТРОПОЮ СТРЕЛЯЮЩЕГО ГЛУХАРЕЙ

Глава первая. ВВЕРХ ПО ВОНТЪЕГАНУ	130
В тени старого кедр	131
Глава вторая. НА ПРИВАЛЕ В ПУТИ	135
На переправе	136
Глава третья. У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА	137
Нечестный охотник	138
Глава четвертая. В ВЕРХОВЬЕ ВОНТЪЕГАНА	141
Рогатина	142
Глава пятая. НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ	144
Луканище	145
Глава шестая. ВОЗЛЕ УСТЬЯ ВОНТЪЕГАНА	148
Сон в осеннюю ночь	149

Часть вторая. ТРОПОЮ МИКУЛЯ

Глава первая. ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ В ШКОЛУ	154
По насту	155
Глава вторая. ДОМА НА КАНИКУЛАХ	159
Журавли	160
Глава третья. У ОЗЕРА ХОЛОДНОЙ ВОДЫ	162
Кутюви	163
Глава четвертая. НА ЯГЕЛЬНИКАХ ВАТЬЕГАНА	169

	На пастбище	170
Глава пятая.	В ПЕРВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН	177
	У осенней воды	178
Глава шестая.	НА ОХОТЕ В УРМАНЕ	183
	На святом бору	183

Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ

	Глава первая.	ДЕНЬ ОБРЕТЕНИЯ	187
	Глава вторая.	Я СЛУШАЮ ЗЕМЛЮ	190
	Глава третья.	ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ	194
	Глава четвертая.	ГНЕЗДО ТРЯСОГУЗКИ	196
	Глава пятая.	ВОРОНЫ МЕСЯЦ	200
	Глава шестая.	ХАЛЕЙ ХОХОЧЕТ	204
	Глава седьмая.	ОЛЕНЯ ДОМ	206
	Глава восьмая.	ПРИСТАНЬ	210
	Глава девятая.	КИВРИ	214
	Глава десятая.	ГОРА ОСЕННЕГО СЕЛЕНИЯ	216
Глава	одиннадцатая.	ЗДРАВСТВУЙТЕ, РОДСТВЕННИКИ!	219
	Глава двенадцатая.	ПОСЛЕДНЯЯ ОЛЕНИХА	221
	Глава тринадцатая.	КРАСНЫЙ МАЛЫШ	228
Глава	четырнадцатая.	СКАЗКИ МОЕГО КРЕСТНОГО	234
	Глава пятнадцатая.	СТАРИК МЕСЯЦ	237
		Луна-Человек	239
		Люди Месяца	241
		В гостях	242
		Старик в доме	244
		Собака Старика Месяца	245
Глава	шестнадцатая.	БОЛЬ ЗЕМЛИ	249

А36 **Айпин Е. Д.**
В тени старого кедр: Повести на хантыйском и русском языках.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 256 с., ил.

В пер.: 55 к. 30 000 экз.

Переиздание книги для ребят среднего школьного возраста.

Повести известного хантыйского писателя в поэтической форме учат ребят видеть, понимать и беречь мир, в котором мы живем.

Становление личности через общение с природой, через традиции своего народа — одна из центральных тем книги.

А 4803010102-065 73-86
M158(03)-86

ББК 84Хан

Еремей Данилович
Айпин

**В ТЕНИ СТАРОГО
КЕДРА**

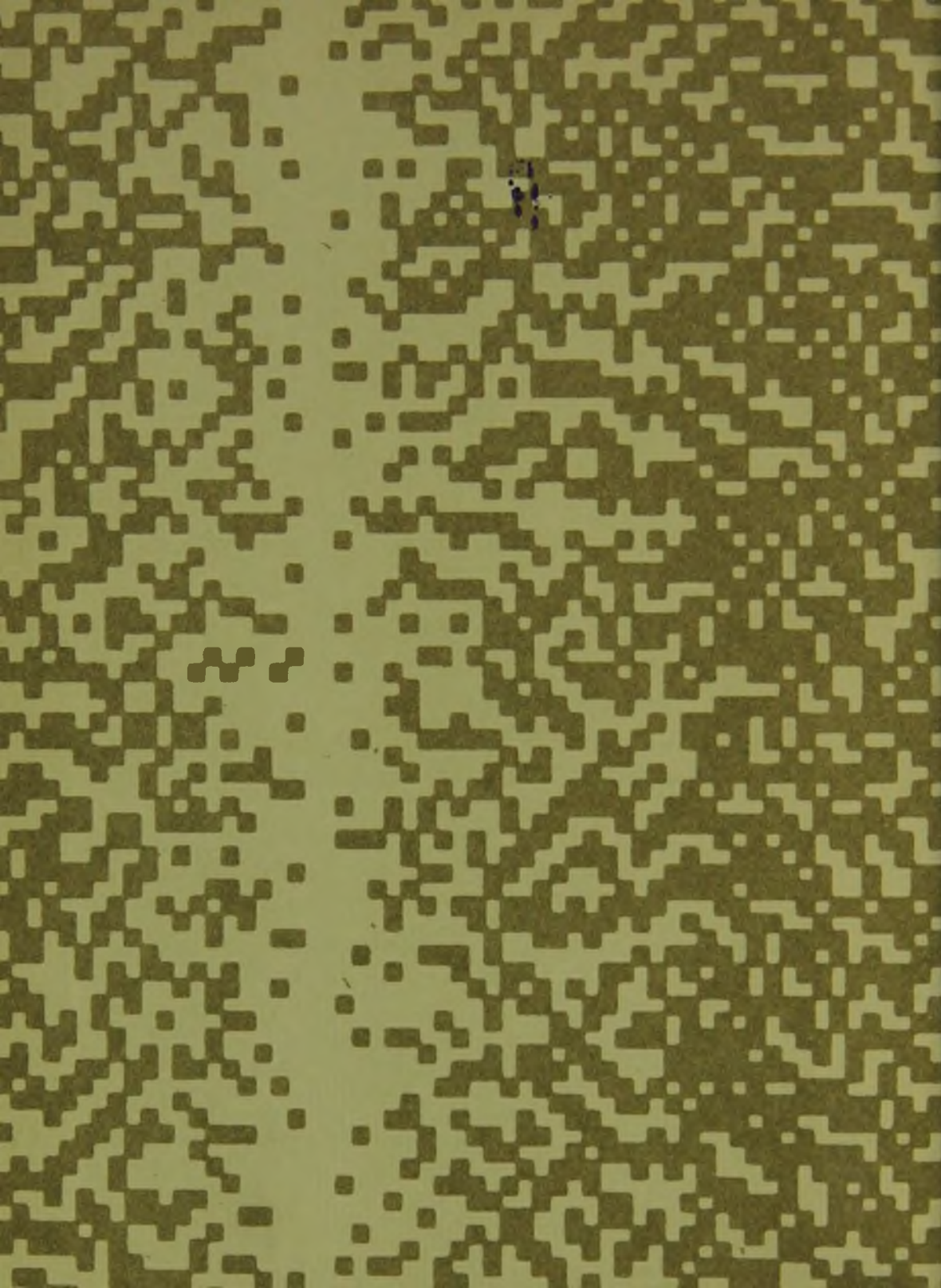
Редактор Н. И. Трубникова
Оформление В. Носкова
Иллюстрации Э. Селисаар
Художественный редактор
А. В. Вохмин

Технический редактор
Л. М. Голобокова

Корректоры Е. В. Иванова, Т. А. Дрябина

ИБ № 1370

Сдано в набор 19.08.85. Подписано в печать 12.05.86.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 11,5. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 30 000. Заказ 440. Цена 55 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49

X

7

78002004
Окружная библиотека

